

Игорь Зайонц

Удар кирки

Предисловие Ю.С. Апенченко. 1982 г.

Дорогой друг мой наконец-то собирает под одну обложку часть того, что успел написать (и напечатать) в роде, так сказать, belles lettres, то есть художественной литературы. О жанре написанного - проза, публицистика, очерк - можно спорить, но разумнее обойтись без споров.

«Убегала назад лента изгороди с косо летящими жердями. За изгородью поднимался пологий склон, заставленный буколическими снопами, нежно и ярко желтеющими над усталой стерней. А в фиолетовом небе, клубясь, сшибались иссиня-черные и багровые тучи. Их разрывали ослепительно ветвящиеся нервы молний. И над всем этим, представьте, стояла чистая светлая радуга».

Что это? Высоко, конечно, но - что? Проза? Так ведь всё, что не зарифмовано, и есть проза. И, может быть, не так уж и не прав был наш общий старый знакомец Костя Гердов, сказав:

- Я бы всё же назвал картину «Склон моего детства». Или просто «Торжок». А вот о самом Косте, Котике, Друге Нобелевской премии: «Он работал, как каторжник. Приаральские смерчи взметались за окнами над виноградной лозой; падали на бегу, ломая тонкие ноги, стельные сайгачихи, срубленные катаной картечью, и их глаза изливались предсмертной тоской в ладони ночных такиров под безжалостным светом фар. Старая мать глядела из дверного проёма с болью и состраданием.

- Я бы нашла тебе скромную, чистую девушку, - немо молила она непутевого сына, - хотя бы дочку тетки Марии, или чем хуже гречанка Фика, гречанки хорошие жёны, она ходила бы на базар, и ты, сыночек, работал бы, как все люди, и возвращался бы домой по вечерам, а я бы нянькалась с твоим первенцем, а ты бы после ужина подрезал бы виноград и перестелил наконец крышу на веранде, а то уж два года как протекает, я говорила сколько раз твоему дяде, но ты же видишь, ему бы только налиться «Изабеллой», сыночек.

Сыночек в потертом плащике появлялся ранней весной в Москве с потёртым портфелем, набитом новыми, кустарно отпечатанными рукописями, и ещё там были четвертинка бородинского хлеба, томик Волошина, плавленный сырок «Дружба», «Сто лет одиночества» Маркеса и пакетик засохшей кураги.

- Учитель, салют!- кричал Котик, пугая тишину Серебряного бора. - Я привёз новый роман, батано!»

Что это? Двадцать строк из романа? Краешек биографии неведомого художника? Или просто очерк - воспоминание о старом товарище?

Ещё две выписки - о разных материях. Первая: «Десять миллионов лет назад Великое море, омывавшее восточные берега Кавказа, откатилось в глубоководную впадину, замкнутую с юга мощной подковой Эльбурских гор (...). Все эти долгие миллионы лет в песках, погребённых плотными глинами, шла неслышно тяжёлая

работа: густая чёрная нефть, упорно оттесняя воду, заполняла завоеванные пустоты, тая в себе целебное зловоние будущих звериных ям с истоптанными берегами, чадающий свет зороастрийских факельных капищ, духоту керосиновых лавок, высокооктановое пойло гоночных автомашин, волшебнo скользкий нейлон на длинных ногах ветреных красавиц, вспыхивающий в небе инверсионный след сверхскоростного перехватчика». Второй отрывок: «Как у каждого народа, среди монголов есть храбрецы и трусы, скупцы и бесребреники, мерзавцы и святые. Но ежели позволительно говорить о какой-то общей черте народа, то прежде всего я бы отметил светлое радушие, точнее сказать, ровный радушный интерес к чело-веку, независимо от степени родства и знакомства». Казалось бы, первый отрывок взят из геологического, а второй из этнографического очерка. Но нет. Словами о нефти Каспия начат рассказ о деду Макаре, Игоря Лазаревича Зайонца дедушке, а размышлениями о монголах пропитаны письма геолога о поисках воды в Гоби.

К чему я клоню? К тому, что строгое определение жанра по отношению к писаниям моего друга - бессмысленно. Это и проза, и публицистика, и очерк, причём не только художественный. Это поэзия, несомненно; стены скромной по объёму книги подпирают оставшиеся за её пределами стихи и песни. Это история и философия - размышления о прошлом и будущем планеты Земля и страны Россия, о природе человека и природе вообще, о бытовании различных народов -хантов, коми, монголов. Вот почему я решил исправить ошибку дру-зей-издателей и железным пером вычеркнул с титульной страницы подзаголо-вок книги: «рассказы геолога». Да, да, да! - я знаю, разумеется, цену профессио-нального таланта нашего друга, может быть, не так хорошо, как его коллеги, но знаю. И всё же это не рассказы геолога, поверьте. Это речь поэта, философа, исследователя. Это свидетельство человека о своём времени и тех, с кем довелось его делить. А потому даже как бы чисто производственные и житей-ские сюжеты: труд начальника геологической партии или пилота, жизнь сезон-ного рабочего и судьба паренька ханта, научные гипотезы и дискуссии всегда содержат в себе завязь спора общечеловеческого, порой планетарного. Свобода и несвобода, красота и уродство, Моря и Ледники.

Читая книгу своего друга, я думаю о счастии и несчастьи нашей жизни. Нашей, то есть не моей и его, а всех, кто соединился, встретился, пересёкся с нами судьбой в жизненном пространстве. Счастье, я думаю, в том, что, успев не мало повидать в этом, по слову Платонова, прекрасном и яростном мире, мы отстроили сферу собственного обитания так, как хотели, не поступившись ни дружбой, ни правдой, ни памятью. Всё в нас. Несчастье же, и уже не только наше, наверное, в том, что тот мир, который мы строили в своём воображении, ради которого бескорыстно горбатились с молодых лет, теперь торопливо пытаются расхватать по кусочкам люди склада чуждого и даже враждебного нам. Ну да Бог им судья...

Пятнадцать лет - тысячу лет! - назад «Удар кирки» был опубликован в «Дружбе народов» рядом с сочинениями Егора Яковлева о семье Ульяновых. Егор Владимирович, что и говорить, большой человек. Составлял речи Брежневу, редактировал «Московские новости», ходил в Верховный Совет СССР, руководил телевидением при Ельцине. Получил за так огромный домино, в коем могли бы разместиться все бездомные геологические партии Москвы, издаёт там учреждённую им же «Общую газету». Всё у него, как говорится, сложилось. Но! Вряд ли когда-нибудь ему придёт в голову издать неведомо ради чего писаную лениниану. А нам - взять её в руки. А вот «Удар кирки» я

открываю с любовью. И снова слышу голос молодого Друга Нобелевской премии: «Встали и стоим прямо!».

Увы, не так уж мы молоды, Брат.

Но ничего - встали и стоим. Стоим прямо.

Юрий АПЕНЧЕНКО.

«Мы хотим свободы. Тот, кто работает киркой, хочет, чтобы в каждом ударе кирки был смысл. Киркой работает каторжник, каждый ее удар только унижает каторжника, но если кирка в руках изыскателя, каждый ее удар возвышает изыскателя».

Антуан де Сент-Экзюпери

Часть 1.

Временами в тайге, в ликующей июньской тундре, в светлом ли тальничке над черной старичной водою меня внезапно охватывает чувство... Как бы это растолковать? Ну, как если бы дерево в непомерной тайге, та же черная старица только что были неотделимы от ветра, берега, беличьего цокота, ленивого щучьего хода и вдруг осознали себя и все вокруг, свою обособленность, непохожесть. Чувство ребенка, впервые увидевшего море...

Но – «ангел пролетел»: неразлично дерево в стене осин и елей, отраженных и мертвой пустой воде, азимут 344, солнце за головой и чуть слева, полные голенища мошки. Да, ангел пролетел. Но была же минутка! Годы проходят, а ты все помнишь. Что-то аукнется слуху – да ведь это журавли тянутся над весенней Юнь-Ягой вдоль ледяной Уральской гряды. Закроешь глаза – ободранный нос «Казанки», с грохотом прыгающей на рваной обской волне. Словом, как говаривал Саня Юдкевич из института Гидропроект, геология не столько профессия, сколько образ жизни.

С легкой его руки этот точнейший тезис присвоен ныне людьми самых различных профессий, что вполне справедливо. Конечно, геолог не теснее связан с природой, чем лесник, скажем, или деревенский пастух. Бесспорно и то, что поле твоей деятельности отделено от существования большинства людей пустыней, тайгой или тундрой не более, чем у полярников, строителей ЛЭП и многих иных первопроходцев. Верно, как у многих иных. И все же наш образ жизни играет на особицу еще одной гранью. Гранитный вулкан на Валдае, розовый мрамор Бий-Хема, одинокая дюна в изголовье Куршской косы едва слышно говорят с тобою, иногда вопят, а чаще молчат темно и безусто, требуя постижения тайны. Это профессиональная болезнь, сладкое наваждение, имя которому - творчество. У тебя есть задание, вполне конкретное дело, обеспеченное активами местных отделений стройбанка, есть план и строгая отчетность. Но, выполняя план и делая дело, ты творишь. Производство сплавлено с наукой, факты осознаешь с помощью воображения, момент полного счастья – предвидение. Глаза геолога – его голова, как утверждает Учитель. Я бы сказал – и сердце.

Ура! – открыта тайна якутских алмазов. Бах! – на Шаимской площади ударил первый фонтан нефти! Трах-бах!..- это все потом. Сначала - мысль, споры с друзьями,

дискуссии, мягко говоря, с оппонентами, непонимающими, изгойство, звездный час признания. Но как передать это состояние, близкое к ощущению свободного полета, ежели ты день за днем запаленно глотаешь мокрый воздух на обморочном болоте, сплавляешься на «резинке», прорубаясь сквозь завалы, прыгаешь в трясины под кинжальным кругом лопастей, пластаешься над грузом, ставишь лагерь, снимаешь лагерь, тоскуешь по друзьям, по дому, и предел твоих мечтаний - баня! Мне бы очень хотелось, чтобы вы разделили все это со мною, хотя необычно трудно написать о геологах что-нибудь путное: ежедневная, однообразная черная работа, простые радости.

Поэтому книги о нас так поверхностны, иногда слюнявы и почти всегда банальны. Даже бесспорная пленительная тундра Олега Куваева все же, в значительной степени, - дань той синей Чукотке времен «Дальстроя», какой она блазилась нам через пыльные институтские окна, отражающие купы Александровского сада и наше младенческое ковбойство.

Я кончал Московский геологоразведочный. Говорю об этом с гордостью, ибо это была высокая школа отечественной геологии. Это была именно русская школа, взращенная на огромных просторах державы, требовавшая в силу одной только непомерности родного простора не только пристального взгляда, но и крупных обобщений, философских концепций.

Профессор Муратов входил в нашу главную и, надо признаться, весьма затрапезную аудиторию, здоровался шепотом, медленными шажками перемещался к краешку длинной, во всю стену, доски и начинал рисовать геологическую колонку неизвестного белорусского района на западном пограничье страны. Затем делал шаг к Минску, смотрел взыскательно на истертый линолеум доски – проступала новая колоночка: граниты, песчаники, известняки. Еще шаг под древние башни Смоленска, - у нас уже зарисована страница, слышен хруст возмущенно листаем тетрадей – на берега милых подмосковных речек... Казань, Уфа, пока, наконец, на самом краешке бесконечной доски не обозначалась возвышенность старых Уральских гор. Михаил Владимирович поворачивался к нам и тихим голосом сообщал, что сейчас мы в общих чертах ознакомились с геологическим строением европейской части Союза. Мы с негодованием взирали на истерзанные тетради, исчерпанные одной только лекцией лукавого мэтра. Михаил Владимирович, тонко улыбаясь, царственно удалялся. С тех пор я затвердил заповедь: геолог - это разрез.

Владимир Васильевич Меннер, по слухам дважды терявший свою докторскую в московских трамваях, вбегал в аудиторию, как распаленный дистанцией стайер, трижды на ходу картавил «Здравствуйте-здравствуйте-здравствуйте», хватал мелок, тряпку, быстрыми круговыми движениями размазывал по доске остатки неприбранного муратовского разреза, приговаривая «Тише-тише-тише», оборачивал к нам иконной красоты лицо и с радостным изумлением предлагал изучить строение черепа крокодила, после чего начиналась какая-то языческая пляска на всех ста двадцати костях крокодильего черепа, но тут всовывались из Академии Наук за срочной консультацией, Владимир Васильевич бросался к ним, - «Нет – нет – батенька – после – лекции – батенька» – снова бег к доске, латынь, крошки мела, брызжущие в стороны, звонок, и неподдельное отчаянье в глазах учителя, достигнутого временем за секунду до финиша. Жаждающие консультации сшибались с нынешним академиком Меннером на полпути к дверям и уносились в вихре его притяжения на четвертый этаж, в крохотный кабинетик, усталый лотками с окаменевшей Историей всей жизни нашей планеты. В этом было

нечто божеское! «Бог», впрочем, отлично понимал, что выучить всю палеонтологию невозможно, палеонтологи неизбежно специализируются, а нам следует лишь отменно знать, как именно развивалась на Земле жизнь; он разрешал нам многократно Большие, пересдавать экзамен, стоически выдерживая гнев деканата, требовавшего предоставить «черную» ведомость немедленно!

Евгений Вергильевич Шанцер, сын легендарного «русского Марата», потрясал нас эрудицией, знанием языков и отличной артикуляцией. Когда профессор хмурил свои знаменитые брови, казалось, что он камнем падает с кафедры, как орал с сомкнутыми крыльями.

- Ну-с, - спросил от меня на экзамене, поигрывая бровями, - а что вы мне можете сообщить о геологии Брабанта?

О господи! Я откликнулся тотчас же:

«Или бунт на борту обнаружив,
из-за пояса рвет пистолет,
так что сыплется золото с кружев
с розоватых брабантских манжет».

Это было все, что я знал о Брабанте. Много лет спустя, в разгромнейшем отзыве на мою кандидатскую диссертацию Евгений Вергильевич отметил, что ПОМНИТ меня как хорошего студента, относится лично ко мне с симпатией, но Платон мне друг и т.д. Это, конечно, была ложь в утешение: студентом я был весьма посредственным. Доныне с ужасом вспоминаю кафедру сопромата и теоретической механики, тайное братство безжалостных инквизиторов, которые к тому же были отчаянными балетоманами. Вымолить у них тройку иногда было возможно, ежели ты, как бы ненароком, проявлял тонкое понимание оттенков классического па-де-де великой Улановой в бессмертной «Жизели».

А еще нас учили геодезии и картографии, кристаллографии и минералогии, начертательной геометрии, гидрогеологии, горному и буровому делу, петрографии и геофизике. А со стен аудиторий смотрели на нас взыскательно и сурово учителя моих учителей – Карпинский, Обручев, Архангельский, Страхов... Как много я упустил в беспечные институтские годы и как часто потом мне приходилось горько сожалеть об этом. И все же это была школа! Высокая школа отечественной геологии. И конечно, было время, пятидесятые годы – самый слом века, - когда, при всем прочем, слово «карьера» еще было бранным, а максимальные трудности при минимальных благах казались естественными и даже желанными.

1

К желанным трудностям я был вполне готов, и все во мне ликовало, когда колесный пароходик пришвартовался к дебаркадеру в изножье высокого чердынского холма: мрачноватая вода Колвы, деревянные мостовые, колокольня в выполосанном небе - лепота ...

Начальник партии, институтский товарищ, прижал меня, юного, к молодой своей груди, а через день мы уже шагали с ним на восток к далекому Полюдову Камню. Вместо овейанного традициями геологического молотка я нес обыкновенную штыковую лопату, и Учитель на ходу учил меня понимать обыкновенную нашу землю, ее почвы и торфа, пески и глины. Вообще-то, обо всем этом говорилось в институте, но как-то не запало в

душу, оттесненное видениями золотоносных жил, базальтовых лав, тектонических сбросов и сдвигов.

Через каждый километр мы останавливались: Учитель писал, проговаривая для меня вслух стереотипные фразы полевой документации, а я копал шурф. Полуокаменевший предуральский суглинок поддавался с трудом. Учитель ухмылялся, а мой энтузиазм угасал в прямой пропорции к проходке. Через месяц такой работы мне стало ясно, что я все знаю. Учитель ядовито констатировал, что я, следовательно, сделал первый шаг в деле научного познания. Он был вспыльчив, я бы сказал, опасно вспыльчив, но при этом, как ни странно, поразительно кропотлив и упорен в работе, любил баюкать оттенки и пестовать детали. Я, напротив, любил уноситься мыслями за горизонт, широкими и смелыми мазками рисуя впечатляющие картины недавнего геологического прошлого: этакий альдебаранец Станислова Лема, склонный к поспешным умозаключениям, словом – дурак дураком. Правда, быстро схватывающий. Если это можно считать достоинством.

Вообще, мне определенно кажется, что склонность к обобщению есть не столько свойство развитого ума, сколько черта характера, точнее – особенность индивидуального восприятия действительности.

...мчались в полutorке навстречу заходящему солнцу по накатанной песчаной дороге из Красновишерска в Вильгорт мимо новеньких телеграфных опор. Убегала назад лента изгороди с косо летящими жердями. За изгородью поднимался пологий склон, заставленный буколическими снопами, нежно и ярко желтеющими над усталой стерней. А в фиолетовом небе, клубясь, сшибались, иссиня-черные и багровые тучи. Их разрывали ослепительно ветвящиеся нервы молний. И над всем этим, представьте, стояла чистая светлая радуга.

Как-то в приаральских Муюнкумах я нарисовал эту картину Котику: солнце в глаза, скорость, гудящие провода, венециановские снопы, страшное врубелевское небо и венец радуги - Россия.

Котик; салютуя, вскинул к небесам длань:

- Высоко, Учитель! – и, помолчав: - Я бы все же назвал картину «Склон моего детства». Или просто – «Торжок».

Да, к тому времени меня тоже стали величать учителем. Без достаточных, правда, оснований.

...Итак, на Верхней Каме, где плыла угрюмая Колва и светлая бежала Вишера, где вилась Глухая Вильва и искрилась Урсинка, где соседствовали Чердынь с Камгортом и Вильгорт с Большим Долдами, где в кои-то лета произошла битва крещеных пермяков с некрещенными....

...Итак, на Верхней Каме мы вели геологическую съемку. Потому что цвела в низовьях перегороженная великими плотинами Волга и катастрофически мелел Каспий. Наш давний заказчик – институт Гидропроект решительно изменял лик природы, создавая рукотворные моря и отводя древние реки в молодые каналы. Возникающие при этом некоторые диспропорции в природном балансе требовали еще более решительного вторжения в природу...

Предусматривалось перегородить Каму, подтопить Колву и Вишеру, упрятать под воду Глухую Вильву и всю Урсинку с ее смородиновыми берегами – в сущности, чисто инженерная задача, требовавшая, правда, технико-экономического обоснования. Вот мы и добывали данные для этого обоснования: не обрушатся ли берега нового моря, не

зальют ли поднявшиеся подземными воды Вильгортские погреба и огороды, не придется ли срывать с дедовских гнезд да и Малые Долды, и что случится, когда рукотворные воды захлестнут необъятные колвинские болота. Поскольку торфяные залежи могут оторваться от минерального основания, и буйные ветры разнесут по будущему морю моховые острова с багульником, кассандрой и пушицей, лосиными переходами в низкорослых сосенках и косачиными токами на клюквенных чистовинах. Надобно было составить геологические, гидрогеологические и инженерно-геологические карты, вразумительно и корректно нарисовать геологические разрезы с прогнозами изменений природной среды и не забыть в маршрутах прощупать ручьи и речки, где могли затаиться россыпные предуральские алмазы, да послушать с радиометром, не затрещит ли чудом урановая смолка. Для этого мы копали шурфы, зондировали болота, бурили скважины, отбирали пробы воды и образцы пород и каждый божий день ходили в маршруты.

- Кончай ночевать! – вопит дежурный.

Ты медленно выбираешься из сладкого сна, медленно-медленно выпрастываешься из спальника, быстро бежишь умываться, быстро-быстро вытираешься, быстро-быстро-быстро намазываешь лицо и руки диметилфталатом, в момент проглатываешь кашу с комарами, приговариваешь, не торопясь, кружечку-другую «индийского» (2-й сорт, специализированный магазин «Чай» на Кировской) и – до вечера. Ты идешь, считаешь шаги, косишься на солнышко, чтобы реже сверяться с компасом, за плечами звенящее комариное облако, вокруг радужными кольцами вертятся оводы, пот заливают глаза, и через каждый километр – шурф.

...или ты идешь по раскачивающемуся полдневному болоту, на плече металлическая длинная штанга, влажность 90%, под энцефалиткой пиратствует мошка диметиловый пот сечет щеки, и через каждый километр – скважина.

...или неделю по пояс в воде ты тащишь на себе груженую «Казанку»; мотор «Москва» первой модификации, конечно же, давно не работает, сверху сыплет мерзкая морось, и тебе еще – пахать и пахать.

...или ты, как джек-лондоновский старатель, моешь шлихи в мертвой пустой воде, октябрь, руки в трещинах и коросте, и вдруг вдоль берега, ознобляя тебя до неудержимой дрожи, проходят голые рыбы.

Такие вот на геологической съемке маршруты. Техника безопасности вести маршрут в одиночку категорически запрещает, но в те, теперь уже далекие времена, нам частенько приходилось нарушать эту заповедь. Хотя одному – плохо. И но оттого, что страшна тайга или встреча со зверем. Просто может случится все, и то, что не может, - тоже.

...в сырой верхнекамской тайге вымахивают несуразные, до небес, осины. Они валятся от пустышной грозы, и за каждым выворотом можно уместить деревенскую избу с подворьем. Они валятся на плечи берез и елей, и неудержимый этот повал ломится через тайгу, пока на пути его не встанут грудью поистине лесные исполины. И вот ты подходишь к такому завалу, вправо и влево конца ему не видно, и ты начинаешь карабкаться напрямик через стволы и обломанные ветки, все дальше и дальше, а на самом деле все выше и выше, пока внезапно не промелькнет в узкой щели колодезной глубины далекая земля. Ты повисаешь в испарине испуга между землей и небом, стволы сразу становятся скользкими, ветки ненадежными и хрупкими. Ты прислоняешься рюкзаком к нождачной коре засохшей ели, вытягиваешь дрожащие ноги и достаешь сигарету.

...или ты буквально протискаешь себя сквозь молодой ельник на затаянном склоне, весь в жаркой паутине, исколотый до крови остистыми веточками, и вот наконец, пред тобой - широкая лесосека. Ты рывком выскакиваешь из душной чащобы, еще рывок – к свету, тебя вздергивает назад и вверх и тотчас же швыряет оземь. Ты приходишь в себя, ощупываешь руки – целы, ноги – целы, с трудом встаешь из помутившей сознание боли, осторожно делаешь шаг, другой: на ноге тонкий сталистый тросик – лосиная петля.

В то время, когда я, оглушенный, тащился в лагерь. Отец доживал десятый день своего шестнадцатидневного маршрута. Что могут взять в тайгу геолог с рабочим на шестнадцать дней? Ну, банок пять тушенки, несколько луковиц, мешочек крупы, чай, сахар, соль, курево, чехлы от спальников, палатку, лопаты, радиометр, топор, ружье. Шестнадцатидневный маршрут – это значит: экономно завтракать, не обедать вовсе, скудно ужинать, четко опознаваться на местности, тащить разбухающие от образцов рюкзаки, вождедая действительно солидного харча.

Не помню, когда я прозвал его Отцом. Скорее всего, после первой производственной практики, когда он вернулся из Забайкалья: руки еще крепче, плечи еще шире, борода на полгруды.

Впервые я увидел его на открытой волейбольной площадке во дворе одного института, такого московского Оксфорда или, скажем, Итона. Играли четверо на четверых, и в одной из команд не хватало игрока. Волейбольные боги в заграничных маечках и фирменных трусиках (один – член сборной Союза) небрежно пригласили кого-нибудь из публики – просто так, занять место. Тогда он и вышел – высокий увалень в очках, в портках и ботинках, в кепке с невозможным козырем, в двухцветной куртке-канадке по моде пятидесятых. Играли на интерес, и новичка, естественно, поставили на подачу. Первый же принятый им мяч был безнадежно захвачен: судил и здесь строго. После третьего ляпа боги прикрыли этого олуха, и он, как лошадь по кругу, уныло ходил по площадке, не касаясь мяча, с трудом поднимая на болельщиков беззащитные детские глаза. Возвращенный вольной московской окраиной, я сострадал ему. Где-то в середине игры его партнеры вытянули невозможный мяч: двое валялись в пыли, третий достал мяч за площадкой и высоко поднял его в воздух. И тут мой увалень легко взлетел, завис на мгновение над сеткой, и тотчас под ним как будто рванула граната. Толпа ахнула. Он так и не ушел с третьего номера до конца игры, пушечно лупя с обеих рук поверх самого высокого блока. Я смотрел на него и был счастлив.

Через месяц мы встретились во МГРИ, в одной группе, за одним столом...

А сейчас он доживал десятый день своего шестнадцатидневного маршрута, желая испытать подаренный в честь окончания института 12-й калибр в действительно серьезном деле при встрече с таежным хозяином. Через неделю он расскажет об этом так:

- ...а тут в кустах справа как затрещит! Ломится кто-то. Ну, точно, думаю, медведь. И вдруг ружье мне показалось таким маленьким! Эх, думаю, мне бы дубинушку...

Мы сидели в чердынском ресторане «Колва»: неметеный пол, на олеографиях промеж окон - ветвисторогие олени, стойка с патефоном. Время от времени очередной клиент поднимался, подходил нетвердым шагом к стойке, бросал пятерку (старыми деньгами) и строго приказывал: «Клава, заведи!». Ветвисторогие олени взирали детскими очами, как Отец прибирает с тарелки пятаю порцию котлет с макаронами. После трех борщей!

Учитель, заскочивший поужинать, оглядев наше скромное застолье, неодобрительно изрек «На берегах пустынной «Колвы» на вечный встанете прикол вы!». После чего все же снизошел и пригубил.

2

Что такое наша земля умеренных широт, застланная полями, пасущая стада лесов и перелесков, баюкающая озера, пруды и реки? Это стены и кровли наших жилищ, бетон, заложный в тело плотин, балласт, отсыпанный в полотно железных дорог, рокад и скромных шоссеек. И это еще миллионы лет геологической истории.

...лет назад, как мы привычно полагали вслед за нашими учеными предшественниками, великий материковый ледник, двигаясь неудержимо с Новой Земли и Полярного Урала, покрыл верхнекамскую землю. Затем он медленно растаял, а когда опять похолодало на планете, новый ледник дополз лишь до Камско-Печорского водораздела; талые воды устремились оттуда, заливая речные долины и низкие междуречья. Эти талые воды, действуя, так сказать, в режиме небывалого, растянутого на тысячелетия половодья, отложили повсюду своеобразный плащ глинистых осадков, которые весьма уважаемый нами академик назвал впечатляюще просто - половодноледниковыми. Мы добросовестно искали и находили зримые следы этих грандиозных геологических событий на Территории Чердынского района Соликамской области. Но поскольку, как все в геологии, события эти от наших дней отстояли довольно далеко, оставались все же кое-какие неясности, в том числе и в определении примерных дат древних ледниковых явлений. Именно этим целям, определению возраста пород, и служит палеонтология, помогая также восстанавливать климатическую обстановку и режимы осадконакопления.

По части находок ископаемых организмов я еще со времен институтских практик был, что называется, везун.

...с характерным стуком лопата скользнула по твердому. Я немедленно ее отбросил и аккуратно отпрепарировал ножом зуб мамонта килограмма на четыре. Скромный заброшенный карьерчик кирпичных глин чудно преобразился, тайна приоткрыла глаза и дремуче взглянула на меня. Короче, вечером я сложил у палатки к ногам Учителя «следы невиданных зверей» (аплудисменты, объятия, пляски у костра). Утром мы совершили новый набег на карьер: горы костей, этикетки, мешочки с образцами, экстаз, умиротворение. Под занавес везун, то есть я, наклонился и извлек из глины изящный такой небольшой рог, явно не олений, тем более, не лосиный.

Образцы исследовала Ученая Дама из Географического института Академии Наук, крупный знаток пыльцы и спор древних растений. Ископаемые кости определяла не менее ученая дама - Прелестная Сероглазка из Геологического института Академии Наук. В конце зимы их заключения одновременно легли на стол нашей камералки на Озерковской набережной. Ученая Дама утверждала, что во время накопления глин на Верхней Каме шумели дубы и клены, цвели липы, и плыл тополиный пух. Прелестная Сероглазка не менее решительно заявляла, что именно в этот отрезок геологической эпохи безлесую холодноватую землю топтали мамонты, рядом с ними паслись шерстистые носороги и неприхотливые северные лошадки, и, как это ни парадоксально, эпизодически из южных пустынь набегали стремительные сайгаки (помните, изящный рог?). Ученая Дама номер один лично прибыла заявить нам, что дубы и цветущие липы несовместимы с мамонтами, а тем более, сайгаками, и следовательно... Мы, собственноручно извлекавшие кости холоднолюбивых животных из исследованных ею

глин, находчиво возразили, что это именно они несовместимы с тополиным пухом и пламенеющими кленами, а значит... Разгневанная Ученая Дама в сердцах назвала моего Учителя неучем и нахалом. Опасно вспыльчивый Учитель обозвал ее дурой.

За всем этим мы как-то упустили из виду, что кости извлечены из глин, отложенных в режиме небывало длительного ледникового половодья. И, собственно говоря, резвиться залетным сайгакам, пастись носорогам и мамонтам, а равно шуметь дубравам было негде, а отсюда вытекает...

Эти темпераментные дискуссии странным образом неожиданно всплыли несколько лет спустя на Нижней Печоре, у самого Полярного круга, откуда, как мы привычно полагали вслед за нашими учеными предшественниками, и надвигался тот ледник, который и т.д.

Опасно вспыльчивый Учитель, не менее вспыльчивый оппонент, Главный Начальник и я стояли у подножья высокого берегового обрыва, в котором перемежались довольно-таки измятые слои песков и глин. Учитель, неистово тыча лопатой в обрыв, доказывал, что мы наблюдаем здесь вполне нормальную последовательность осадочных слоев. Оппонент не менее решительно утверждал, что эти слои безобразно смял ледник, да и сами пески и глины приволок невесть откуда.

- Да как же, черт возьми? – вскипел Учитель – Как этот ваш ледник мог физически таким образом волочить и сминать породы?

- Смотрите, - проникновенно сказал Главный Начальник, - ледник, распространяясь как жестко-пластическое тело с севера на юг (хромовый его сапужок пополз по приречному песку), оказывает несомненное динамическое воздействие на подстилающие породы, приводя, естественно, к существенным их деформациям!

Главный Начальник снисходительно отвел сапужок, и мы увидели идеально пришлифованную полоску песка. Спорщики оторопело вперились в роковой след. Главный Начальник, вздохнув, удалился на МРБ-3 – морской рыболовный бот, однокаютный. Учитель и оппонент, с ненавистью взглянув друг на друга, энергично зашагали в разные стороны вдоль обрыва. Везун, то есть я, по привычке нагнулся и поднял с земли несколько крупных ребристых раковин величиною в ладонь. Солнце, заплескав багровыми крыльями, угнездило за Усть-Цильмой. Мимо мощно плыла Печора.

«В песчаных степях аравийской земли
три гордые пальмы высоко росли».

Как бы вы отнеслись к сообщению, что в ледниковом периоде на Нижней Печоре у голубой черты Полярного круга росли три гордые пальмы?

Раковины, собранные под береговым обрывом, где Главный Начальник моделировал движение Великого Ледника хромовым сапужком, я нес в коробке по Невскому проспекту - Крупному Ученому. За полгода ракушки подсохли, основательно подшелушились и уже потеряли, так сказать, товарный вид. Крупный Ученый сокрушенно покачал головой и порекомендовал обратиться к менее взыскательному, но все же Довольно Известному Специалисту. Я рванул на такси через мост, в институте его, естественно, не застал, вымолил у ученого секретаря домашний адрес, снова просквозил на такси мимо Ростральных колонн - грязно-розовый фасад, подъезд с витражами, пятый этаж без лифта, шесть, кажется, звонков.

О, эти старинные петербургские квартиры! Где на звонок распахивают двери, отступают с приглашающим жестом в прихожую, справляются, чем обязаны. Передо мною стоял совершенно лысый (с бритым черепом?), высокий и поджарый (борзая), сорокалетний, с льдистыми глазами веселого аскета Уар Николаевич Мадерни. Я

объяснил цель визита. Он церемонно провел меня по коленчатому коридору, отворил дверь в пятиугольную комнату со стрельчатым окном в эркере: стерильно, секретер, книги, огромная фотография Джомолунгмы с пунктирами трагических восхождений. Под окном на полу по нарастающей были выставлены, гантели эспандерные, гантели литые, пудовик(!), двухпудовик (!!), штанга (!!!). Я вскрыл заветную коробку. Уар (это надо же!) Николаевич бегло, даже как-то пренебрежительно бегло взглянул.

- Ну, я могу вам сразу сказать, что это...

Я рухнул на колени перед витриной снарядов тяжелой атлетики: «В песчаных степях аравийской земли...».

- Что это с вами? - осведомился Довольно Известный Специалист.

Я сбивчиво объяснил: дескать, идеи, дискуссии, неопределенные, дескать, прозрения...

-Что же, давайте для ясности обратимся к Василию Владимировичу. - Он снял с полки том профессора Богачева, полистал, довольно хмыкнул. - Готов присягнуть. Поднимайтесь!

Я восстал. Уар Николаевич поколдовал над ракушками, что-то померил, и вот уже протянул мне наполовину исписанный листок (большое расстояние между строками, буквы четкие с повторяющимся рисунком, поля расширяются книзу, к размашистой, но внятной подписи – широко мыслит, целеустремлен, щедр, гордится фамильным древом): «Пресноводные моллюски... В.В. Богачевым... Нижнее Приднестровье... климат теплый, умеренно влажный... Возраст - не моложе среднего плиоцена».

- Уар Николаевич, ради бога, если есть хотя бы малейшая доля сомнений, я бы вас просил...

- Исключено!

Я вез в Москву листок, из которого следовало, что за три, примерно, миллиона лет до начала ледникового периода у черты Полярного круга текли теплые реки, белели песчаные отмели, а на прогретых мелководьях нежились моллюски-беззубки.

Я ВЕЗ В МОСКВУ ЛИСТОК. ИЗ КОТОРОГО СЛЕДОВАЛО. ЧТО ВПЕРВЫЕ НА СЕВЕРЕ СОЮЗА. ОБНАРУЖЕНЫ ОТЛОЖЕНИЯ. КОТОРЫХ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, НЕТ. НЕТ, И НЕТ! НА ВСЕХ ИЗДАННЫХ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТАХ!! НЕТ ОТ КОЛЬСКОГО ДО ЕНИСЕЯ И ОТ ПОЛЯРНЫХ ПОБЕРЕЖИЙ ДО ПРИДНЕСТРОВЬЯ. ЧТО ОПАСНО ВСПЫЛЬЧИВЫЙ УЧИТЕЛЬ!.. ЧТО Я...! ЧТО МЫ...!!!

Я и помыслить тогда не мог, что от этого странного факта будут досадливо отмахиваться, что моя находка, многократно перепроверенная всеми заинтересованными сторонами, будет двадцать лет загадочно мерцать в сознании науки, что она будет сиять мне в минуты побед и поддерживать в часы сомнений, что рано или поздно... Впрочем, тогда я ни о чем таком не думал. Сказать по правде, я и не понимал тогда, что мне просто небывало повезло. И что будут в жизни положения, когда лишь высокая научная требовательность и ужасающая скрупулезность Учителя спасут меня от вселенского конфуза.

Песчаная гряда, пропиленная прозрачной Усой. В карьере, где разрабатывали гравийный песок для отсыпки железной дороги Москва-Воркута, вела узкоколейка. При входе в карьер везун, то есть я, нагнулся и привычно подобрал с полотна несколько красивых ракушек. Не надо было гадать: это кардиумы – неизбежные сувениры наших черноморских отпусков. Я повернулся и, небрежно ими побрякивая, раскрыл ладонь. Учитель побледнел, и мы некоторое время молчали. Отлично друг друга понимая.

Уже несколько лет мы были убеждены, что за ледниковые отложения на севере Союза принимают гораздо более древние морские осадки, и если еще и здесь, именно в этом карьере, то... Через несколько часов, перелопатив тонны песка, я обессилел: ракушек в стенках карьера не было. То есть, я набрал их уже с сотню, но все не из коренного, как мы говорим, залегающего, а прямо со дна карьера.

- Ищи-ищи, - сказал Учитель.

- Ну что, воткнуть мне их в песок, что ли, а потом выкопать? – взмолился я. – Ты же понимаешь, что они отсюда. Просто растащили ковшом морскую банку, ну и...

- Ищи! - сказал Учитель.

Подъехали рабочие. Я собрал их в кружок, популярно осветил важность проблемы. Находили? А как же! Много? Навалом. Вон спросите Пашку, он ими шкатулку оклеил.

- Ищи, - сказал Учитель.

Я ругнулся, отошел в холодок и демонстративно сел. Учитель еще потолковал с ребятами, подошел и вполне толково разъяснил, что такие же ракушки рабочие находила и в других карьерах по дороге, и если здесь была морская банка, то следует осмотреть их все.

Через месяц в пятом по счету карьере, с отвращением побрякивая очередной порцией надоевших ракушек, я наткнулся на прораба.

- Эти, что ли? - спросил он. - Так нам вагоны под балласт с-под Одессы гонят. Вот они везде и сыплются.

Много лет я рассказываю эту притчу. Она приложима к разным сферам человеческой деятельности. К геологии – особенно, потому что проверить нас трудно, либо слишком накладно. Ведь чтобы нас проверить, надо снова идти по обморочному болоту, прыгать в тряскую сплавину под кинжальным кругом, вертолетных лопастей, снова бить шурфы или, не дай господи, натаптывать траками зимнюю дорогу, затаскивая в тайгу буровую, котельную, компрессоры, солярку. Фактический материал в геологии всегда должен быть непреложен, как акт рождения, и чист как лицо младенца. Интерпретация факта – иное дело. Она может быть и почти всегда бывает многозначной, как и будущая судьба человека, еще неведомая младенческим очам.

3

Жизнь геолога проходит в общении с разными людьми. Встречи эти, случайны они или преднамеренны, чаще всего профессионально обусловлены. В городской суете, в сельской ли просторной местности незнакомцы с легкостью разминутся, не приметив, либо не запомнив друг друга. Но любой человек в тайге или тундре не минует твоего костерка, не обойдет выбеленной дождями одинокой палатки. Да и тебя, сказать по совести, тянет в глухомани к людям, тем более, всегда есть хоть и малая, но все же корысть: кончился хлеб или бензин, надо нанять лодку или подрядить машину, да мало ли что, просто просить дорогу, например.

...выстрел, дуплет и сразу же еще дуплет. Скоро послышался голос движка: Алексей на своей старенькой лодке, что-то крича, рулил к нашему обрыву.

- Корей, корей тавай, - кричал он, - там у меня, однако, зверь какой-та берег рушит.

Я, как был в плавках, свергся в лодку. Через три минуты пристали у Алексеевой избы. На берегу, тревожно улыбаясь, стояла Домна. Алексей боязливо провел меня чуть

вверх по течению вдоль пойменного обрывчика и показал на воду. Мерно струилась светлая вода Большого Югана, время от времени в русло соскальзывал с бечевника подмытый песок, вытесненный воздух всплывал громкими пузырями, на стержне баловались чебаки.

- Зверь, однако, какой-та, - еще раз махнул ружьем Алексей на лопающиеся пузыри.

- Алексей, - сказал я, давясь смехом, - ты полсотни с лишним здесь прожил. Ну, какой тут может быть зверь? Это песок валится, а воздух вверх выходит. Ну, смотри, - я взял шест, потыкал, пузыри пошли гуще, - где тут зверь?

- Есть! - сказал он непреклонно, - Это мне, однако, ханты вчера нахаманили.

- Та пудет тепе, Лексей, - поддержала меня Домна, - какой тепе тут зверь? – и, осторожно покосившись на воду, с нарочитым равнодушием предположила. – Может, эта щука такая?

Уже месяц со студентами-практикантами в самом центре Западной Сибири я раскапывал уникальный разрез, известный в литературе как «Юганский феномен». В подножье всемирно известного разреза стояла изба Алексея. Между домом и лабазом была деревянная перекладина, рядом лежала деревянная же штанга с выпиленными из кедра съемными блинами, высилась мачта антенны, за домом на задах располагались аккуратно окученные картофельные грядки, что было уж совсем не характерно для рыбаков-ханты. В доме блестели крашенные полы, висели почетные грамоты за победы в каких-то спортивных соревнованиях и красочный монтаж «Великая Отечественная война в изображениях советских художников». Всем этим заведовал старший сын Володя, невысокий паренек с умными сумрачными глазами, чей карандашный автопортрет в роскошной капитанской фуражке с «крабом» украшал простенок. По заведенному им порядку за чистотой в доме в его отсутствие следила младшенькая. Маша.

Все было бы хорошо, да только дом их располагался на бойком месте, как раз на полпути между Сургутом и Юганским леспромхозом, вследствие чего проезжающий люд здесь непременно причаливал, требовал посуды, чебаков на закуску, поднося, естественно, хозяевам, которые после таких визитов дня по три не могли придти в себя. Володя водки не переносил на дух и пьяных родителей в дом не пускал, разве что подсаживал их, совершенно беспомощных когда они бестолково карабкались в лабаз. Лицо его при этом каменело, и от мучительного стыда по сведенным намертво скулам скатывались редкие слезы. Сейчас Володя находился в Ленинграде с несокрушимой мечтой попасть в мореходку.

За месяц мы сдружились: мне нравились их наивная доверчивость и причудливые верования, преданность и отзывчивость, даже седоватый ежик на круглой Домниной голове вызывал у меня симпатию. Если бы только не водка! Однажды Алексей с Домной привезли ко мне в лагерь неожиданного гостя. Оба они были пьяны, с трудом, почти на четвереньках, передвигались к палатке, и их спутник, весело улыбаясь жестким нерусским лицом, подгонял их, как гусей.

- Немилев! – представился он напористо. – Начальник торгпункта. Во, младшие братья наколку дали, что у тебя «Казанка» свободная.

Домна с Алексеем закивали, любовно тыкаясь обессиленными головами в мои плечи. Я едва их уложил. Немилев распахнул дождевик, хватко выбросил из-за пояса бутылку и, резко стукнув донышком о вьючный ящик, потребовал тару. Я достал кружку, подождал, пока он нальет, и потом объяснил, что не пью. Начальник торгпункта

остолбенел, но, довольно быстро придя в себя, начал резво торговаться, мол, по двадцать капель, по разу – и все. Я решительно отказался. Он поинтересовался, не язвали? Нет. Сердце? Сердце тоже в норме. Он некоторое время молчал, а потом, кивнув на Ивана (четвертый курс Московского радиотехнического, первый разряд по самбо. Ивановская область деревня Лужки), растерянно спросил:

- Ну, тогда может хоть он со мной выпьет?

Иван молча отвернулся. Немиллов еще постоял, подумал.

- А-а, - сказал он с облегчением, - лечитесь? Да чего там нет! Ну, дело хозяйское...

Он обиженно выцедил бутылку, растолкал Алексея с Домной, загнал их в лодку и обреченно, с раздражением осведомился:

- Ну чего, дюральки-то не дашь, или как?

- Дам, отчего не дать.

- Ты вишь, какое дело-то, - оживился Немиллов, - моя, гад, текет, клепать надо. А время, понял, уходит. Мне дня на три всего: вверх сгонять.

Он быстро, на глазах, пьянел.

- Они все у меня тут! - он сжал крепкий налитой кулак. - Туточки они у меня, верно - нет, Лексей?

- Псе, псе тут! - закивали старики...

Через неделю почерневший, спавший с лица, вернулся из Ленинграда Володя. Он не прошел медкомиссию, да еще не рассчитал денег на обратный путь. Привыкший к лодкам, случайным баржонкам, попутным вертолетам отчаялся в столичной круговерти, несколько раз ходил в милицию, словом, пока то да се, пока разбирались да рядились, кому отправлять пацана в тайгу, он чуть не одичал в этом равнодушном многолюдье. Все же разобрались и отправили. Еще через неделю Володя поставил у избы в излучке реки шест с фанерным плакатом: «Приносить с собой и распивать здесь спиртные напитки категорически воспрещается».

Три года спустя в Академгородке знающий геолог, посетивший всемирно известный разрез на Большом Югане, рассказал мне, как завершилась Володина война. Он выстоял год, выдерживая насмешки, брань и угрозы, и однажды печальной осенью, когда два залетных пьяных бича по-хозяйски поднимались от лодки к его дому с гранатами «Флодово-ягодного», Володя вышел на крыльцо со своей пристрелянной двустволкой. Он несколько раз предупреждал их, что будет стрелять, если они пойдут в его дом. Они... Ну, можно представить, что говорили эти двое невысокому восемнадцатилетнему пареньку с сумрачными глазами; налитые под завязку «чернилами», перечеркнувшие весь север от Мурманска до Певека и Уэлея. Володя поднял ружье и выстрелил. Его судили. Приговор был относительно мягкий.

...по пологому саю, пробуксовывая на гипсоносных «пухляках», спустились в Мынбулакскую впадину. Палило нещадно. Мы перекурили у колес на теневой стороне и двинулись. Через полчаса головной ЗИЛ-131 сходу влетел в солончак и сел на «мосты». Буровые станки стали выдвигаться в обход и сами зарылись по ступицы. Бензовоз и водовозки попятнулись, разворачивая отдающую сероводородом жирную глину, резко приняли в стороны с запасом метров по пятидесяти и через десять минут увязли намертво. Шофера – молодые сибиряки-алтайцы – сошлись у моего УАЗика, костеря во всю ивановскую эту степь, ее адское солнце, эту, чужой матери, землю, где все – не разбери поймешь, где до ближайшего саксаула верст двести, а до родной сосны или березы – тыща!

- Ну, кого будем делать, мужики? – кричал деятельный Юра Потехин, - Чо так стоять? Айда «зиллок» трубами подвяжем, может выдернем!

- Какими трубами? – вскидывались буровики. - Их поведет, потом в скважину не затолкнешь!

- Ни фиги, кувалдами отрихтуем!

- Мы щас тебя самого отрихтуем, отзынь на три буквы!

Наорались, наматерились до хрипоты, стали раскочегаривать паяльные лампы – кипятить чай. Я обречено прикидывал: если прямо сейчас выехать, к утру буду в Джусалах, завтра суббота; значит, в понедельник, да и то, если сразу повезет, выцыганить трактор, назад с трактором – сутки, значит, на круг дней четыре-пять, считай – неделя; у Жоралкапа в совхозе – «Белорусь», значит – на завод к Шкурдюку, Господи боже! Или опять на автобазу к Киму, тоже не мед с молоком... Долболоб! Надо было не расспрашивать, а самому прокатать всю трассу. Потерял бы сутки, да уж знал бы наверняка, куда дергаться, стратег чертов!

Солнце скатывалось, не принося желанной прохлады, с чинков ручейками сливались сайгаки, торопясь на вечерний водопой, в горле далекого сая тянулся, почти не опадая, шлейф пыли. Юра Потехин, приплясывающий на раскаленной кабине ЗИЛа, - в одних плавках, голый живот исполосован машинным маслом, на груди красная девичья косынка – отвел от глаз бинокль и заорал пиратским голосом:

- Свистать всех наверх! По курсу зюйд-норд-вест приближается еще один смертник!

Девочки-техники с готовностью прыснули, подталкивая локотками ту чья, косынка веселела на Юриной пылкой груди.

...оглядев с подножки общую панораму, водитель КРАЗа спрыгнул и положительно заключил:

- Курская дуга!

Мои настороженно хохотнули, но скоро разгорелись кто во что горазд: мол, места – дохлей не бывает, надо было верхом ехать, пусть там крюк, ну сколько?, ну пусть верст четыреста - тря дня бы всего потеряли, так?, чего скаты не подпустили?, так кто знало!, да и на КРАЗе не пройдешь, забудь думать...

Водитель, щекастый плотный парень лет тридцати, волосы ежиком, азартно перескакивал глазами на ребят, с очевидной охотой вклиниваясь в общий ор, из которого все чаще прорывался его напористый басок, пока не одолел всех моих горлопанов:

- Давайте, значит, так. Я вот этот ваш станок дергаю до сухого, так? Сколько у него троса на лебедке? Ну, двести - нам за глаза. Там вы ставите вышку. Кто на 131-ом? Как тебя поведет, слушай, сразу стравливай воздух, а потом – тихонечко, не рви, нежненько так, чтоб колеса не зарывались... Да ты чего? Я ж тебя не учу, подсказываю просто.

Не веря себе, я смотрел, как его КРАЗ на приспущенных скатах обошел бензовоз, взял на прицеп буровой станок, они мягко миновали солончак, вспорхнула буровая вышка, ребята шустро потянули назад стекающий с блока трос. Из последних сил, как живой, задрожал ЗИЛ, вырываясь из вязкой глины.

...управились к ночи. В лагере, без привычных таежных костров, мигали лишь огоньки сигарет, молодежь женихалась у транзисторов, слышались хахоньки, дурным голосом вопил по «Маяку» Валерий Леонтьев. Мы с нежданным нашим спасителем откинулись на кошме в сторонке, в небе было колко от звезд, оглушающе пахла

цветущая полынь. Я вытащил из портфеля все, что у меня было, - две бутылки, припрятанные специально для таких вот непредвиденных надобностей.

- Нет, слушай, - отвел он мой, прямо сказать, не оригинальный презент, - я вино не пью... Нет, вообще-то пил. Как все. Особенно, когда на плодбазе работал, до одного случая... А вот я тебе расскажу. У меня на автобазе дружок один был, на контейнеровозе работал. Ну знаешь, мусорные ящики возят в Москве, четыре – с одной стороны, четыре – с другой. Ну вот. Раз как-то мы с ним в гараже поддали, по немногу, в общем-то. Но я свою-то уже поставил, а у него еще одна ездка. Я его, стою, у ворот дожидаясь, тут он выкатывается с поворота. А так вот, параллельно с ним – троллейбус. И вдруг, слушай, на моих глазах все четыре контейнера срываются... Ну, в общем, кто с этой стороны сидел в троллейбусе... в общем – восемь трупов. Понятно, сразу ГАИ, экспертиза, следствие. И вот установили, что он вообще-то ни при чем. Там, видишь, стопорный крюк есть, на котором все контейнеры держатся, так его на повороте и срезало. Шофер это предусмотреть не в силах, может, там каверна или элементарная усталость металла, так? Ну, на суде все разобрали путем. И так бы, слушай, ничего не было. А раз он выпивши, ему восьмерик и впаяли – по годку за каждого. Прихожу с суда домой, наливаю полстакана. Я ее туда, слушай, она назад! Ну, думаю переволновался, все такое. Утром – выходной – снова наливаю, обратно аналогичная картина. И вот с того самого дня, как отрезало! Ребята знают, не предлагают уже... А вот теперь в более общем посмотрим. Ну молодые – ладно!

Так и солидные вроде мужики, только набрались, начинается. Сопли-вопли. Тот слезы на кулак мотает, тот сам на кулак нарывается, третий вообще... И ведь что характерно, когда трезвые, у каждого, если присмотреться, чего-то там за пазухой шевелится, так? Хотя, промежду прочим, считают, что человеку от повседневности жизни отключка требуется. Может, тоже читал, - еще в каменном веке от мухоморов балдели, индейцы тоже листья жуют, так? А я опять не согласен! Вот я в одном КБ в Москве работал, в группе испытаний. Может, видел, нас по телеку часто показывали: снегоходы, болотоходы... Шнековое колесо? Так это и есть снегоход, мы его под Воркутой испытывали. Но это я не к тому, а к тому, что там мы все не об водке думали, а как бы чего-нибудь такое сотворить. Верить – нет, дома с женой спишь, а в мозгу шестеренки крутятся – только дым идет!.. У меня, слушай, есть одна теория: каждому человеку от рождения отведен... ну, вроде, такой определенный объем пространства, так? и по жизни каждый его полностью заполняет. Вопрос – чем? Я думаю так: если тебе работать интересно, ну, в общем, ты понимаешь, значит, в этом твоём объеме для всякого говна места уже остается поменьше, так? Ну, а если этого нету, тогда, слушай, все равно — бабы, или там краснуха, или чего ты там нахапал с обратного хода. Вообще-то, ведь в каждом человеке есть и хорошее, и всякая пакость, так? И во мне, и в тебе есть, чего говорить. Я вот тебе про плодбазу упоминал. Я как с армии пришел, устроился в автобазу. Послали меня раз на плодбазу Директором – баба, деловая, я скажу! В общем, зацепила она меня, и понеслось. Берешь, окажем, грецкие орехи или персики, хурму, там... В магазин прикатили, накладные у зава подписали, а груз все в фургоне. Куда? Дает адрес Приезжаешь на дачу, там — дяди Васи, тети Маши! – ящики, мешки раскидали, мне полсотни на карман, чеши дальше. Утром на смену выходишь, ты уж занаряжен, не дай Бог, кто другой. «Это, - говорит, - Ваня, мои проблемы, чтобы тебя ко мне ставили!». Выходит, что и на автобазе головка повязана, так? Ну, кручусь дальше: шутишь – полсотни в день? Раз как-то приезжаю в магазин, а там одна тетка, битая такая, тоже из деловых, но чем-то, слушай, я ей глянулся, не знаю. «Ваня, - говорит, -

послушайся моего совета, увольняйся - говорит, - быстренько, чтобы мухой! Нас ОБХСС копают, дымит все. Не ломай - говорит, - свою жизнь, дурачок!». Я мозгой пораскидывал, подумал-подумал - и в кадры. Шум, крик... В общем, со скандалом, но ушел. Через полгода узнаю: всем по десять-пятнадцать, а директорисе моей – вышка! Вот теперь и приберем, чем я мог свой жизненный объем заполнить. Сынок подрастет, заглянет ненароком: «Папань, а чего это у тебя там?» А там – одна опухшая от левой водяры морда и тюремный бушлат, так?.. Я по темпераменту характера себя считаю сангвиник. Но если чего сам понял, не свернешь, хоть на канате тащи. После автобазы устроился в таксопарк. Поездил месяца три, нет, думаю, братцы, обратно и с вами не по пути: больно вы верткие тоже... Там такие, слушай, асы есть! Ты себе можешь вообразить, чтобы таксист за два года не одного пассажира с улицы не взял? Вот то-то!.. Деловые, ядрена вошь! Ты замечал, слушай, какие у них у всех характерные рожи? Независимо, валенок он или с верхним образованием. Я, бывало, иду по улице, думаю, чего их ловить-то? Вот же они идут! Вот этого можно спокойно брать, вот этого...

В лагере угомонились. Примолкли и мы, глядя в небо, где плыл Млечный Путь, действительно струясь, как пенная молочная река...

Проснулся я от шума мотора: урчал КРАЗ, подрагивая перед дальней полке дорогой. Я бросился к кабине:

- Ты что так подхватился? Постой, сейчас позавтракаем...

- Да я чайку холодненького хлебнул Мне еще пылить-пылеть.

- Постой, как же так? - суетился я. - Сорвался, ни здравствуй, ни прощай! Мы с тобой и не познакомились даже.

Он протянул мне из кабины короткопалую лапу, осторожно стиснул руку, улыбнулся, блестя умытыми щеками:

- Иван Монахов? Еще встретимся, слушай. Ты поднимай свою орду-то: по холодку час за два идет.

Вслед за Иваном заторопились и мы. Трогаясь, победно гуднул головной ЗИЛ, весело отозвались буровые станки, бензовоз, водовозки. Я пропустил вперед колонну и оглянулся: степь, растоптанная скатами наших машин, валялась, как женщина, которой завоеватели натешились и уже ненужную бросили наземь.

...и не заметил, сколько лет отстегали пыльные кызылкумские бури, тугие ветра Монголии. Мимо вагонного окна вновь тянулись родные сибирские болота, проскакивали оставленные на развод семенные сосны, тоскуя в одиночку на проплешинах изреженной леспромхозами тайги. Пора отпусков миновала, и фирменный серовский поезд «Северный Урал» катил на запад налегке — некому чай разносить. В Верхотурье проводница посадила первого попутчика. В экономном куппейном полусвете он аккуратно застелил верхнюю полку, переделся по-дорожному, влез в тапки. Я тоже поднялся, прибираясь ко сну. Тепловоз поднапрягся, втягивая состав на хребтину Урала, света заметно прибыло. Мой попутчик сидел напротив, основательно опираясь руками на лавку, хитровато поблескивая серыми с зеленцою глазами.

- Ну вот, - весело сказал он, - я ж говорил, еще встретимся!

Я вгляделся, постепенно узнавая:

- Иван? Монахов!

- Точно, слушай!

Мы оба обрадовались старому знакомству, пошли расспросы: кто где, кто куда? Иван возвращался с вахты – тянул связь вдоль газопровода. Он по-прежнему шоферил и за восемь минувших лет прокатал Западную Сибирь аж от самого Уренгоя. Кочевая жизнь все еще ему нравилась, жена покорила и не бунтовала, тем более, что вахтовый метод, основанный на регулярном распорядке, даже способствовал оживлению личной жизни, потому как в ночных делах нет ничего хуже стилой, слушай, привычки друг к другу, не касаясь материальной стороны, которая тоже не маловажна, так? Кроме того, работа бригаде – вещь артельная, хочешь не хочешь, всегда надо кого-нибудь подменить, так что у него теперь нет проблем: траншеекопатели «Комацу» там или «Интер», не говоря уж о ГТТ, бульдозере, тракторе – это, слушай, семечки!

Проснулись мы уже в Пермской области, где-то между Лисьвой и Сылвой, за окнами тянулись поникшие леса, небо лежало на мокрых пашнях, не в силах оторваться от земли. Природа говорила Платоновскими вещими словами: «Начальный, молчаливый сентябрь стоял в прохладном пустопорожнем поле, где не было теперь никакого промысла».

Промысел все же кое-какой был: в Комарихинском наше общежитие пополнилось хрупкой дамой с неподъемным баулом. Мы обустроили ее на нижней и вышли покурить, давая попутнице время обжиться. Когда мы вернулись, Елизавета Аристарховна, несколько заплутавшаяся, по-моему, между сорока и шестьюдесятью, в черных шерстяных рейтузах и рискованной кофточке сидела босиком в позе «лотос» с вязаньем в руках. Иван посмотрел на нее с изумлением.

- Ну так, как же, Ваня? – спросил я, продолжая очень волновавший меня разговор о способах повышения проходимости автотранспорта в антидорожных условиях Западно-Сибирского промышленного комплекса.

- Гляди, - резво начал он, - значит, как говорили, база 131-го, так? Под передние колеса крепишь лыжу от аэросаней... ну да, от «Бурана». Значит, дальше. На задние натягивается любая лента, а для рулежки, слушай, наваривается уголок. Уголок идет 5-го профиля: снег до 50-и сантиметров, заболоченный грунт или болото, допустим, - вдет только так! Дальше, Вы колеса арочного типа пробовали? Вот ты подскажи механику своему. Теперь. Ты про «тяги-толкай» знаешь?.. Нет, это, слушай, вчерашний день. Значит так: разданка 131-го. База – полуприцеп. Устанавливаешь там гидромотор с «Комацу»...

- Иван! - неодобрительно прервала его Елизавета Аристарховна. - Вы почему это так легко посторонним людям раскидываете свои идеи?

Я оторвался от блокнота, Иван оторопел:

- Не понял...

- Я говорю, - настойчиво повторила Елизавета Аристарховна, - что, чем так вот раздариваться, вы бы подали рацпредложение. За рацпредложение, если вы не знаете, полагается вознаграждение в 15-25 рублей, - она победно взглянула на меня, уличила-таки. – Интересный народ!

- Да на кой мне? - с жаром возразил Иван. - Мы чего, рацухи что ли на колеса намотаем? Вот вы лично знаете, кому они нужны?.. Кому? А главному инженеру! У него на них план. Прибежит, слушай весь в мыле, ребята, мол, мне до годового плана трех рацух не хватает...

- Что вы такое несете. Просто слушать невозможно...

- А чего, не так? Он ими отчитается и – в стол. А у нас на трассе они давно уж внедрились. Ну, слушай дальше. Вот, рисую тебе; соединение с управляемым прицепом,

понял? Да, еще учти. Все на широкопрофильной резине шестого-седьмого типа, это обязательно...

Иван сыпал марками машин, названиями узлов и деталей, техническими характеристиками двигателей – с противоположной полки доносился кастаньетный стук вязальных спиц. Наконец он выдохся.

- Вы тут говорите, - подхватила палочку Елизавета Аристарховна, - а весь вопрос в том, что дороги ужасные. Я маму решила навестить, так зареклась: всего семьдесят километров от станции – так сутки добиралась, вы можете себе представить?

- А кто виноват? - заострил вопрос Иван.

- Как кто? Дорстрой, конечно! Работать все совершенно разучились, такой стал народ...

- А я вам обратно возражу! У вас в районе колхозов десять-пятнадцать наберется, так? Леспромхозы, мелиораторы, еще кто-нибудь тоже крутится – это наверняка! Камень - вон он, из окна видать. Значит, что? Председатели собираются вместе, прибрали, скинулись. Дальше. Заключаем договора с той же мелиорацией, с геологам, с леспромхозом – ваша техника, наши деньги. Материалы? С дорстроя! Это пусть райисполком дергается, так? Райком небесах подключим тоже. Дальше. Составляем график: в какие месяцы у них «окна» - технику на трассу! Можно еще и по-государственному: работаешь в районе, землей пользуешься, дороги мордуешь, будь добр, приложи руки...

- Уши вянут! - отрезала Елизавета Аристарховна.

- Отнюдь нет! Всем польза...

Мы вышли в тамбур покурить.

- Ну дает, слушай. - констатировал Иван. - Заколебала меня своей простотой!

В купе стоял дремучий лесной дух: Елизавета Аристарховна смешивала в чашке успокаивающий гомеопатический коктейль из чекушек с целебными травками. Травки ее, однако, не укротили:

- Вы, Ваня, недопонимаете всего, потому и спорите. Я по образованию сама была дорожник, уж как-нибудь знаю почему и что. Дали вам участок? Отвечайте за свой участок! Кому нужно, за вас сами подумают. Интересный народ! Приезжаешь проверять отчетность, черт ногу сломит. А тоже туда же, в государственный масштаб лезут...

- Вы, извиняюсь, веник можете сломать? – решительно пресек ее Иван.

- Господи! Да причем здесь веник? Какое отношение имеет веник?

- А такое! Вот у нас на трассе три «Комацу», всякая еще техника. Приезжает начальство. Так и так, объединение план заваливает, квартал они, видишь ли, не выполняют. Ну? А вот мы там у себя решили: разбиваем вас на три самостоятельных участка, каждому твердое задание – вперед! Соревнуйтесь, вроде того. Ладно. Раскинули нас по трассе, чтобы, значит, в три раза быстрее. Итог? Два участка стоят.

- Как это стоят? - возмутилась Елизавета Аристарховна.

- А так. Молча!

- И при чем же здесь ваш веник?

- А при том, что каждый прутик по отдельности вы сломать можете. От просто, так? А веник? Попробуйте-ка! У нас бригада была, как бронированный кулак: свой план тянули и чужой прихватывали. Теперь. У одних «Комацу» полетел, две недели в Москве запчасти ищут. У других, слушай, коробка полетела – перебирают. А мы с ними соревнуемся, ядрена вошь. Извиняюсь, конечно...

- Ошибки могут быть. – согласилась Елизавета Аристарховна. – Только зачем сразу обобщать-то? Извольте – веник! Что за привычка, честное слово...

- Вы как лично премируетесь? - поставил Иван вопрос ребром.

- Причем тут, как я премируюсь? Ну, поквартально, и что?

- А вот и то! Они – тоже поквартально. Теперь давайте прибросим. Первый квартал – зима – самая работа. У них – премия, так? Второй. Тут, правда, распутица. Но у них с первого загашничек есть. Во-вторых, май и июнь – уже посуше. Маленькая, но премия обратно будет, дальше. Июль, август, сентябрь – тут только успевай вертеться: третий квартал без премии не бывает. Теперь четвертый. Дождь со снегом, снег с дождем, если декабрь подморозит – считай, повезло. Значит, кровь из носу, а нужно, чтоб в третьем сделать хо-о-роший загашник. Вывод? А то, что они уже автоматом переживают не за суть дела, а за свои квартальные показатели, так? Я это не в осуд; они – такие же все люди. Но поломать это надо, а? Надо, чтоб они с нами обнялись, слушай, как папа-мама с детками...

- Детки! – ядовито подковырнула Елизавета Аристарховна.

- Интересно вы рассуждаете, честное слово! Сейчас свои-то дети мать ни во что не ставит.

- Правильно! А почему?

- Умные слишком стали!

- А я вам обратно возражу. Вот мы в семье все при деде росли, у него дом-пятистенка был под Люберцами. Садимся, скажем, обедать, столешница – во всю избу. Дед сел, мы, внучата, рядышком, дальше – сыновья с невестками. Сидим. Баушка миску обеленную ставит. Дед свою персональную ложку вынул, по миске – стук! – все жижу хлебают. До гущи добрались, дед всех оглядел, снова – стук! Только ты кусок мяса зацепил, он тебе в лобошник: не лезь! Гущу прибрали, дед ножом мясо разобрал: это – внучаткам, это – старшим, на здоровье!

- Интересные вы методы, Ваня, предлагаете, честное слово!

- Так ведь за дело! Не жадничай, не тяни на себя... Или вот, скажем, суббота. Баня еще только топится, а у тебя уж задница чешется. Садится дед на лавку, а над ним на гвозде – вожжи, слушай. Садится, значит: «Ну-ка, внучок, иди сюда!». Идешь – куда денешься. «Так, - говорит, - Ванечка. В эту неделю у тебя были три провинности, такая, такая, и такая. Давай, брат, ответ держать». Приголубит тебя, другой уж очереди дожидается, порточка спускает. С нами разберется, теперь, говорит, вы – сыновья и невестки разбирайтесь. В деревне уж знают, смеются: «Ну, обратно у Монаховых отпущение грехов!». Грехи отпустил, нас в баньку. Нас попарит, сам попарится, дальше баушка с внучками, потом сыновья с невестками. Ужинать садимся, самовар фырчит, все аж светятся, мы возле деда, как ласточата, «Ну, - говорит, - дети-внучатки, с наступающим вас воскресеньем, давайте жить».

Елизавета Аристарховна притуманилась. Да и я, грешный: такая во всем тепе сладость и истома – рядом жена, словно в росу окунулась, косу развела по плечам, и плывет, плывет над столешницей снежный запах антоновки...

- ...всякую работу умел. Печь кому сложить – все к деду. Русскую, голандку, центральную или угловую, плиту – ему без разницы, Как корзины плел! Плотник, столяр, бондарь был замечательный. «Ваня, - говорит, - учись, пока я жив». Я чего тогда понимал? Гляжу - досочки в паз вставил, обручок бросил, другой бросил, раз! – а она уж целенькая стоит. Готово! Часы возьмется чинить, пальцы, как сардельки, слушай, а все у него складно так получалось. Там детальку-то эту не разглядишь, а он ее вставил,

пружинку накиннул, завод завел – пошли!.. Умер ста шестнадцати лет. Похоронные доски в сарае самолично все выстругал, высушил. «Это, - говорит, - детки, чтоб вам меня легче на погост нести». Положили в колоду, смерили длину, так, веришь - нет, ровно два метра тридцать сантиметров вышло. Люди даже удивлялись. В последний день пришел из сарая, чего он там мастерил, не знаю, сел на лавку. «Мать, - говорит, - посижу-ка я чуток». Она к нему – «Посиди, посиди...», - а он уж отошел. Баушка подождала денечек-другой, и за ним следом. Ей, правда, сто пять было... Я деда очень даже теперь понимаю! Сынок мой вот в третий ходит, а я его с собой на вахту вожу. А чего? У нас там теперь балки нормальные, телевизор показывает, столовая тоже – все путем. Летом на одну смену в лагерь это, я считаю, после школы не вредно. Обязательно даже. А после ко мне. Я под машиной вожусь, ключ, говорю, на двадцать два – он сейчас подает. Весь уже инструмент, слушай, знает. Гайки крутит, я не мешаюсь. Потом сам до нормы подтяну. Пальцы пообивает – пусть! Машины, которые на полегче, уже водит потихоньку. Переключение скоростей, скажем, газ, тормоз – все освоил. Я, понятно, страхую, но суть вопроса в чем? А в том, что он уже видит и привыкает, что работа, слушай, самое нормальное для человека существование. Еще вот важно. Дашь ему чего помогать, ну, понятное дело, ребенок! Ему надоест: «Папань, я устал». «Отдохни, сынок. Отдохни, но доделай». А вы как думали? Быстрее доделаем, быстрее на рыбалку, скажем, или в лес по грибы. Говорят, работа дураков любит. А она - то как раз хуже всего дураков-то и не обожает. Потому, где умный семь раз обернется, с дурака семь потов сойдет... Ну чего, почаевничаем что ли?

Иван ушел к проводнице, скоренько спроворил чай. Елизавета Аристарховна вынула из сумочки кулечек и сыпанула по стаканам сушеной мяты. И еще по ложечке влила дремучего своего лесного настоя. Лицо ее как-то помягчало, будто расслабились и отпустили наконец поджатые лицевые мускулы. И в позе ее ничего уже не было от знаменитой индийской асаны – сидела, просто поджав ноги, вполне деревенская баба с простым и добрым лицом.

...прощались ранним утром на перроне Ярославского вокзала. Я вглядывался, сожалея, что разводит нас судьба, тщась попрочнее заложить простодушное его лицо, толстые щеки, волосы ежиком, чуть тронутые первой сединою.

- Ну чего, давай прощаться? – он стиснул, осторожничая, мою руку. – Еще встретимся, слушай!

Дай-то Бог, Ваня.

Дай-то Бог.

...сплавлялись в то лето на плоту по Тобышу с Тиммана. До помеченной на карте Никодимовой избы оставалось, по моим подсчетам, излуки три, но мы обкручивали уже десятый песок (так здесь по прибрежным отмелям считают расстояние), а берега были по-прежнему пусты. Топографическая карта, изданная еще в 1942 году, была неточна, да и изба-то вполне могла давно рассыпаться коричневой теплой трухой, но все равно было обидно: мы устали, надергались, наупирались шестью, хотелось скорее доплыть до Усть-Цильмы, взять каюты в первом классе, принять душ, а тут даже ближайшего ориентира нет на месте. На двенадцатом песке, однако, пристали: дед с бабкой выводили на берег бредень. Это было непонятно, нереально даже. Мы знали, что людей по Тобышу нет до самого, еще очень далекого, устья. Поздоровались. Назвались, кто такие и куда. Я спросил, не знает ли дедушка, где Никодимова изба. Дед в облипшем исподнем, перетряхивал золотых подъязков, весело засмеялся:

- Дык, как, милай, не знать. Три песка ишло до избы-то. А я и есть сам Никодим. Я показал карту.

- Дык, што ты, милай, ет у тебя друга моя избенка-то. А нонче я как раз в третьей обитаю. Я, вишь ты, втору-то акурат послая войны рубил, с Матреной Лаврентьевной и ставили.

- Как же после? - удивился я, - когда у меня карта 42 года?

- Дык, я те чо толкую-то? Я ж ет вам ишло про тую войну-то, с германцем которая. Я как с ей возвернулся, и не погулял ни сколь: сей же час Матрену в лодку, прошшайте, баю, цилемы, а тока я послая энтих германских шрапнелев да газов ихних в тайгу, однако, пошел жити. В бога молиться прекратил. Нету, говорю, бога-то вашего. Один тама, ядри его, ероплан, а с его бонбы на нас дураков кидают. Чуть меня не побии, право слово. Вот с того денечку с бабушкой на Тобышу и остепенилися.

- Как же так, дедушка, - растерянно спрашивал я, - так столько лет одни совсем и прожили? И детей нет?

- Зачем? - засмеялся Никодим. - Детки в Усть-Цильме с людьми живут, как ет положено быть. Когда ни-то приплывут, мучки там, сольцы, ли чо. Ет мы с Матреной долгонько подымались, все на гребях, рученьки-то намоташь - свету не видать. А нонче-то чо не подняться, на "Ветерку"-то?

Никодим ласково шурился на солнышко, ладно рядом стояли на теплом песочке длинные его ступни, промеж них прыгала трясогуска, склевывая оводов, парил серый Матренин сарафан, на крыльях бредня вспыхивали засыпающие подъязки, предсмертно зевали щуки.

Ночевали мы в Никодимовой третьей избе. Матрена Лаврентьевна старого обряда, как и сам, видно, не соблюдала, кормила нас из своей посуды, спать постелила в доме. Моя сотрудница, очаровательный московский Гаврошик, укатанная до изнеможения нашей бесконечной войной с мелями и перекатами, обессилена привалилась к стене: лицо ее, обожженное зноем и репудином, иссеченное ветром и дождями, запрокинулось, на шее пульсировала слабая голубая жилка. Матрена Лаврентьевна, подперев щеку рукою, глубоко передохнула и спросила жалостливо:

- Гляжу я на тебя и не пойму, мужик ты, ай баба?

Гаврошик откликнулась так же жалостливо, не размыкая глаз?

- Баба, я, баба...

В Усть-Цильму мы добрались в сентябре, перекидав с измочаленного плота наш нехитрый отрядный скарб на попутный плашкоут. В гостинице я обнаружил, что нет бумажника, видимо, обронил на берегу, когда расплачивался с рыбаками: все отрядные деньги, какюты первого класса, обеды в ресторане, корабельный душ. Мы с Гаврошиком перерыли весь песок на берегу, ничего, конечно, не нашли, и до ближайшего парохода оставался один день. Денег не было даже на телеграмму. Решили, скорее всего, от отчаянья, заглянуть на всякий случай в милицию. Нас принял капитан с характерным цилемским лицом: седой ежик, крутые, резкие морщины на плоском лице, красная шея, холодные, как осенняя голубень, глаза. Я объяснил, кто мы и зачем. Капитан выдвинул ящик стола, что-то там поглядел, задвинул (у меня упало сердце) и стал строго спрашивать имя, фамилию, год рождения, организацию, куда, откуда и т.д. Спрашивал недобро, глядел пронзительно, как будто это я украл свой бумажник. Откинулся, выдвинул ящик, вынул толстый коричневый бумажник:

- Твой?

Я кивнул.

- Сколь?

Я не понял.

- Денег сколь?

Я ответил.

- Забирай. До копеечки! Чего спасибо. Это ты не мне - спасибо. Это ты Параскеву Ферапонтовну Голеву благодари. Где? Береговая, 5. Запомнил? Да, Голева. Ладно, ладно, иди себе, ее будешь благодарить, - и, когда мы уже в дверях, как бы пересилил себя: - Погоди-ка, слышь. Как там, на Тобышу-то?

Никодим-то мой? А матушка? Неводят, значит. Ну, тогда ладно, тогда хорошо. Ну, иди, иди. Да чо, в Цильме чо, не люди? Тоже люди, поди.

Девочки в Усть-Цилемском универмаге уверили, что самый лучший подарок для пожилой женщины – шесть метров ситцу на сарафан. Сами выбрал расцветку, завернули, перевязали лентой.

Отыскивая Береговую, 5, мы с Гаврошиком и вправду очутились на берегу Печоры. Улицы никакой не было, а по берегу к реке выходили огороды. Но и с той, послегородной стороны Береговой тоже не было. Растерянно оглядываясь, мы увидели приближавшегося к нам высокого старика в долгополом драповом пальто: черная шляпа, трость, белые перчатки, пенсне со шнурком. Мы с Гаврошиком одеты были одинаково: черные, прожженные у костра телогрейки, геологические костюмы хб/бу (хлопчато-бумажные, бывшие в употреблении), резиновые бродни с ботфортами. У Гаврошика была еще кирзовая полевая сумка. Я вежливо спросил, не скажет ли он, как найти Береговую улицу. Он протянул мне руку, не снимая нитяной перчатки:

- Доктор Гюнц! - и, вскинув трость в сторону одиноко стоявшего на взгорке, украшенного резьбою, дома, пояснил. - Это моя больница, где я и проживаю. Я вас провожу, у меня моцион.

Я объяснил, кто мы и зачем нам Береговая, 5. Поинтересовался, давно ли практикует здесь Алексей Генрихович.

- С тридцать восьмого, мальчик. А в качестве главного врача - с пятьдесят четвертого. Так сколько же мне лет, спрашивается в задачке?

- Шестьдесят пять! - оказал я, прикинув, сколько утекло печорской воды с пятьдесят четвертого, а тем более с тридцать восьмого.

- Ах ты, бусурман! - рассмеялся он. И гордо: - Семьдесят восьмой!

Я тоже рассмеялся: он мне очень понравился. Мы вышли на Береговую, 5, доктор Гюнц грохнут тростью в переплет рамы, стекла гневно загудели, дверь отскочила, на порог высунулся мужик в распушенной рубахе, заулыбался радостно, склоняясь чуть ли не в поясном поклоне.

- Где мать, Алексей? - строго спросил доктор.

- К тетке Анастасии поплыла, Алексей Генрихович, в Щелья-юр, однако.

- Отдай ему, мальчик, это - сын.

- Передам, как же, - говорил мужик, широко улыбаясь доктору, - и вам значит, до свиданьица. Скажу, скажу матушке.

Мы шли, чинно беседуя, по центральной цилемской улице, являя собой довольно комическое, я полагаю, зрелище: два оборванца под столь импозантным конвоем. Доктор Гюнц сетовал, что мамочка его несколько нездорова, и он поэтому не может должным образом принять нас в доме. У больничного сада с оголенными нежными березами стали прощаться.

- А, друзья мои! – вдруг пылко воскликнул доктор. - Я думаю, мы ведь ее не очень, в сущности, беспокоим? Прошу! Нет, нет, я вас не отпускаю. Посидим, послушаем музыку!

Из больничного палисада сладко тянуло березовым осенним дымом: две женщины в телогрейках сгребали в жертвенные кучи опальную приполярную листву. Проходя, доктор слегка приласкал одну из них тростью:

- Ну как, бабоньки?

- А распрекрасно, Алексей Генрихович! - сахарно засмеялась она, распрямляясь, и смех ее засверкал в прозрачном сентябрьском воздухе. Я был очарован. В дверях на меня набросилась свора собачек, как-то, я бы сказал, демонстративно прихватывая зубами ноги. Алексей Генрихович гудел что-то успокаивающее, Гаврошик пряталась за моей спиной. Наконец мы прошли. Налево в кухоньке сидела пепельноволосая старушка, заправляя новые фитили в керосинку. Нас представили, и мы удалились направо – в кабинет: две стены стеллажей с книгами, старый кожаный диван, круглый стол с красной плюшевой скатертью, приставной столик с радиолой, гора пластинок. Напротив дивана, косо отодвинутое от стены (сырость?), стояло новенькое с иголки малогабаритное пианино. Чинно расселись, мы на диван, Алексей Генрихович напротив.

- Ну-с, друзья мои, что бы вы хотели?

Что бы я хотел? О, дорогой мой доктор! Я попросил поставить «Грезы любви». Бесхитростная мелодия Ференца Листа прозвучала тоской и надеждой: музыка прибывала, заливая крашеный пол, истертый красный плюш, беззащитную шею со слабо пульсирующей жилкой. Тихо вошла мамочка и положила перед нами большое красное яблоко на голубом блюде. Запретный плод!

- А что, мальчик, - спросил Алексей Генрихович, - как тебе Скрябин?

- Я плохо его понимаю, - ответил я, с трудом выплывая.

- О, в твои годы я не принял его вовсе. В те времена, помнится, мы с Сережей Рахманиновым ездили в Институт благородных девиц. На лихаче. Все было просто, легко, снежно... Что? Нет, он вовсе, уверяю вас, не был таким педантом, каким его нынче изображают. Тогда эти скрябинские диссонансы нас раздражали, этот, понимаете ли, эпатаж... Но несколько позже... Помнится, была белая ночь, я впервые страдал, да-да, девочка, и этот дряхлый пень когда-то впервые страдал, словом, оказалось, что все это выразил Скрябин. Представьте, я стал его играть, даже исполнять в концертах! Что? Видишь ли, мальчик, мы, как бы это сказать... Я тоже был пианистом, и мы, понимаете ли, немного соперничали с Сережей. Но я страстно увлекся медициной, и вот Гиппократ одолел Полигимнию... Да, пальцы, пальцы... Все же позвольте сыграть вам тот скрябинский этюд.

Доктор Гюнц играл Скрябина трудно гнущимися пальцами, на диван бесшумно вспрыгивали большеглазые собачки, опасно алело яблоко, сияли глаза Гаврошика, возникала в дверях пепельноволосая, почти нематериальная мамочка в кружевном воротничке – музыка стягивала разорванное время, смыкая его в звучащее радужное кольцо. Доктор встал, разминая руки, пересел к столу, совиные веки упали на минуту, затем он проснулся и зорко прищурился. Мы заговорили о медицине. Алексей Генрихович – хирург, терапевт, акушер, - посмеиваясь, вспоминал свою молодость – дни в клинике академика Павлова. Я к слову вспомнил мамин рассказ о знаменитой лекции Павлова в Ленинграде на курсах усовершенствования врачей, как они, волнуясь, ожидали в вестибюле гениального старика, как в полной благоговейной тишине ученики провели его под руки вверх по лестнице в лекционный зал.

- Да, да! - оживился Алексей Генрихович. - Совершенно, знаете ли, верно. Ивана Петровича действительно вели под руки...

Мамочка внесла чай. Я взял с книжной полки альбом болгарской живописи в глянцевой суперобложке: «Дорогому учителю за бесценные советы, с глубокой и искренней любовью. Милица Баженова».

- Милочка навещала нас здесь, - просто объяснил Алексей Генрихович. - Она, понимаете ли, увлекается старинным народным творчеством. В аспекте, так сказать, общности славян. А здесь, как вы конечно знаете, цилемы, незамутненная Русь, XVI век. Парадный цилемский сарафан видели? Наборный, понимаете ли, в двенадцать метров: парча, бархат, шелк...

Доктор заметно устал. Совиные веки падали все чаще. Мы стали прощаться. Я поцеловал хозяйке дома руку – бесплотную, чуть отдававшую керосином. Алексей Генрихович вышел проводить нас на крыльцо.

- Заходите, мальчик, - попросил он. - Завтра же непременно заходите.

- Алексей Генрихович, у нас утром пароход.

- А вдруг, понимаете ли, задержится? Это здесь бывает. Я буду вас ждать. Весь день.

Мы шли с Гаврошиком на скатывающееся к северу солнце по чисто выметенной березовой аллее.

- Мальчик! - я оглянулся: он стоял с тростью на пылающем крыльце. - Ты! водку-то пьешь?

- Пью! - закричал я в восторге. - А вы?

- Нет! - он задорно отсалютовал тростью. - Я - больше шампанское!

... рассказывая всем друзьям и знакомым. Много лет спустя на Суматре черной индонезийской ночью гидропроектовец Саня Юдкевич пересказал эту историю своему сотруднику, бывшему командиру торпедного катера, прошедшему гестапо и фашистские концлагеря. Саня отвлекал его от боли страшного почечного приступа.

- Дядя Леша, - слабо отозвался тот, - скончался три года назад в Усть-Цильме.

Утром Саня отвез его к единственному в округе практиковавшему врачу из ФРГ. Врач попросил больного раздеться. Саня с помощью миловидной сестры стянул гавайку с исполосованной командирской спины.

- Боже мой! - в ужасе вскрикнул врач. - Кто это сделал? - Это сделали ваши соотечественники, - ответил на прекрасном немецком племянник усть-цилемского доктора Алексея Генриховича Гюнца.

Время, разорванное враждою, злобой и предательством, истерзанное осколками и чумою Освенцимов, снова стянулось в кольцо. Через материки и годы.

4

Мы шли с Отцом грудь в грудь, как призовые лошади. Прорабы-геологи. Геологи. Еще через год - старшие геологи. Через три года Отец засбоил. Не то чтобы он заскучал, но некоторая неопределенность результатов наших геолого-съемочных работ вошла в противоречие с его основательным характером.

Главный начальник, пронизательно отметив скептические отцовы глаза во время наших производственно-научных дискуссий, ввел его в должность начальника партии. И столь же пронизательно, используя еще нерастроченный Отцом административный пыл, повесил на него строительство новой базы экспедиции на черте Полярного Круга в

поселке Лабытнанги – «Семь лиственниц» по-мансийски, левый берег Оби, коэффициент к зарплате – 1,8. Через год здесь выросли добротные склады, дымила кочегарка, а между конторой и общежитием сновала трехлетняя Отцова дочь в накомарнике, отмахиваясь от комаров и мошки березовой веткой. Естественно, одновременно с этим велась и съемка, геологи сплавлялись по быстрым уральским речкам буровые станки в тундре, трудолюбиво рокоча, разгоняли прожекторами опалесцирующий свет северного сияния. Поверьте, все это было вовсе не просто, ибо, как свидетельствует Саня Юдкевич, автор «Заполярного танго»:

И день у нас полгода,
и ночь у нас полгода,
то страшные морозы, то дождик, то буран.
Полярная природа
и мерзлая порода,
и в общем Лабытнанги, конечно, не фонтан!

Кстати, об экспедиционных базах. Теперь уже давнее время назад в Тюмени слушалось уголовное дело молодого начальника геологической партии Главтюменьгеологии – были вскрыты крупные хищения при всякого рода нарушениях финансовой дисциплины, и сам начальник осужден на семь лет. В отличие от Отца, этот молодой человек строил базу на Ямале, куда поезда пока что не ходят, а каботажные перевозки осуществляются в краткий период навигации исключительно по срочным фрахтам газовиков. Тем не менее, молодой начальник четко реализовал свой нерастраченный еще административный пыл, энергично применившись к существующей на Ямале обстановке. Соответствующие органы, установив размеры хищений, вознамерились было вернуть хотя бы часть денежных средств, описав личное имущество подсудимого. Подсудимый, однако, золото и брильянты в банках из-под леденцов не припрятал, дачными хоромами не владел и даже сколько-нибудь достойного вклада на сберегательной книжке у него еще не было. Хищения, как говорится, конечно, имели место, но воплощенные в балки и брус, горбыль и половую доску, оконные рамы, бетон и арматуру. Из всего этого, собственно, и была выстроена база на далеком полуострове Ямал в зоне многолетней мерзлоты, изучением которой весьма плодотворно и успешно занимался начальник партии, многообещающий ученый и, кстати, уже кандидат геолого-минералогических наук. При базе была сооружена также вполне современная мерзлотная лаборатория, так что собственный интерес, как видите, у него был.

Юные его коллеги, выходя из здания суда, горячо, полагаю, толковали друг другу: «Да ну ее к чертовой матери, такую должность за лишнюю десятку к зарплате! Мы уж лучше поизучаем нашу вечную мерзлоту в качестве геологов...»

Да, в качестве геолога можно прожить не в пример спокойнее. Ибо начальник геологической партии, отвечая за безусловное выполнение геологического задания и абсолютно безопасное ведение работ, должен был еще и обеспечить материально-технические условия... Одеть, обусть и накормить людей, снабдить машины и станки необходимыми запчастями, наладить бесперебойную работу катеров и моторных лодок, завезти керосин для вертолетов и оборудовать для них заправку; он должен владеть тонким искусством ладить со всеми и каждым, в частности, уметь нравиться

женщинам и мужчинам, и, наконец, принимать серьезные дозы алкоголя, не слишком хмелея.

В начале шестидесятых мне, скажем, потребовалось осуществить простое мероприятие: вытащить из Печоры катер марки БМК, погрузить его на железнодорожную платформу и перевезти за шестьсот километров на отстроенную Отцом базу. Как сейчас помню: трое суток бегаю по начальникам, трясущейся лимитированной книжкой, отрываю людей от дела, звоню в отчаянии на базу, мне дают «явку» - Начальник Мебельной Фабрики!

- Здравствуйте! Я к вам с огромной просьбой от Ян Яныча.

- Какого Ян Яныча?

- Из Приуральской экспедиции.

- Ну?

Лопочу заплываю: катер-де, трое суток, бога молить и т.д.

- Не могу! Ты понимаешь, что конец навигации, или как? Что?.. Ну, ладно, черт с тобой, договаривайся с крановщиком на после работы... Чего писать! Скажешь, Становой разрешил. Бывай, бывай.

Так! Теперь надо трайлер, довезти катер до железной дороги

- Здравствуйте! Не выручите трайлером? Мне Становой - (о, святая ложь!) - сказал, что вы можете помочь. Кран он дает.

- Ну, ладно, черт с тобой. Найдешь Семенова, договаривайся на обед. Сделает – сделает, его дело... Чего писать! Скажи, Галкин в курсе.

Значит так! Если соединить «после работы» крановщика с «обедом» Семенова, да платформу Климачева с катанкой Мухлынина, то...

Ниже следуют типовые ситуации и характерные диалоги.

...пробиваешь вездеход ГАЗ-71 для производства геофизических работ. Всем уже осточертел и в объединении, и в главке. Прилетает Дамочка с аэровизуального облета территории, уши топориком, глаза горят: на Лямине в болоте скучает чей-то «газон», сторожа нет. Утром с МИ-8 выбрасываешь десант. Задание – снять двигатель, коробку передач, звездочки, траки не брать! Коробку и звездочки – в салон, «двигун» - на подвеску. Быстро, пока горячо, вымалываешь у сейсмиков списанный ГАЗ-71 в обмен на списанный УАЗик. Через неделю твои геофизики выкатываются на профиль. Еще через месяц, подливая в эмалированную кружку своему злейшему другу, механику леспромхоза, горестно слушаешь, как какие-то пираты разграбили на Лямине вездеход.

- Ну, что за народ? - делаешь «козью» морду. - Ну, на пять минут ничего нельзя положить!..

...или в районе перебои с ГСМ, а у тебя стоят три станка УРБ-2-А (передвижная установка роторного бурения), конец третьего квартала, стрежень полевого сезона.

- Катюш, приветик, ты как насчет сегодня? Ну как чего? Посидим, потанцуем! В восемь, так в восемь, о чем разговор! Лапуня, ну ни минутки не было, месяц, как из пустыни не вылезал. Ну что, договорились? Да, кстати, ты мне тонны две семьдесят шестого не подкинешь?

- Вот вы всегда так. Я вам – только когда бензин...

- Катерина! Да при чем здесь бензин?! С такими глазами ты можешь хоть мороженым торговать.

Уходишь, гарцуя, до восьми. Две тонны – в клюве.

...или временно прекратили полеты все вертолеты Н-ского авиаотряда отсутствием авиамасла.

- Валера? Как жизнь? Да тоже ничего Ну, когда соберемся? Лады, давай во вторник. Слушай, я тебе уже приготовил, чего договаривались. Да брось ты! Ну, до вторника. Да, кстати, ты мне пару банок масла не подбросишь? У меня, понимаешь, с Н-цами договор, а у них масло кончилось... Да... Ну добро, я тогда механика своего подошлю.

Спецрейс АН-2, восемьсот верст на север. Все стоят, ты летаешь.

Если вам скажут, что лайнер отечественной геологии парит на крыльях геологических озарений и романтического энтузиазма, что его направляют и ведут по министерскому компасу суровые штурманы трестов и производственных объединений, что его поддерживают в гордом полете мощные струи Госснаба, не верьте. Имейте в виду: отечественная геология движется благодаря безвестным начальникам геологических партий.

...бурили на западе Алжирской Сахары, департамент Бишар. Бурение осуществляла некая частнособственническая компания. Государственную геологическую службу представляли Альбер Винас (Марсель, Франция) и Отец (Советский Союз). Станок в очередной раз уныло простаивал из-за ерундовой поломки. Руководящие деятели той компании лениво предавались... Не знаю, чем уж он там лениво предавались, знаю, что Отец мотанул на «лендровере» через всю Сахару на восток, где в ту же пору что-то изыскивали наши ребята, пообнимался, - и через день бурение возобновилось.

- Мосье Кулагин, - полюбопытствовал Альбер Винас Марсель, Франция, — я не вполне понимаю, зачем вам все это нужно. Доллары вам идут, бурение – это их работа, в чем дело, мон ами?

- Видишь ли, Алик, - ответил бывший начальник Обской геологической партии Отец (Советский Союз), - такова селя ви. Посеешь привычку, пожнешь характер.

...на Оби новый Главный Начальник допекал нас всякой ерундой, однако шибко мешавшей работать. Например, приехал, пообещал кому-то наш бульдозер за бочку краски и отбыл. Через неделю срочная РД: «Немедленно интересах экспедиции передайте бульдозер ГШК-12. Пришейкин».

- Перебьются! - сказал Отец.

Бульдозер в это время за сто верст на другом берегу реки затаскивал в тайгу буровую в соответствии с Геологическим заданием и проектом работ, в интересах партии, экспедиции, треста и Министерства геологии СССР. Еще через неделю: «Вы совершили непоправимую ошибку. Срочно передайте бульдозер распоряжение ПЖ-12. Извинитесь. Ведите вежливо, корректно. Пришейкин».

Отец послал завхоза в ПМК-5.

Тот выцыганил в ПМК-5 их бульдозер за три бутылки и перегнал его в ПМК-12. Наш радист-виртуоз с удовольствием отстучал: «На ваш 286/5. Непоправимую ошибку исправил вежливо, корректно. Срочно шлите талоны ГСМ. Кулагин».

В сентябре попутный «Баклан», на котором Отец добирался до Ханты-Мансийска, наскочил ночью на катер с погашенными огнями и затонул на середине Оби вместе с отцовским портфелем, где был квартальный отчет. Отец едва выплыл, таща на себе моториста. Катер и портфель подняли водолазы. Пришлось потрудиться, восстанавливая счета, накладные, товарные чеки, ведомости на зарплату, всего тысяч на триста. Снова прошлись по организациям, выбивая копии документов и дубликаты счетов... С грехом пополам собрали...

Отец слетал в Лабитнанги, сдал отчет и благополучно вернулся. Пятого октября РД: «Данным бухгалтерии вами неправильно оформлена выдача портяночного сукна. Шлите документацию ценой рубль один, копеек тридцать за метр. Пришейкин».

Наш и.о. завхоза выдавал портяночное сукно (отличное было надо сказать, сукнецо!) по ведомости за наличные по рубль двадцать за метр. Численный состав партии – 60 человек. Следовательно, 60 x 0,1 руб. = 6 руб. Бухгалтерия новую цену (1 руб. 30 коп.) сообщила в сентябре, когда большинство рабочих уже уволились.

Отец тут вспомнил ночное купание в Оби, очень разъярился и даже плюнул.

10 октября - РД: «Напоминаю категорическое выполнение правильного оформления выдачи портяночное сукно. Пришейкин». Радист отбил: «На ваш 882/3. Сорок процентов рабочих уволены окончанием полевых работ. ИТР и рабочих (следует перечень фамилий) вычтете октябрьской зарплаты рублей 0 коп. 10 с каждого. Кулагин».

25 октября - РД: «Вычета денег портяночное сукно шлите заборную ведомость. Пришейкин». Радист, ухмыляясь: «На ваш 904/5. Удержите моей зарплаты. Прошу разрешения пешеходных маршрутов ноябре соблюдением техники безопасности моим руководством составе Володина, Конькова, Кулагин». 30 октября: «Зимние работы разрешаю условия постоянной радиосвязи. Шлите ведомость портяночное сукно. Пришейкин». 5 ноября - ответ: «На ваш 981/1. Вышли маршрут станции Нягын ночевкой охотничьих изб. Связь 15 ноября. Кулагин».

Помеченных на топокартах охотничьих изб не было и в помине. Мы спали на лапнике, вокруг луны пылали кольца Галло, шурфы били кирками. В ночь на пятнадцатое сошлись на пересечении квартальных просек. Отцова борода закуржавилась, на усах поблескивали сосульки. Договорились так: час идем, пять минут курим. Тропа на просеке была набита лосями, и бежалось, как всегда к дому, весело. Через час пунктуальный Отец передал по цепочке «привал». Я остановился, и вдруг нестерпимой остроты боль резанула ступни, икры, колени, бедра. Я стоял, ничего не слыша, кроме этой стягивающей, давящей, разрывающей боли. Слава богу, было темно. Молча докурили и двинулись. Километра через два я все же снова разбежался, слыша за спиной слитный, хрусткий скрип. Пунктуальный Отец молчал: десять ледяных ночевок не оставили нам сил даже на перекуры. Через три часа вышли на спящую станцию. Пока раскачегаривали в балке печку, радист оживил рацию, сунул под трех наушники и победоносно отсалютовал на базу: «Примите активировке ноябре геологической съемки две тысячи квадратных километров, Кулагин». Принял ответную РД и забился в конвульсиях: база по-прежнему беспокоилась о портянках.

В двенадцатой пятилетке поселок Нягын на железнодорожной трассе Ивдель – Обь обещает стать вполне приличным сибирским городом. А пока каждые двадцать минут с бетонных вертолетных площадок взлетают МИ-8, каждые два - МИ-6 или МИ-10. Каждые пять минут по бетонному шоссе в болотистую тайгу уходят груженные балластом самосвалы: идет обустройство разведанных нефтеносных площадей

Западной Сибири. Там, где мы шли когда-то реденькой цепочкой по лосиному следу среди вековых сосен, лежат, насколько хватает глаз, аккуратно сложенные, готовые к вывозке хлысты сортовой древесины, замкнутые с севера тремя нитками газопровода Надым-Центр. Сейсморазведчики и нефтеразведчики Ханты-Мансийска, вахтовые бригады буровиков из Киева, Уфы, Гомеля, руководящие «Волги», «Уралы», «Белазы», «Камазы», новенькие «Жигули» и «Нивы» на железнодорожных платформах,

Леспромхозы, прямые, как стрелы, лежневки, пересекающие бездонные Кондинские болота, и над всем этим – несмолкаемый гул пассажирских Як-40, стрекот Ан-2, свистящий рев вертолетов: черная, голубая, зеленая житница!

По земле, воде, небесам сюда непрерывно идут бентонитовая глина и цемент, бурильные шланги и трубы, сверхмощные тягачи и насосы, трубы для нефте- и газопроводов, стекло и гвозди, уголь и проволока, гравий и гранитная щебенка. И среди гула и грохота, как заводные, крутятся начальники геологических партий... Ты работаешь за пятьсот, за тысячу, за три тысячи километров от баз снабжения, и тебе кажется иногда, что ты никому, собственно, не нужен, и нет ни единого Официального Государственного Учреждения, которое подставило бы тебе свое державное плечо. Кто вправе приказать Начальнику Мебельной Фабрики раскрыть тебе свои объятия? И вот юные максималисты с голубыми глазами становятся прожженными прохвостами. Мы все этикие рубахи-парни, личные друзья-приятели командиров авиаотрядов, главных механиков леспромхозов, кладовщиков «Сельхозтехники», завхозов строительно-монтажных управлений. Потому что нам нужны вертолеты, машины и бульдозеры, авиамасло и запчасти к станкам, нам нужно, чтобы нас любили нужные люди, которые меняются каждые два-три года, которые тебя любят не просто так, за твои остервенелые, и тем более голубые глаза. Мы, не колеблясь, разденем-разуем нерадиво брошенную в тайге технику, перехватим чужие пиломатериалы, втихую отгрузим занаряженные кому-то буровые трубы. Мы - это хорошие начальники партий, у которых все вертится и крутится, которые не надоедают начальству воплями о помощи и не ссылаются на объективные причины, хотя эти причины в подавляющем большинстве случаев действительно объективны.

5

Так-то оно так, однако... Ибо, когда начальник геологической партии, расправив могутные плечи, вскинув решительный подбородок, посверкивая голубыми глазами летит выбивать всякую нужность у своих друзей-приятелей, не верьте. Это, едва передвигая заплетающиеся ноги, притушив безнадежно очи, склонив покорную выю, через силу влачится обыкновенный государственный преступник, которого в любую минуту можно брать!

Когда-то, на заре советской геологии, начальник геологической партии получал хрустящие дензнаки, набивал ими рюкзак, совал туда наган в потертой кобуре, добирался на перекладных до Тимана или Саян, нанимал плотогонов, снаряжал оленьи упряжки, подбирали проводников, аккуратно записывая статьи расходов в амбарную книгу, где вместо росписей иногда мелькали одинокие корявые кресты. Затем он возвращался в Геолком с поточавшим рюкзаком и отменно слаженной работой, сдавал а кассу остаток неиспользованных денег и приступал с младенчески чистой душой к составлению ученой записки, скажем, «О закономерностях полиметаллического оруденения осевой зоны Рудного Алтая». И мы, юные максималисты, так очарованно

внимали их поразительным деяниям и фантастическим открытиям, попивая чай в профессорской квартире с потускневшими реликвиями их немеркнущих маршрутов.

Тогда, на заре советской геологии, этих бескорыстных тружеников и первопроходцев можно было перечислить по именам, которые, надо думать, были выше каких бы то ни было подозрений.

Ныне геология стала отраслью промышленности, и нас, ее рядовых пахарей, без ЭВМ, пожалуй, не сочтешь, и в душу каждому, естественно, не заглянешь. Тем более, что есть, определенно есть начальники партий, живущие, как говорится, не по средствам. Есть, чего скрывать!

Но мы-то, Господи! Что же нам-то делать, чтобы все вертелось-крутилось, и в то же время смотрели мы вдаль и окрест с чувством законной гордости и глубокого удовлетворения за отлично слаженную работу?

Молчат, нет ответа...

Нет ответа, хотя механика должностного преступления известна всем от рабочего на съемке до министра.

...база экспедиции – в чудном сосновом бору под Барнаулом, а полевые работы, прикиньте по карте, - в Приаралье: плюс 60° у почвы, переметенные песками дороги, дрожащий от зноя воздух. И пыль. Проникающая всюду невесомая, сладковатая пыль. Четыре буровых станка, две водовозки, два ЗИЛ-130, два ЗИЛ-131, бензовоз, четыре прицепа, вагон – балок, компрессор, УАЗик, почти ежедневно АН-2. Плюс лимитированная книжка для безналичных маршрутов. Минус сварочный агрегат, минус запчасти. Бухгалтер, кассир, завхоз, механик штатным расписанием не предусмотрены.

В один прекрасный августовский вечер, а если точнее – на исходе дня своей рождения я без сил упал на спальник с чувством, которое отвечает формуле «Гори оно все синим пламенем!» Далеко в пустыне пылилась разобранная техника, молчали станки и бездействовали буровики, съемщики, геофизики; а там, среди испепеленных песков и истомленных такыров, можно выжить, только работая. Стуча кирзухами, вошел радист Коля, успевший, судя по бойкой походке, уже разговеться. Утвердился, нахально проскрипел мне в спину:

- Командир, ты чего на связь-то не встаешь? Вставай давай на связь-то!

Я злобно молчал.

- Да ты чего, командир, не идешь-то? - сделал он еще шаг - Ребята ведь ждут на связи-то. На связи.

Меня обуяла ярость: если он скажет еще слово... И вдруг я услышал:

- Эх, командир, совсем ты у меня стал седой. Седой. Я поднялся, пошел в летнюю юрту, порыдал на плече у директора совхоза Жоралкапа, бывшего старшины II статьи Черноморского флота, мы выпили из теплых пиал горячую водку, заели ее прохладной дыней и рванули на моем УАЗике в соседний район в заповедную, тайную от всех пещеру Али Бабы, а если точнее - к Жориному племяннику или свояку, то ли главному механику, то ли младшему кладовщику... Мы восседали на белой кошке над скатертью самобранкой, тесно уставленной коньяком и шампанским из совхозного магазинчика, точнее из неприкосновенных запасов сердечного друга Жоралкапа. Пять моих пальцев витали над праздничным паром бешбармака, пять моих пальцев железной хваткой оплетали хрупкую руку Али Бабы – что значили в эти часы мои жалкие магазинные

траты! Безусловно, это был царский подарок, брошенный директором совхоза к моим ногам с непостижимой щедростью: реальной цены ему не было...

Али Баба был молчалив, изящен и смугл...

Утром вызванный «по срочному» АН-2 развез по отрядам запчасти. Хозяина заповедной пещеры я отдал рубероидом, списав его на строительство временного склада. Сердечного друга – досками (списаны на строительство оснований под палатки). Истрачено было наличными сто двадцать шесть рублей при месячной зарплате начальника партии - 180. Зато я отбурился к сентябрю, выполнив план и сэкономив на зарплате, амортизации и износе около сотни тысяч рублей. Таков вот был баланс операции «день рождения». А кроме того мне приходилось еще платить чужим сварщикам – безусловно наличными, безо всяких расписок, а кроме того - втридорога! – за грошовые подшипники и крышки тромблеров, тоже, конечно, наличными и без расписок. И, следовательно, зачислять «мертвых душ», чтобы получить необходимые наличные, а за это завозить вполне реальным людям сено и саксаул. А кроме того...

Ибо техника в пустыне имеет обыкновение выходить из строя. Ибо она была у меня – лимитированная книжка и, значит, теоретическая возможность расходовать десятки тысяч рублей на любые работы, но, в то же время, не было реальной возможности заплатить тридцатку сварщику или крановщику. И поэтому яростное солнце в раскаленном небе так часто меркло, и мгновенный стыд, гнев и, чего скрывать, тайный страх сухим огнем обдавал щеки.

...днем прокопали новый арык, перерезали дорогу, ограждение, как водится, забыли. Ночью перевернулся буровой станок, люди, слава богу, живы. Дернули трактором, поставили на колеса, отволокли на базу. Сижу – руки не поднимаются: сварки на полсотни минимум. Как раз, к случаю, так сказать, приезжает с проверкой главный инженер экспедиции: умница, экономист, действительного инженер и, кстати, депутат крайисполкома.

- Палыч! - в открытую показываю черный список левых расходов. - Палыч! – рыдаю, - сил нет больше!

Главный подставляет плечо: зовет старшего сурового мастера, недолго с ним мозгует, оформляет за его подписью рацпредложение на новый способ крепления грязевого насоса в комплекте с глиномешалкой, что значительно повышает и т.д. Через месяц старший буровой мастер расписывается в ведомости и передает мне из рук в руки премию за рацпредложение. На полсотни легче – спасибо, Палыч!

В системе геологии начальник геологической партии - единственный человек, в руках которого находятся по-настоящему живые деньги. Надобно себя крепко блюсти, надобно себя железно держать, решительно отводя соблазн ненароком прикрыть ладонью радужную бумажку. Или, скажем, превратить кошму, подвесной мотор, спальный мешок, палатку в даровые фрукты, меха, рыбу. Тем более, что твой старший геолог получает зарплаты примерно столько же, шурфовщик – вдвое, а буровик – втрое против тебя. Тебя, который обеспечил им всем возможность детально изучать, много копать и глубоко бурить. Который...

Впрочем, оставим соблазняющихся: их, к счастью, не так уж, чтобы... Важнее другое. Хочешь ты этого или нет, подобного рода производственная деятельность исподволь, а порою и грубо деформирует личность, нанося ей серьезные моральные травмы.

Преступая во имя дела закон, деятельный человек неизбежно становится изворотливым делягой – на прямом пути он непременно заходит сбоку и по застарелой привычке «химичит» там, где все можно сделать чисто и честно. А поскольку живет он и крутится на миру, люди глядят на него с понимающей или завистливой усмешкой, иные с корыстью, а иные с презрением.

...назовем его, скажем, Владимиром. Чашу начальника партии он испил, как говорится, полностью. Образован, умен, естественно, разворотлив: я тебе завожу 200 тонн керосина, ты мне отстегиваешь сто летних часов МИ-8; ты мне пиломатериалы для строительства базы, я тебе два трактора; ну и – я тебе километр казенного провода для установки личного телефона, ты мне казенный аккумулятор и «резину» для личных «Жигулей», не без этого.

Где-то ближе к пятидесяти, имея в трудовой книжке двадцать лет «полярки», притомился, стал задумываться, так сказать, о смысле бытия, наконец плюнул на свою собачью должность и ушел в объединение скромным старшим инженером в проектно-сметную партию. Отдышался. Пригляделся, что делается в стране»...

На партийно-производственном активе попросил двадцать минут – призвал немедленно внедрить на сейсморазведочных работах бригадный подряд. Его дружно и горячо не поддержали. Нереально-де: дорожники накатывают профиля, буровики бурят скважины под заряды, взрывники стреляют, геофизики на передвижных сейсмостанциях фиксируют результаты взрыва, сейсмограммы обрабатываются машинным способом на вычислительном центре, а отчеты составляются в камералке. Где – дорожники, а – где конечный результат! К тому же половина рабочих временные, больше года не держатся.

На балансовой комиссии вновь попросил слова: бригадный подряд как способ закрепления рабочих кадров. Отмахнулись, не стали и обсуждать.

Пришел на открытое партийное собрание камеральной партии. Обсуждается качество отчетов. Камеральщики валят на ВЦ, вычислители – на полевиков, полевики – на камеральщиков. Базар! Попросил слова.

- Снова бригадный подряд?

- Да. Сквозной подряд как радикальный способ повышения качества всех видов сейсморазведочных работ, экономически увязанных по всей технологической цепочке.

Послали подальше, чтобы не мешал базарить.

Стал притчей во языцах: иначе чем Генподрядчиком его не называли.

- Мужики, - спрашиваю, - а чего вы так упираетесь?

- А, в наших условиях это невозможно...

- Ну почему? Трудно – это бесспорно. Но почему невозможно-то?

- Да тут много всего... А главное, он-то чего возникает. Чего он тут хочет словить? Бригадный подряд, видишь ли, ему спать не дает...

...шли с ним ночью по утонувшему в снегах Ханты-Мансийску.

- Да все можно сделать, - негромко говорил Владимир, - Есть уже примеры: ПМК вот целиком уже переводятся на сквозной подряд. Что, у нас много сложнее? Да, собственно говоря, меня экономическая сторона дела не так уж и интересует. Экономика – только инструмент, не более того. Тут другое... Тут нет этого разделения: я – начальник, ты – работяга. Все отвечают. А в социальном плане ведь из этого может вырасти действительно рабочее самоуправление. В широком, конечно, смысле.

Подумай, ведь тут у них списки на жилплощадь не так просто на стенке вывешиваются – они контролируются коллективом. Тут уж квартира чужому племяннику не пропляшет, и папиного сына в бригаду не засунешь. Но главное, ты на людей, и они на тебя – открыто!.. Ну, что?.. Жизнь в общем-то я уже прожил... А, знаешь, все же хочется мне у нас это сдвинуть... Спросишь себя на пенсии – хоть что-то ты в жизни полезного сделал? Вот это сделал!.. Не понимают. Думают, что я чего-то для себя выгадываю. А тут другое... Ведь какие были в молодости принципы, идеалы... Нет, вины я с себя, конечно, не снимаю – чувствую, замазан, чего тут скрывать. Но хочется, понимаешь меня, хочется хоть напоследок сделать что-то такое, чтобы это приблизить, понимаешь?

Понимаю ли?

Меняется время, и ты обновляешься вместе с ним.

Но память, память людская, да и собственный твой стыд, глядят на тебя из прошлого пристальными глазами – на тебя, взыскующего снисхождения или хотя бы понимания.

Чего же тут непонятного?

Хорошо, еще, когда так...

Писатель Евгений Будинас принёс в редакцию одного журнала очерк о председателе передового колхоза, у которого, представьте, не было проблемы ни с Сельстроем, ни с всемогущей «Сельхозтехникой». Редактор попросил сделать материал еще острее, но, одновременно, столь же решительно осудить героя и методы его работы.

- Как я могу его осудить? - негодует Будинас. - Он же продукт этой системы экономических ситуаций. Пожалеть могу, посочувствовать даже, но осудить? – разводит руками. - Вот прекрасный пример! У нас в Белоруссии есть река Свислочь. Представь, ихтиологи взяли из Свислочи живую рыбу и запустили в садок с превосходнейшей для жизни водой: кислород, корм, минеральные добавки – все по науке. А она через день – кверху брюшком: не может жить в чистой воде! А ведь это сильная, волевая, находчивая такая рыба! Она в таких экстремальных условиях выжить сумела! Так как же я могу его осудить?!

Начальник геологической партии в экологически чистой среде хозяйственного механизма – мечта!

Молодые прагматики как-то не слишком спешат осложнять себе жизнь и обременять свою совесть.

Человек, так сказать, и закон!

...и когда Старый Зубр, начальник объединения, грянул, как гром с неба, и, измотав свою свиту, бешеным аллюром обскакал буровые, и мой АН-2, дрожа, вылетел в любую сторону горизонта к дальним отрядам по первому его требованию, когда он придирчиво и на удивление компетентно проверил полученные нами геологические материалы...

..и на прощанье, подняв пиалу (допустим, с кумысом); сказал мне торжественно, но не без ехидства:

- В партии у тебя порядок. Это – раз. Два – из начальников ты у меня теперь не вылезешь, это ты заруби. А то, понимаешь, привык за Кулагинской спиной отсиживаться

на легких хлебах: пусть за него другие пашут! А другие, это ты заруби, совсем тебя не глупей – это три. Все!

Все? Да когда же это мой хлеб был легким? Может быть, когда я на Оби трое суток, меняя рабочих, месил без остановки болота у Леушинского Тумана? Или когда МИ-1 падал в сосняк под Сургутом? Или когда две недели без крошки хлеба сплавлялись по Цильме, пока не наплыли на косарей из Номбура? И шел к их балагану, не в силах глаза отвести от каравая, лежавшего на бревенчатом столе? Скажи, Отец, ты же знаешь!..

И вот нынче, глядя через годы во след Старому Зубру, я думаю, что же нам всем надобно предпринять, чтобы у начальника производства все крутилось и вертелось, и в то же время смотрел он вдаль и окрест с чувством законной гордости и глубокого удовлетворения за отлично слаженную работу? Ибо в на век иссякающих природных ресурсов и лихорадочного расширения поисковых площадей могучий лайнер отечественной геологии набирает высоту и гордо парит благодаря усилиям безвестных пахарей – начальников геологических партий.

Впрочем, я, кажется, повторяюсь.

6

Как учат плавать.

Вода с подогревом, на бортике тренер, в руках пластиковые доски, ноги в стороны, ступни развернуты, вдох, выдох в воду, вдох, выдох...

...или берут за руки – за ноги, раскачивают, бросают на глубоком месте в надлежащую волну и наблюдают, как ты там барахтаешься.

Оба метода имеют свои положительные стороны. В первом тебя учат правилам и приемам, натаскивают, изнуряют тренировками, принуждают соблюдать спортивный режим, и, если есть необходимые задатки, ты можешь стать рекордсменом. Или не стать. Тогда плаванье из функциональной необходимости превратится в легкий способ удивлять девушек на пляже. Во втором – ты можешь утонуть или выплыть. Но уж если – да, то ты поплывешь. Пусть своеобразно, неправильно, пусть и стилия-то подобного не существует вовсе, ты узнал главное: у воды есть свои омуты и водовороты, мели и перекаты, и все это можно преодолеть. Своими силами.

В институте Брат был вполне заурядным студентом. Никакими особенным талантами не блистал, учился средне, говорил скороговоркой, не заботясь о красотах стилия, которые, надо сказать, вообще были не в чести у буровиков с факультета Техника разведки. Как тонко подметил в своем выступлении на институтском молодежном форуме их комсомольский вожак Веня Кренделев: «Мы, буровики, народ, может, и тупой, но крепкий!» Брат к тому же еще обличал некоторым простодушием, что ли. Защищая диплом, он довольно бойко отбивал запроектованную шахту от каверзных вопросов, пока один из профессоров не сбил его с ног, нацелив указующий перст в самое уязвимое место:

- А что это у вас, милейший, изображено на чертеже за номером два в Я не левом верхнем углу?

- За номером два? - переспросил Брат. - Это механическая лебедка. В разрезе.

- Нет, милейший, - не унимался профессор, - подле агрегата?

- Человек.

Профессор побагровел:

- Зачем, позвольте вас спросить?

- Для масштаба. - Брат помолчал и добавил бесхитростно: - У меня там пустое место оставалось.

Что еще? Очень быстро бегал. Сотку пробежал за 11 секунд, но зигзагом. Учитель, его тогдашний сокурсник, утверждал, что, если бы распрямить сложную кривую его бега, это безусловно был бы новый мировой рекорд в беге на 200 метров. Да, почему-то не любил нежных и послушных девушек: знакомые его девицы прыгали с парашютом, дрессировали ядовитых змей, либо занимались силовой акробатикой. Ну, вот и все, по моему.

Получив диплом, Брат по распределению уехал на Украину, в Карпаты. За два года прислал шесть писем (Новый год, 7 ноября, 1 мая), из которых мы узнали, что работает он у самой границы с Венгрией в геологоразведочной партии, и что его очередной отпуск снова откладывается по меньшей мере на год. Родители несколько встревожились и, когда я вернулся с Крымской учебной практики, отправили меня навестить Брата. В рюкзаке я вез кое-какую столичную гастрономию, из которой мне ярко запомнились лишь десять баночек майонеза: он с детства питал страсть к винегрету. При пересадке во Львове выяснилось, что для проезда по железной дороге в погранзону необходим пропуск, причем завизированный по месту прописки в Москве. Я поселился в гостинице и в процессе многодневных хождений по различным Львовским инстанциям незаметно схарчил все гостинцы, а также истратил имевшуюся наличность. Сосед мой по номеру, замотанный добрый дядька из Полтавы, оказался снабженцем, Львовские дела его тоже не шибко продвигались, и вечера мы коротали, делясь друг с другом своими горестями. Получив наконец от родителей грустный перевод, я собрался в обратный путь.

- Тю, хлопчик, - попенял мне сосед, - от це не дило!

- А что же мне остается?

- Як шо? Тоби ж к братику треба доихать!

- Да как же я доеду без пропуска?

- Як- це другий вопрос. Братика треба побачить? Треба! Вот и поїдем.

Он вывел меня на автостанцию, я взял билет на автобус, доехал до Дубриничей, спросил, где здесь экспедиция, узнал, что Брат будет только к утру, меня привели в какую-то хату, дали банку молока, показали кровать с периной – никакого пропуска никто так и не потребовал. На рассвете Брат выдернул меня из-под перины. После шумных объятий я передал ему отеческие приветы и, потупясь, развязал рюкзак с десятью баночками, которые не сумел угрызть в долгой дороге.

- Очень кстати! - энергично возрадовался Брат и повел меня в сельскую столовку: салат из огурцов, биточки, компот на третье. Увы, это было первое и последнее наше пиршество в сфере общественного питания. На присланные мне деньги мы приобрели мешок сладкого перца и в течение моего двухнедельного гостевания потребляли исключительно этот продукт, экономно макая его в родительский майонез. Тогда я еще ничего не знал об огромном витаминном потенциале сладкого перца, хотя вряд ли это обстоятельство могло меня утешить: молодой организм настойчиво требовал аминокислот. Однако перец, видимо, оказывал все же свое целебное действие, так как Брат, несмотря на бросающуюся в глаза поджарость, был бодр и весел, а его темпераменту мог позавидовать любой средних размеров гейзер.

Нельзя сказать, чтобы в те далекие годы инженер получал больше, чем сейчас, да, признаться, нас не очень это и волновало, но быть техническим специалистом с высшим образованием было престижно. И хотя мы не знали тогда, что такое престиж,

конкурс в гуманитарные, а тем более в пищевые рыбные институты был только для девочек. «Мой брат инженер!» - это тогда звучало!

Мой Брат-инженер, по-нынешнему молодой специалист, то есть нечто вроде робкого начинающего ухажера на вечеринке, имел должность начальника участка, и под юной рукой его размещались пятнадцать буровых с трехсменкой по три человека в каждой. Кроме того, в непосредственном его ведении – находились все буро-взрывные работы, обеспечивающие эффективную проходку шурфов, канав и двух разведочных штолен, а, следовательно, и склад взрывчатых веществ (ВВ), и вентиляционная служба со всеми вытекающими мероприятиями и персональной ответственностью за соблюдение техники безопасности. Ну и соответственно, человек двести буровиков и горнорабочих, которым надобно было обеспечить фронт работ, материалы, оборудование и снаряжение, а уж выдать честно заработанную плату – непременно! А поскольку их экспедиции денег не присылали уже два месяца, все свои сбережения из скудной инженерской зарплаты – и счастью, тратить ее все равно здесь было некуда - он выдал подчиненным в качестве аванса, в связи с чем мы и перешли на растительную диету.

Все это несколько напоминало его дипломный чертеж за номером два, где как вы помните, среди разнообразных горнотехнических механизмов и сооружений для масштаба был неумело изображен условный человечек, в данном конкретном случае – Брат. Видимо, еще студентом он интуитивно догадывался, что всем этим, прекрасным самим по себе, железякам требуется организующее человеческое начало, как нашим рукам и ногам для нормальной деятельности потребна голова.

Я уже намекал, что учился Брат средне, еще в школьные годы стишки запоминал с нудного заучивания, так что содержание институтских, лекций, думаю, не отпечаталось в его памяти огненными буквами. Но ежели на месторождении разведочные буровые скважины не могут достичь рудного тела, поскольку бурильные трубы то и дело прихватывают обваливающиеся дробленые сланцы, ты обязан быстро и грамотно скомпоновать такой укрепляющий глинистый раствор, чтобы стенки скважины стояли, как влитые. И если в твоей штольне трещит кровля, если, говорю, вертикальные и горизонтальные напряжения выбивают крепежные стойки, ты должен, кровь из носа, найти способ крепления, не угрожающий жизни людей, откатывающих вагонетки с породой. А если еще к тому же горит план, а он горит всегда, и тебя без экивоков, так сказать, прямым текстом еженедельно накрывают орудия главного экспедиционного калибра, ты поневоле начинаешь шустро изобретать что-нибудь такое, что бы резко повысило производительность труда на вверенном лично тебе плацдарме. Узнавал Брата, Предо мной стоял муж, уже далекий от того романтического мира, где я, заходясь от восторга, еще пел студенческие песни о геологах, проводящих полжизни «там, где людей не ступала нога». Здесь мы буквально натыкались на людей. Люди спрашивали, просили, требовали – Брат объяснял, удовлетворял, отказывал. Мы вставали затемно и в темноте валились на хозяйскую кровать, не чуя ног. Мне снились кипящие травертиновые источники, алые брызги киновари и стально-синие летящие кристаллы антимонита; Брату – шпурсы, кубометры взорванной породы, погонные метры бурения, может быть, укротительницы змей тоже, не спрашивал, но вряд ли. Поневоле втянутый в его рабочий ритм, я не успел заметить, как миновали две недели, и пришла пора возвращаться в институт. Это поставило начальника участка перед чрезвычайно неприятным фактом, поскольку приобретение даже сидячего билета в общий вагон наталкивалось на серьезнейшие финансовые трудности. Однако уже появившаяся хозяйственная сметка, или, как ее теперь называют, деловая предприимчивость,

вывезла нас на попутке в город Чоп, где Брат по-гусарски заложил дорогой родительский подарок – первые в его жизни наручные часы. Окончательно сталкивая его в финансовую пропасть, я настоял на покупке бутылки вина, которую мы и приобрели по цене, непосредственно примыкающей к ценам на пиво местного завода. Поколебать, или хотя бы слегка пошатнуть – наши устои столь легкомысленный напиток, конечно, не мог, тем более, что на закуску мы вскрыли последнюю майонезную баночку и извлекли из недр заветного мешка последние плоды щедрой карпатской земли. Брат наполнил стаканы, невразумительной скороговоркой сформулировал тост, мы чокнулись, опрокинули в рот столь же невразумительную жидкость и, обмакнув в майонез любимые стручки, принялись рьяно закусывать. Как мы были неосмотрительны! Я всегда как-то с трудом представлял, что это такое – геена огненная. На втором жевке я знал это совершенно точно. Вытаращив глаза и распахнув, я бы сказал, разверзнув рты, мы залились горячими – в буквальном смысле – слезами и одновременно рефлекторными детскими жестами потянулись их утирать. Боже, что тут началось! Мы метались по горнице, сбивая стулья и стучаясь лбами, натываясь на хозяйские буфеты, ломая крылья, теряя перья. И все это абсолютно молча!

В Москве при спокойном домашнем анализе я понял, что произошло. Разрабатывая в течение двух недель залежи сладкого перца, использующегося, как известно, в свежем и консервированном виде для «фарширования, так приправа для заправки супов, блюд из тушеного мяса, различных национальных блюд, овощных салатов, соусов и запеканок», мы вскрыли пласт горького стручкового перца сорта «Шипка», стручки которого «отличаются сильным ароматом и жгучим вкусом (из-за особого химического вещества – капсаицина)». Осмотрев мои раны, мама порекомендовала обрабатывать на ночь полость рта подсолнечным маслом. Брату я отправил письмо, которое начиналось словами: «Во имя Капс и Цина!».

...вернувшись от начальства. Отец сообщил, что его отпустят в Алжир только в том случае, если он найдет себе замену. За десять с лишком лет его административный пыл заметно подистощился, говоря проще, ему смертельно обрыдло тянуть эту лямку, тем более, что возы наши с миллионными объемами грузились всегда с верхом. Он поднял на меня беззащитные детские глаза.

Ладно, Батя, - сказал я, - пойдём. Я возьму партию, а когда ты уедешь, в случае чего, отыграю назад. С тебя - причитается!

Он уехал по индивидуальному контракту, то есть оказался один на один с порученным ему делом среди рабочих и техников, не понимающих его языка, рядом с владельцами частных буровых станков, не слишком стремящихся следовать его руководящим указаниям. Ему было необходимо разобраться с геологическим строением новой территории, чем обычно занимался я; ему надлежало решать сложные вопросы водоснабжения в Сахаре и Атласе, с чем в партии без его помощи успешно справлялись наши гидрогеологи; ему бы надо, надо, надо...

Через два года он приехал в отпуск с дипломом, выданным во Французском посольстве в Алжире, удостоверяющим, что он успешно выдержал экзамен по французскому языку. Приехал классный специалист, разбирающийся не только в геологии, но и гидрогеологии, этой, поверьте, весьма сложной науке и еще более сложной практике. Приехал человек, жестко требующий, ставящий на место «фирмачей», человек решающий, которому не на кого оглядываться и перекладывать личную ответственность за порученное дело.

Ну, Отец, ладно – особая статья!

У нас в экспедиции был молодой парень. После техникума отслужил в армии, окончил заочно МГРИ, работал, добросовестно работал, дослужился потихоньку до старшего техника, потом до инженера-геолога – так, пройдешь не заметишь. Уехал на Кубу. Через три года вернулся в Союз, зашел навестить нас в камералку. Я не узнал его: предо мною стоял муж, ну и т.п.

Как? Почему? Что, собственно, произошло?

Ровным счетом, ничего. Иная мера ответственности!

Партии дают новый объект работ. Мы пробиваемся с боем дня на три в Геологические фонды, экспресс методом (считается, что обстоятельно и детально) изучаем труды предшественников, оцениваем сложность геологического строения территории и степень ее проходимости для тех или иных видов транспорта, прикидываем необходимые виды и объемы работ, обкладываемся многочисленными справочниками укрупненных норм, инструкциями, дополнениями и изменениями к ним, составляем геолого-методическую и производственно-техническую части проекта, смету. Прикладываем составленную предшественниками геологическую карту, схемы проведенных ранее геологоразведочных работ, схему размещения опорных участков и буровых скважин, схему транспортировки персонала и грузов с полевой базы партии на конкретные участки работ. Затем расписываемся на последней странице проекта в правом нижнем углу – четыре подписи. Визируем производственно-техническую часть проекта и смету в плановом отделе. Затем проверяют и, после внесения коррективов, подписывают главный геолог и начальник экспедиции – еще две подписи. Далее проект спускается на третий, или привозится откуда-нибудь из Сальных тундр и тогда поднимается на третий этаж, где его внимательно изучают в геологическом и производственном отделах объединения наши кураторы, вносим коррективы – еще две-три визы. Все? Отнюдь! Везем проект на площадь Восстания в Центральную методическую партию Министерства геологии, начинаются крестьянские бунты и их усмирение, вносим коррективы – еще виза. Возвращаемся на третий этаж. Подписывают главный геолог и генеральный директор объединения, подписи скрепляются гербовыми печатями.

Вот теперь все. Да, но до определенной стоимости. Если проект в денежном выражении впечатляет, его рассматривает и подкрепляет протоколом комиссия МинГео – еще восемь – десять подписей. Вот теперь действительно все – трудись!

Я, основной исполнитель работ, как мы уже отметили, расписался где-то там, на последней странице.

Кто ответствен за составленный проект?

А? Не слышу?

...к Старому Зубру подписать проект. В дверь, ловя момент, совывается пишущий гордым жаром мой коллега, начальник партии с монументальным трудом страниц на двести, тоже за высокой подписью. Старый Зубр кладет телефонную трубку, разворачивается в кресле, неодобрительно рассматривает вошедшего:

- Ты что это мне принес? - добродушный вариант «не в духе». - Небось, историю геологических исследований отразил со времен царя Гороха, а?

Начальник партии несколько спадает с лица, румянец гаснет.

- Ты что думаешь, у меня есть время читать твой роман века?

Народ безмолвствует.

- Вот мне на днях довелось познакомиться с одним проектом Фээргэвская фирма «Боруссия» берет на себя обязательство за такие-то деньги пробурить нефтеразведочную скважину глубиной три тысячи пятьсот пятьдесят метров к двадцати двум ноль-ноль пятнадцатого октября сего года – одна, заметьте, страничка! Французская фирма «Конкордия» со своей стороны обязуется в двадцать три ноль-ноль того же, заметьте, октября приступить к испытаниям скважины, которые и закончить такого-то во столько-то - еще две странички. И дальше десять страниц санкций: если «Боруссия» опаздывает на час, то и т.д. Вот это, понимаешь, проект. Бальзаки!

Оскорбленный в лучших чувствах коллега начинает вновь наливать жаром.

- Константин Иванович, - говорю иноческим голосом смиренного прохиндея, - мы ж у вас ребята понятливые. Вы нам только прикажите, мы и на одну страничку все уместим.

Старый Зубр разворачивается, в глазах молнии:

- Не дерзи мне тут! - вариант «гнев понарошку», - Тоже Плевако объявился.

Народ удаляется ставить гербовые печати на высокую подпись.

Вода, следовательно, с подогревом, на бортике тренер, да еще человек двадцать ассистентов следят, не присобачил ли ты там под водой к ногам моторчики, облегчающие тебе прохождение дистанции. И зарплату свою немалую получают в основном за это. Министерство геологии – обалдеть! – тратит свое время на слезку за ординарными проектами рядовых геологических партий. Считается, что твоя самая главная задача облапошить государство, интересы которого они блюдут. А ты, значит, на родную землю откуда-то заброшен...

Накоплен громадный практический опыт геологоразведочных работ, тысячи и десятки тысяч раз прошла перед проверяющими взорами эта цифра – фактическая стоимость квадратного километра геологической съемки. Созовите, черт побери, экспертов, проведите районирование Союза по степени дешифрируемости аэрофотоснимков, сложности геологического строения, условиям проходимости. Дайте три коэффициента к стоимости квадратного километра для любого конкретного района работ – все! Дальше - мое дело: качественно и в установленный срок за эти деньги сдать объект, как говорится, под ключ. Ты инженер. Ответственный исполнитель!

Нет. На бортике тренер, рядом сонм контролирующих, и сам ты давно уж привык, что даже потонуть тебе самостоятельно не позволят. Увлеченный, деятельный исполнитель в системе подобных отношений и ценностей поневоле становится таким «неудобником». Он доказывает и «встает на рога», отбивая запроецированные объемы буровых работ, хотя они почти всегда несколько убыточны. Он взваливает на себя и из кожи лезет, чтобы достойно донести до положенной черты свою нелегкую ношу. И почти всегда, как говорит мо жизненный опыт, проигрывает идущему налегке, посвистывающему коллеге, который послушен и покладист настолько, что за этой удобностью можно с легкостью скрывать от руководящих глаз любой уровень собственной некомпетентности или нежелание работать без дураков, всерьез. Личность чаще всего открыта, и, как это ни странно, именно поэтому легко уязвима.

...как многие из нас. Учитель совмещал свою научную одержимость с должностью начальника партии.

Печорская осень стремительно летела навстречу полярной зиме, уже вышли из тайги геологи-съемщики, но буровой станок, завезенный на барже в деревушку

Чаркаювом, еще добуривал последние проектные скважины. Главный начальник прислал телеграмму, требуя немедленно свернуть работы, погрузиться и отплыл на базу в город Печору. Учитель попросил две недели Главный начальник ответил угрожающей «молнией». Учитель не отреагировал. Через неделю на косу сел АН-2, вылез главный инженер экспедиции, старый друг, и вручил приказ: «Прогнозами синоптиков днями ожидается ледостав. Приказываю немедленно загрузить транспорт оборудованием и снаряжением и идти на отстой в Мутный Материк. Зимовка каравана будет отнесена на ваш счет».

- Дима, - сказал Учитель, - у меня термометр в воде, замеряем каждый час. Осталась одна скважина – и все. Клянусь, тут же снимаюсь.

- Рудик! Ты можешь очень сильно схлопотать, поверь мне!

- Прорвемся, Дима! - ответил Учитель.

- Добро. Я скажу, что ты сегодня отплываешь.

- Заметали - сказал Учитель.

«Заметывали», однако, трудно: той же ночью приткнувшийся рядом чужой водомет по-тихому снялся, прихватив три бочки горючего. Кое-что наскребли по сусекам, через три дня караван отшвартовался. В Щельябоже горючее кончилось. Учитель бросился к председателю совхоза просить «Христа ради», раскрыл души и бумажник. Председатель, оглядев баржу с оборудованием, положил хозяйский взгляд на «качалку» - агрегат для подъема воды из скважин. Похаживая у склада ГСМ, председатель с презрением отверг безналичные и наличные расчеты и предложил натуральный обмен: бензин за «качалку». Учитель, по-своему тоже вполне резонно возразил, что не имеет права обменивать государственное имущество, числящееся к тому же на основных средствах.

- Нет «качалки» - нет бензина! - заключил беседу председатель. - Еще не нашлось на Печоре человека, который меня бы объехал на кривой!

Ночью лихие буровики аккуратно вскрыли склад, скатили к воде бочки и отдали швартовы. Катер главного командования, высланный на подмогу, встретил караван в пятидесяти километрах от города. В порт вошли на рассвете, расшивая первое «сало» на парящей черной воде.

- Мы столько лет вместе проработали, - попенял Учитель Главному начальнику, - ну, зачем это: репрессивные телеграммы, приказы?

Победителей не судят. И только это тебя спасает, - сказал Главный начальник, демонстративно разрывая дубликаты страховочных телеграмм и указаний и довольно успешно пряча тонкую усмешку.

А ведь Учитель мог бы и не бурить: никто слова б не сказал! Часто, очень часто, поверьте, качество геологических исследований – эта трудно проверяемая субстанция – зиждется исключительно на твоей совести, на чувстве долга, на твоей лично, подчеркиваю, ответственности за исполняемое дело.

Высокими начальниками и контролирующими тебя дядями – тетями становятся по-разному, и уровень их собственной компетентности бывает весьма различным. Так что, на всех не насмотришься. Чувство ответственности, независимость суждений, решительность в действиях выковываются только в самостоятельной практической работе, когда ты берешься делать дело и держишь за него ответ!

Тридцатилетний рабочий путь Брата оказался почему-то разбитым на три равных отрезка. Первые десять лет на «низовой», так сказать, работе в должности начальника участка, технорука геологоразведочной партии и главного инженера экспедиции,

привели его к убеждению, что пришла пора улучшать качество отечественных буровых агрегатов, а равно научиться наконец получать максимальную отдачу от действующих методов бурения. Или, как он пояснял, выжать из технологии все.

С этой целью Брат задумал, пробил, организовал и возглавил опытно-методическую партию при тресте, занимающуюся разработкой, освоением и внедрением новой техники и передовой технологии. Плавать к тому времени Брат научился вполне прилично, сотрудников подобрал талантливых и горячих, носа перед авторитетами слишком не задирает, но и шапку особо не ломал – какие никакие, а плечи за десять лет уже накачал. А уж нужды родного производства не просто знал, а чувствовал каждой клеточкой, в связи с чем необходимость новой работы не вызвала у него ни малейших сомнений. Поэтому в родной, да и в иные институты он приезжал не ля-ля разводить с друзьями и коллегами, а с вполне конкретными, четко сформулированными требованиями и предложениями. Имя его начало промелькивать в научной периодике, появились первые изобретения, первые патенты. Я как-то даже не особенно удивился, когда он стал кандидатом технических наук: защищал собственное изобретение, уже внедренное в практику буровых работ на Украине, и плановики их треста уже просчитали полученный экономический эффект.

Слушая его уверенную скороговорку, его быстрые и четкие ответы на вопросы, я, в общем, вполне разделял доброжелательную атмосферу, дарившую в аудитории, той самой, кстати, где некогда Брат простодушно отчитывался за свой дипломный проект перед теми же самыми профессорами. Было предельно понятно, что человек защищает нужное и полезное дело, будучи твердо уверенным в его нужности и полезности. Я, лишь как-то трудно представлял, что совершающееся сейчас действие и есть тот самый рубеж, перевалив который мой Брат – инженер перейдет в ранг ученых. Из выступлений, однако, я уловил, что Брат, оказывается, довольно давно уже стал этим самым ученым, что и сходил подкрепляет нынешний, в определенной степени формальный акт защиты.

- А, чепуха все это, - отмахнулся несколько уставший после банкета Брат, - дело свое просто надо знать!

Дело свое он знал. И не слишком любил, когда в него вмешивались без особой нужды и конкретной надобности. Домик, где они с ватагой единомышленников мозговали, стремясь «приложить шведцев» и при случае «воткнуть американцам», располагался во дворе МинГео УССР, откуда с минимальными потерями времени достигались залы библиотек, отделы научно-технической информации, лаборатории учебных и академических институтов, конструкторские бюро различных заводов и собственно заводские цеха; куда со всей Украины вызывали «на ковер» начальников и главных инженеров производственных подразделений министерства, с которыми можно было оперативно вступить в контакт, заключить договор на нужную им разработку и внедрение.

Однажды зимою в домик пожаловала, по-видимому, очень Важная персона с положенной свитой в кильватере. Брату торопливым полусшепотом сообщили, что такой-то, имя рек, знакомится с делами министерства.

- Чем занимаемся? - осведомилась Важная персона. Брат объяснил, что данный коллектив занят разработкой и внедрением новой техники и передовых технологий в разведочном бурении при производстве геологоразведочных и поисковых работ.

- Безобразия! - грянуло сверху. - Почему твои люди сидят в Киеве, а не находятся непосредственно на местах?

Брат объяснил, что внедрение осуществляется как раз непосредственно на местах, в поле, но научные разработки...

- Знаем мы эти разработки! Развел тут численность, а работать – никого нет! В поле всех, немедленно!

Брат порекомендовал обратиться к министру, который, должно быть, в соответствующем тоне и с исчерпывающей полнотой ответит на все интересующие вопросы.

- Обратимся... - пообещала Важная персона, берясь за дверную ручку.

- Простите, - спросил Брат, - а вы сами, собственно, в какой области работаете?

Грохнула дверь, вывалился здоровенный кусок штукатурки, обнажив сиротливый, плохо пригнанный косяк. Девочки подмели, и ватага дружно вернулась к своим любимым кульманам и ватманам. Министр не позвонил. Брат не поинтересовался. Отвалив вторые десять лет, сменил стул начальника партии на кресло главного инженера объединения. Весьма резвая, надо сказать должность, если, конечно, всерьез заниматься делом.

Третье десятилетие в вышестоящих оценках имело максимальную амплитуду: на одном взмахе – премии, почетные грамоты, Переходящие знамена Министерства и ЦК профсоюзов, на другом – выговоры, строгие выговоры, с последним предупреждением. С последним – было несколько, так что в глубине души Брат приучился воспринимать их как все-таки предпоследние, или, скажем не совсем последние. Ну, например, можно привычно сетовать на Госснаб, годам обречено писать положенные бумаги, а можно тайком соорудить современный заводик с умными автоматами, где для экспедиций все должным образом нарежут и просверлят, быстренько воплотят твою новую задумку в металл, опробуют, доведут до ума и внедрят в производство. Конечно, средства на строительство взяты не «по той статье», и тебе врежут на полную катушку, но автоматическая линия – не кинолента, назад не прокрутишь, и своевременно полученный за это дело «строгач» с лишением премии – в таком разе предмет твоей особой гордости. Как, скажем, нашивка за тяжелое ранение.

Зачем человеку нужна вся эта маята? Зачем он носится по всему Союзу, щедро делясь собственным и жадно впитывая чужой опыт? Почему он «встает на рога» и «лезет на стену», вместо того, чтобы спокойно отсидеться в командном блиндаже, дожидаясь руководящих указаний?

Конечно, шестнадцать запатентованных изобретений, в которых ты принимал непосредственное участие, буквально вопят тебе в душу – иди, добивайся, внедряй! И так называемое здоровое самолюбие, догадываюсь, имеет место. И мало ли чего еще? Но сколько и нас, талантливых и самолюбивых, взирающих со стороны, как трусит потихоньку мимо тебя технический прогресс? Важнее, видимо, то, что с молодых ногтей он привык сам отвечать за свое дело, без особых раздумий ставя его выше чьего-либо престижа и личных материальных благ.

...Мимоходом услышал, что во Львовском политехническом создали эмульсию для повышения скорости металлообработки. Обработать Брату нечего совершенно, не его профиль. Списался, хорошо вместе помозговали, создали необходимые приспособления, и пошла, пошла львовская эмульсия повышать скорость дорогого алмазного бурения на сверхпрочном Украинском щите.

...Или записался на прием пенсионер. Много-де слышал, принес вот такие нереализованные идеи, может, заинтересуетесь. Брат внимательно выслушал, ознакомился, не заинтересовался. Ну что же, значит – всего доброго? Нет, дорогой мой!

Смотрите, вот такая идея вас не вдохновляет? Такая? Да, вот такая?.. А что? Очень даже очень. Давайте-ка я поколдую.

Поколдовал. Полгода повозились уже с железом. Переделали раза три всю конструкцию. И теперь обычный серийный станок с непрерывной подачей керна на земную поверхность впервые в Союзе без остановки и переналадки способен бурить кристаллические породы самых высоких, как мы говорим, категорий. Оказался при важном деле тоскующий пенсионер – уже польза. Но как подскочила скорость проходки разведочных скважин!

У Брата наверное прорва недостатков. Он, должно быть, как и Учитель, опасно вспыльчив, вполне это допускаю, но главное, по-моему, перевешивает все. Он смотрит программу «Время», как и мы, пролистывает легкомысленные научно-популярные журналы (о специальной литературе не упоминаю – это ясно), но отфильтровав полученную информацию и зацепившись за полезную и плодотворную идею, пишет письма, находит упомянутых людей, приглашает сотрудничать, и на заводике закипает новая жизнь над новым узлом или агрегатом, здесь испытывают новую конструкцию, проверяют новую технологию. И вскоре облегчается труд людей, повышается его производительность, и распространяется по стране новый опыт.

Брат на себя и идти до упора – я думаю, эти его качества в значительной степени формируются сознанием, что он инженер, который к своей квалификации относится с не меньшей серьезностью, чем токарь-универсал или бетонщик шестого разряда. Тем более, что дачи у него нет, и личной автомашины, слава богу, тоже. Так что в отношении анонимок по этим позициям он дышит спокойно.

И не только по этим.

Сын, названный, прошу простить, тоже Игорем, окончил геологический факультет Львовского университета и распределился в объединение к отцу. Брат заслал его в самую отдаленную партию, в самую по украинским понятиям глухомань, где и консультацию-то получить не от кого. Чтобы слухов не было? Возможно, и это. Но главное, насколько мне известно, чтобы выплыл сам, без папиной крепкой руки. На второй год участковый геолог стал исполняющим обязанности начальника участка: молодой специалист все-таки, не принято сразу доверить должность, времена не те. Но исполнять-то обязанности все равно надо! Закрутился, как уж на сковородке, сам себе – сам, тренера на бортике не оказалось. Прислал мне в Ханты-Мансийск открытку – поздравление с Днем геолога: «Ну что может пожелать любимый племянник любимому дяде? Или геолог – геологу? Или, скажем, Игорь Зайонц – Игорю Зайонцу?». Я порадовался: излагает четко, голос бодрый! Недавно позвонил из Киева – защитил на Научно-техническом совете объединения на «отлично» первый в своей жизни геологический отчет. На «отлично» у нас в геологии бывает далеко не каждый раз. Так что, правильно плывешь, племяш! Догоняй бату...

...В Ханты-Мансийске мне потрясающе повезло; удивительные, чудные подобрались мальчишки – Сергей Демус, Ваня Смирнов, Коля Коновалов, Виктор Кудрин, Сережа Выдрин. Из харьковского университета, из Свердловского горного, Тюменского индустриального, Томского политехнического – все разных школ, все разные, но команда сбилась отменная. Вопросы четвертичной геологии Западной Сибири вот уже лет тридцать, мягко говоря, оживленно дискутируются, написаны горы статей и монографий, черт ногу сломит: сто ученых – тысяча мнений! Но работать, проводить Государственную геологическую съемку выпало нам. И отвечать за свою работу – нам же! Года два я, признаюсь, натаскивал ребят, но в качестве, так сказать, играющего

тренера. От них я требовал лишь одного – руководствоваться следующими положениями:

«Умные не думают!»

«У мужика должно быть дело!»

«Язык к делу не пришьешь!».

Это они усвоили прочно и, пробираясь сквозь бурные рифы научной периодики, старались держать в голове не те или иные представления ученых собратьев, но вполне осязаемые пески и глины, опоки и песчаники, тектонические изгибы пластов и образованный ими современный рельеф. Науки при этом они отнюдь не чурались, огромными порциями заглатывая труды отечественных и зарубежных ученых, востребуемые на время камеральных сезонов по межбиблиотечному фонду – институтских библиотек у нас под рукой не имелось. На исходе пятого года родную партию мальчики стали величать не иначе, чем Ханты-Мансийским филиалом Академии наук. Наглецы! Лабораторная база, к примеру, у нас, да и в главке, к сожалению, оставляла желать много лучшего. И хотя по сравнению с геологическими отделами АН СССР мы, ворочая миллионами, имели гораздо больше возможностей, постоянно не хватало буровых станков нужных типов, бурильных труб и инструмента, вездеходов и керосина для заправки вертолетов и, как следствие хронического отсутствия жилья, - кадров. Каждому, по нашим подсчетам, приходилось пахать за троих, а то и – за пятерых. Мальчиков и девочек-техников забрасывали в тайгу, едва снег, и возвращались они на базу, когда в палатках по ночам их беспощадно колотил крутой сибирский предзимок, и Обь одевалась заберегами. С завистью и плохо скрытым сарказмом провожали они глазами белоснежный катер Академии наук, в котором вдоль высоких обских обрывов в очередной раз проплывал ученый деятель с двумя хорошо оттренированными стажерами-исследователями – райская жизнь!

...МИ-8 зависает на болоте над жидким настильчиком из бревен. Под свист лопастей в лихорадочном темпе в него забрасывают разобранный на узлы буровой станок, фляги с бензином, мешки с бентонитовой глиной, бочка для приготовления бурового раствора, бурильные штанги, ящики с керном, палатки, спальники, ящики с продуктами, посуда, лопаты, пилы, топоры, вскакивают, запаленно глотая воздух, люди, - взлет! Сорок минут полета, МИ-8 зависает над девственно чистым болотом – все выбрасывают из салона в обратном Порядке и в том же лихорадочном темпе. Оступаясь, проваливаясь по пояс, выносят груз на кромку леса, разбирают лагерь, замешивается глинистый раствор, монтируется буровой станок, заводится двигатель, опускаются штанги, отбирает образцы керна, укладывает, заполняет буровой журнал, поздний ужин, чай, черный провал сна. С первым светом скатывают палатки, разбирают на узлы станок, связывают в пачки штанги, укладывают ящики, МИ-8 зависает над жидким настильчиком, где, спрятав головы под капюшоны энцефалиток, сцепив руки, полулежат на болоте четыре человека, удерживая отрядные ящики и шмотки от рвущего вертолетного вихря. И так каждый день!

За пять лет мальчики закартировали территорию, равную по площади Бельгии, Швейцарии и Нидерландам, вместе взятым. Я перестал их отечески опекать, наблюдая лишь за порядком на магистральных направлениях. Их заносило, у них вызревали безумные гипотезы, не без этого. Но каждый вновь детально расшурфованный участок, каждый новый буровой створ, положенные на миллиметровку и вывешенные на стенке моего кабинета, красноречиво предостерегали их: «Охолонь! Язык к делу не

пришьешь!» В общем, какие никакие, но плечи они накачали и твердо усвоили, что фантазировать прежде дела неприлично. Прислушиваясь, как раскатывается очередная идея, я, не скрою, с радостью отмечал, что они проверяют ее достоинства не красотой логического построения, а лишь соответствием или несоответствием полученным данным. Пролистывая вслед за ними очередную ученую статью в каком-нибудь периодическом журнале, я с наслаждением ловил их возмущенные вопросительные знаки, выразительные подчеркивания и саркастические выкрики на полях: «Ха-ха! Там этого нет!», «Да ну? А как же профиль X-X?» и т.п.

...На всесоюзное совещание в Ленинград приехали с Сергеем Демусом. Междусобойчик обещал быть весьма бурным. Так оно и оказалось: весь первый пленарного заседания слышался, так сказать, стук сабель и звон кольчуг, - полемические крики, не подкрепленные, впрочем, ничем, кроме эмоций и амбиций. Готовясь к завтрашнему докладу, мы с Сергеем в гостиничном номере опростали два тубуса, сортируя и пронумеровывая нашу демонстрационную графику, дабы в суматохе не сбиться со счета. Раскатывая по полу очередной многометровый геологический разрез, мой соавтор, посетивший прошлой зимой по турпутевке славный город Париж, не удержался и восхищенно резюмировал: «Шарман!»

- Не хвались, идучи на рать! - призвал я его к порядку. На следующий день, когда после выступления мы наконец вырвались из объятий единомышленников, Сергей доверительно наклонился ко мне:

- Ну что я говорил? Шарман – он и есть шарман!

Последний полевой сезон был, как и прежние, авральным. Я колесил на астматическом УАЗике по дорожным карьерам, угорело носилась над тайгой «восьмерка», выбрасывая десантные отряды на болота, надрывались буровые станки, - все, как обычно. В августе на подбазу заглянул со своим интересе много поработавший в Западной Сибири доктор геолого-минералогических наук, с которым у нас имелись кое-какие научные разногласия. Наши позиции мы дружески выяснили и вполне единодушно эти разногласия углубили. Ему был любопытно узнать мнение мальчиков, чьими руками непосредственно в поле добывался фактический материал. Тут как раз на денек залетел на подбазу Сереженька Выдрин с отрядом – пополнить иссякшие харчи и заодно отпарить в баньке озверевших от комаров сотрудников. После пара доктор взял Сережу в оборот, прося подтвердить либо опровергнуть его представления конкретными данными полевых наблюдений. Сережа достал карты, аэрофотоснимки, вынул пикетажки. Через час, когда я зашел, разговор велся уже на повышенных, стороны были серьезно разгорячены. Я сел поодаль, чтобы не мешать завязавшейся дискуссии, не без удовольствия слушая, как бесстрашно отбивается Сережа на своих таежных засеках. Над столом взметывались и опадали бумажные листы, исчерченные быстрой докторской рукой, истекал уже третий час, а беседа все продолжала накаляться.

- Ну где? - возвышая голос, настаивал доктор наук. - Укажи, где в моих построениях логическая ошибка?

- При чем тут ошибка? - сдерживаясь, возражал Сережа. - Я вам показываю совершенно конкретный разрез, а вы утверждаете, что его нет.

- Я утверждаю, что ты можешь чуть отойти в сторону и получить совершенно противоположную картину! Вот этот пласт, например, ты никогда не сможешь проследить в глубь водораздела!

Сергея нервно перелистнул пикетажку и молча сунул оппоненту страницу с приклеенной выкопировкой из геологического разреза, где указанный пласт уже был прекраснейшим образом вскрыт буровыми скважинами.

- Сколько до этой скважины? - выкрикнул доктор наук.

- Да всего четыре километра! - крикнул Сережа.

- Всего четыре! - голос доктора был полон ядовитого сарказма. - Да смести ты чуть скважину, и этот твой пласт исчезнет к чертовой матери!

- Знаете, - сказал Сережа, внезапно успокаиваясь, - все, что вы здесь говорите - это ла-ла. Вот здесь, вот в этом месте, вас скважина устроит?

- Вот здесь - другое дело...

- Вы уверены, что мы его не проследим?

- Совершенно уверен!

- Хорошо! Мы заложим здесь скважину, - даже не оглянулся на меня, хорош гусь!

- И если будет, как вы говорите, я оплачиваю ее стоимость.. Но если выйдет по-моему, вы ее оплатите.

- Ну, Сережа, - растерянно отыграл назад доктор наук. - Что это за разговор?

- Это дело, - отрубал Сережа. - Это дело, а то, что вы говорите - это ла-ла.

Говорить можно бесконечно

Он побросал в дерматиновую папку карты, фотоснимки, втиснул в планшетку полевые пикетажи и решительно пошел к двери. Здесь он оглянулся и, как бы беря на себя всю ответственность за характер их беседы, произнес:

- Простите! Может быть, я был излишне резок?

В самый раз, Сережа, дорогой ты мой. В самый раз!

7

Вам приходилось голодать?

Воистину? Без корки хлеба?

И этой самой манны с неба
в буквальном смысле ожидать?

И прятать от людей глаза
под наволочью розовую,
и день за днем с глухой тоскою
смотреть в пустые небеса?

И вдруг...

О сладкое - и вдруг!

Когда измученного слуха
коснется вдруг еще не звук,
но как бы предвкушенье звука.

Еще не свет, но робкий луч,
едва пробивший оболочку,
и вот она в разрыве туч -
к тебе несущаяся точка.

Он в небе крылья распростер,
не толще крылышек стрекозых.

Но все же, слышите, стрекочет
Тот восхитительный мотор.

Но все же, видите, как раз

над озерком, прильнувшем к топям,
Сургутский ас Евгений Степин
бросает «Аннушку» в вираж.
И бешеной водой пыля,
притормозив у кромки зыбкой,
с неотразимою улыбкой
он нам кричит:
«Привет, Земля!»

Сейчас это кажется нереальным: двести верст вверх по Когелю на шестах лишь затем, чтобы сплавиться вниз с работой; или сто верст заледеневшей тундрой, чтобы взять один разрез на Обской Губе. Легонький ЯК-12, который мы с пилотом развернули на руках, чтобы взлететь с узенькой излучины Цильмы, замкнутой отвесными тиманскими известняками... МИ-1, плексиглазовый фонарик, с фантастическим комфортом перенесший тебя к заколдованному озеру в самом сердце Большеземельской тундры. Знаменитая институтская песня – «Помню берег чукотский, бирюзовые льдинки, как стояли у борта самолета ЛИ-2» о временах, когда над тундрой еще парили «Катилины»...

Каждый час такого полета был подарком судьбы. Теперь, когда ты походя ручкаешься со знакомыми летунами в аэропортах Березова, Ташкента, Тюмени и Кзыл-Орды, или встречаешься с ними – случайно? – за кружкой пива в новоарбатских «Жигулях», теперь это кажется нереальным. Ибо от Новой Земли до Кушки, от Чопа до Кунашира геология теперь крепко связана с небом. Еще ты только отбиваешь свой проект от пристальной министерской экспертизы, а вся война, в сущности, ведется из-за этих самых золотых летных часов. Еще не выстрадал и не вымолил пятую из двадцати подписей под проектом и сметой, а твой козырной валет – бывший штурман Алексеевич – уже обхаживает начальников отделов ПАНХ (применение авиации в народном хозяйстве) отдаленных авиаотрядов, отбивая и перехватывая у мелких клиентов солидные договора. Еще ты и шага не сделал по земле, а на камеральных столах уже рассыпаны аэрофотоснимки, на которых она, земля, снята в различных масштабах и спектрах с неба, а нынче и с занебесья - из космоса. И ежели ты вышел из министерской битвы с минимальными потерями, обольстил надменного начальника отдела ПАНХ, получил в срок качественные аэрофотоматериалы, ты сладишь свое земное дело. Поскольку оно сегодня намертво завязано на авиационные лопасти и крылья. И не дай тебе Господи этот узелок случайно ослабить, а тем более неосторожно разрубить. Нет, ты будешь крепить его и подзатягивать, пеленать тонкой и даже грубой лестью молоденьким пилотам, обнимать их могучие плечи, расстилать им чистые простыни и стряпать калорийный харч. Ты будешь писать командирам авиаотрядов восторженные репортажи о героической деятельности летунов, с расчетливой искренностью уповая на благодарную отдачу в следующем сезоне. Тут, правда, важна мера. Один простодушный начальник партии как-то написал столь восторженную благодарность некоему экипажу МИ-4, что командира борта на месте приписки «вздрючили» и немедля прокололи его талон. В то время в Аэрофлоте еще в ходу были талоны. Кстати о МИ-4, который Министерство гражданской авиации решительно вывело из сферы практического применения, что, как мягко посетовал Министр геологии РСФСР товарищ Ровнин, начисто лишило геологов возможности вести в таких-то и таких-то районах необходимые съемочные работы, обходясь сравнительно малыми средствами. Теперь

над полевиками с оглушающим свистом зависают могучие МИ-8 и даже летающие порталные краны МИ-6. Все они турбовинтовые, требуют гигантских заправок и свободы маневра при посадке, все они не выносят поднимаемых лопастями песчаных бурь и не могут закинуть тебя на какую-нибудь речную косу или малую лесную поляну.

А ведь не так уж и давно командир «четверки» Николай Васильевич Бакулин, личный «шеф» некоего африканского президента, как он изволил шутить, изящно наступил двумя передними на крохотную отмель в верховье Назыма, чтобы я смог выбросить лодку и отряд в нужном мне месте. И молоденький бортмеханик, неосторожно прыгнув, оказался по колени в воде и что-то панически кричал под звенящими лопастями своему элегантному и ироничному шефу; который, возможно, вспоминал в это время сахарский самум, или как он однажды высади кабинет министров той африканской страны у верблюжьего колодца, поскольку было за 50° при полнейшем штиле. Ему пришлось вытаскивать их в столицу по одиночке. И позже, в июле, когда у нас на Оби было плюс 35 при таком же безветрии, он поднимал машину с буровыми трубами, а она на уровне деревенских крыш заваливалась хвостом вниз, и уже я что-то панически кричал и скрещивал по самолетному руки, а он все же вырвал ее в небо и ушел с изящным разворотом, и наши девочки восторженно выдохнули.

И уж совсем сравнительно недавно Коля Ситников из Воркутинского авиаотряда пятился в воздухе, заводил хвостовой винт между обгорелых елей, отвоевывая метры для взлета, на манер альпийского слаломиста, и геофизики, битые ребята, прикрывали глаза. Он единственный из всех известных мне командиров МИ-4 останавливал вращение лопастей на болоте, когда «бортач» Жора (житель подмосковной Малаховки) подсовывал под брюхо машины две дистрофичные березки, а буровики сноровисто затаривали в салон станину с редуктором, вес в сборе – 140 килограммов. Между нами говоря, когда ты рвешь жилы, стоя в болотной жиже, а над тобой молотят горизонтальные, а за спиной вертикальные винты, и ты уходишь в болото, и в лицо бьет обжигающий выхлоп... Ну, ясно.

Как вы наверное догадываетесь, обо всем этом мы не пишем в заключающих работу пилота аттестациях. Мы сухо докладываем о высоком профессионализме, четком выполнении полетных заданий, железобетонной летной дисциплине, благодаря которой... и так далее... И на самом-то деле мы любим их вовсе не за лихачество, потому как всем неохота помирать, но исключительно за то, что они предельно серьезно, без дураков, вкалывают, любя свою летную и уважая нашу земную работу. Такие никогда не возят «воздух», залившись по горлышко лишней горючкой. И не раскатывают тонну груза в четыре рейса, лишь бы шел спокойный налет часов. Вот этим определяем мы класс летунов, а дальше уж – всякие байки и романтические легенды о них, звучащие у таежных костров. Не говорю о Полярной авиации. Не привелось мне с ней полетать. Жаль. Но одного из полярников я знал. Отец моей сокурсницы Лины Борисенко временами наведывался в Москву из Амдермы, и я сподобился увидеть на его кителе «Заслуженного летчика»: они с тетей Лизой собирались в театр. Обычно он на наши просьбы рассказать об арктических подвигах – так свежа еще была школьная память о «Двух капитанах» - с чрезвычайно серьезным видом откликался дремучими анекдотами про белых медведей. Когда дядя Женя вышел на пенсию, они переселились в Сочи. Вот там на пляже между Адлером и Хостой он мне кое-что рассказал, по-видимому, под воздействием благодатного субтропического климата. Правда, не про Арктику. А – как он выполнял на самолете Ш-2 полет под мостом в фильме «Валерий Чкалов».

Тетя Лиза тогда ждала Линку – было это, значит, накануне войны – и как жена отважного летчика пробилась в катер начальства. Получив на взлетной добро, дядя Женя вывел «Шаврошку» к мосту и пошел в пролет. Как вы, конечно, знаете, ленинградские мосты разводят для пропуска судов даже с не очень высокой надстройкой. Так вот, подходя к пролету, уже ниже гранитных набережных Невы, дядя Женя почувствовал плотный воздушный поток, сносящий самолет влево, и сразу же понял, что в пролет он не впишется. Взять на себя «ручку» до упора и сделать свечку над мостом он также не успевал, мощности мотора Ш-2 не хватало. Вмазаться в чугунную воду брюхом на глазах начальства и беременной жены, он, по его словам, не имел морального права. И принял единственное (это в доли-то секунды) решение и полностью осуществил его, пройдя под мостом наискосок, как бы боком, и, заложив крутой вираж у левой гранитной стенки, ушел в не чересчур просторное ленинградское небо. На аэродроме выслушал по связи благодарность начальства и настоятельную просьбу режиссера Михаила Калатозова повторить этот цирковой номер для дубля. Дядя Женя попросил десять минут, во время которых отжал исподнее. По своим, как он объяснил, индивидуальным качествам он был полной, противоположностью нашему легендарному соколу. Кроме того, на середине, Невы его ожидала любимая жена с Линей Евгеньевной в близкой перспективе... Подсохнув, дядя Женя снова вышел к мосту и четко его преодолел с поправкой на ветер справа. Однако оказалось, что во время дубля, как это всегда бывает, на несколько секунд ушло солнце.

- И вы полетели в третий раз?

- Если бы! - ответил он мрачно. - А четыре не хочешь?

Я, честно сказать, не хотел бы тогда оказаться даже на мосту. Так что можно, представить фундамент, на каком выстроены легенды о нашей Полярке.

А вот сургутский ас Женя Степин по своим индивидуальным качествам был как раз ближе к Валерию Павловичу. В Нижневартовске был всего один самолет АН-2 в гидрварианте, работал на пожарников. Пожарники и экипаж самолета, частенько использовали для переправы через Обь наш катер, особенно в сильную волну. Сменяющие друг друга экипажи жили, естественно, в доме пожарников, и те, естественно, должны были обеспечивать летчикам солидный харч и полноценный отдых. Неверно понимая эту задачу, пожарники пытались выполнить ее, ежевечерне организуя унылые застолья. Летчик Женя Степин махнул рукой на эти застолья, в результате чего вызвал неодобрение пожарного начальника, и тот в недобрый для себя час, находясь под сильнейшим градусом, попытался принудить пилота войти в компанию. Но Женя Степин из деревни Степина Слободка росту – метр восемьдесят и оснащен пудовыми кулаками, а вместо сердца пламенным мотором, и вот пожарный начальник лишился двух золотых зубов и летного экипажа.

Именно в этот период работавший на нас МИ-4 из Усть-Каменогорска был внезапно отозван на уборку казахстанского хлеба. А в Нижневартовске, где лихорадочно обустроивался великий Самотлор, было, думаю, легче добыть космическую ракету чем вертолет. Расторопный Отец, использовав пожарно-авиационный конфликт, слетал в Сургут и на другой день вернулся с официальным договором. Я прочертил на планшетах новые линии буровых и геофизических профилей, наметил новые пункты посадок с учетом использования водных ресурсов Среднего Приобья... И Женя Степин залетал. Геологи-съемщики на таежных речках к прилету экипажа варили уток и жарили чебаков,

буровики и геофизики подносили клюкву с приозерных болот и предлагали тетерок, фаршированных грибами. Наше лето покатилося, как золотой обруч!

Это оно для нас так покатилося. А Женя Степин из деревни Степина Слободка ежедневно вписывал машину в излучины рек, едва не касаясь крыльями тесных берегов. Падал в крошечные озера, на которых, казалось, не то что самолет, а и лебедь-то не разбежится. И все это с таким неповторимым изяществом, что когда сменялись экипажи, полевики мрачнели и производительность труда в партии заметно падала. И то сказать: кружится новый командир над озером, в которое Женя вчера еще падал по крутой гласседе с естественной отвагой чайки, крутится, множит круги, и видно, как не хочется ему идти на посадку, а тянет его плюнуть на это дело и поскорей уходить к Вартовску, где поплавки чудненько скользят по глубокому и чистому затону.

- Женя, - спросишь, - этот Васин, он что, недавно летает?

- Да нет, мы вместе училище кончали.

- Так что же он?!

Женя обаятельно улыбается, прихлебывая молочко.

- Нет, Женя, серьезно. Может, это ты постоянно рискуешь, когда садишься?

- Рискую? - переспросил он однажды. - Нет, я практически никогда не рискую. Я просто чувствую, когда можно, а когда не можно. Понимаешь, я когда иду, то перед глазами, вроде, такая ниточка: чуть вправо или влево – все! Даже не перед глазами, а как объяснить, внутри что ли, не знаю... В общем, есть такая ниточка.

...Залетели с ним в самый центр Сибирских Увалов. Под плоскостями вилась в высоких берегах узенькая Толька, бронзовели закатные сосновые боры, крутые обрывы падали в коричневатую воду. Черт бы ее побрал! Накануне прошли дожди и валунные перекаты сверху не просматривались. Стали шариться в поисках посадки, и ближайшее приличное озеро нашли в восьмидесяти километрах от реки. Я скис: у меня всего шесть суток, из которых придется теперь потратить минимум четверо на хождение от озера и обратно, так что работать на обрывах времени не останется; дня полтора – все равно что ничего. Снова прошли от озера до Тольки, чтобы я запомнил ориентиры, развернулись у излучины, Женя поднял на меня глаза и вдруг зарулил вдоль русла, закладывая виражи над кронами сосен. Вторым у него летал Иван, недавний еще командир АН-2, переведенный на год во вторые пилоты за то, что зимой допустил аварию при посадке – на незнакомой площадке у нефтяников поймал лыжей корягу, затаившуюся под снегом.

Внизу было плохо. Я стоял в кабине за спинами пилотов и на что-то надеялся, а Женя, по-видимому, советовался со своей «ниточкой». Она наверно, что-то шепнула ему над самой крутой излучиной, потому что молчаливый второй вдруг громко спросил: «Женя, ты куда? Воды же не видно».

- Я отвечаю! - сказал Женя, уходя на разворот.

- Женя, тебе жить надоело? - крикнул второй.

- Я командир! - сказал Женя, входя в вираж.

- Ну и черт с тобой, я пошел в хвост! - заорал Иван, протискиваясь мимо меня в салон.

В «Наставлении по производству полетов в гражданской авиации СССР» есть понятие ВПР – Высота принятия решения: «установленная относительная высота, на которой должен быть начат маневр ухода на второй круг в случаях, если... положение воздушного судна в пространстве относительно заданной траектории полета не

обеспечивает безопасности посадки». Так вот, в этой самой излучине уходу на второй круг препятствовали обрывы и бронзовые сосны. Иными словами, либо решение было принято раньше, либо Степин решил сажать машину безо всякой ВПР.

Иван снова протискался в кабину и сел, демонстративно не касаясь штурвала, когда «Аннушка» уже неслась навстречу коричневатой воде. Мы пролетели по быстрой ее глади, гася скорость вопящим реверсом, затем нас ощутимо бросило вперед, и мы встали намертво. Я даже не ощутил ледяной воды, спрыгнув в Тольку.

Любит Бог смелых! Едва мы с ребятами слезли, Женя чуть-чуть всплыл, легонько подрабатывая двигателем, перевалил пережат, сплавился, осторожненько развернулся и ушел стремительно в свое высокое небо, огибая совершенную по красоте излучину столь же изящно вычерченным виражом. На шестой день он снял нас с озера. Утром седьмого дня мы прощались: сезон был сделан. Плечо к плечу сидели против меня и Ивана бородатый Отец и неотразимый летун из деревни Степина Слободка, разные и похожие, будто кровные братья. Отец, любовно обнимая меньшого, втолковывал ему, как отлично тот сработал и что это значило для партии, стоящей на грани провала плана. Женя лучезарно улыбался.

Потом Женя читал Отцу стихи.

- Командир - заорал я - Не порть образ! Провинциальные стишки и небо – вещи несовместимые!

- Молчи, Земля, - сказал Женя, переворачивая кверху доньшком эмалированную кружку. - От жажды умираю над ручьем.

- Женя, - спросил я его, прощаясь, - чего бы ты сейчас хотел?

- Во Вьетнам. Переучиться, и - во Вьетнам! Как в Испанию тогда.

Ах, Женя, Женя! Где-то ты теперь? Быстро проходят годы, меняются времена и люди, новые машины вспарывают небеса над нефтяной Сибирью, но АН-2, несравненный безотказный АН-2 полощет по-прежнему перкалевые крылышки в сырых облаках над полной Обью. И новые летуны, так сказать, шоферят, соблюдая Режим полета и обеспечивая Безопасность полета в соответствии с «Наставлением», где их работа от взлета до посадки регламентирована на 285 страницах, чтобы не возникла, не дай Бог, Ситуация опасная, чреватая Ситуацией аварийной, а тем паче Ситуацией катастрофической. Ибо последняя – это «особая ситуация, при которой предотвращение гибели людей и (или) потери воздушного судна оказывается практически невероятным» (НПП ГА глава I, стр. 22).

- Толя, - спрашиваю я югорского аса, - чего бы ты хотел? Анатолиев Константинович, бывший пилот-инструктор и командир эскадрильи, ныне командир авиаотряда – тоже метр восемьдесят росту, пудовые кулаки и «пламенный мотор» - вскидывает нетерпеливую руку к высокому небу, по которому катится красное солнышко и вот его монолог:

- Прежде всего, почему мы с тобой здесь сидим? Потому что метеослужба нам не дает погоды, верно? Хотя я им передал фактическую, фактическую превосходную погоду. Нет – запрещаю, сиди! Добре, давайте сидеть. Хотя по фактической погоде здесь я бы уже выполнил всю твою работу и проверил экипаж на посадках в Нумто и в Кызыме, так? Посмотрим шире. Допустим, в Хантах все хорошо, а в Березово или в Кондинске, скажем, на пределе. В Сургуте, допустим, погоды нет, квадрат закрыт. Дадут мне поднять машины? Уверяю, метеослужба не разрешит. Но ведь я же, товарищ, командир! Я знаю – этот пилот имеет все допуски, летает уверенно. Другой еще не имеет. Третий их вообще никогда не получит. Не дано ему. Вот Жене Доможирову, как твоему сургутскому асу,

дано, а ему не дано. Не чувствует он машины. У тебя ведь тоже разные люди, верно? Так дайте мне самому решать, можно или нет посылать машину при этой погоде, кого именно и на какое задание. А сейчас они у меня все, независимо от летной подготовки, сидят и ждут у моря погоды. Правильно это?.. Сейчас для всех один минимум: облачность 150, видимость 3 километра. И метеослужба прогнозирует, уверяю вас, не погоду, а этот наш установленный минимум. Да еще с подстраховкой! Бывает – летишь, ни облачка, видимость сколько глаз берет, а прогноз тот же. Видимость 2-4 километра, облачность 100-200 метров. Цирк!

Чего хочет любой нормальный летчик? Летать! И тебе, естественно, выгодно, когда летчики летают, верно? Зависит метеослужба от нашего полета? Абсолютно не зависит! Им что надо? Главное, что б не было возврата по неверному прогнозу. За это их ругают, премии могут срезать. Конечно, они на полную катушку застрахуются, чтобы не допустить возврата самолета. Но давайте посчитаем, что государству выгоднее, простой всего отряда или один - два возврата? Условия дня вылета: фактическая погода на твоём аэродроме, прогноз по маршруту, фактическая по маршруту, прогноз по пункту посадки, фактическая по пункту посадки, прогноз по запасному аэродрому, фактическая по запасному. Один из этих метеопараметров не подходит – вылета нет. Сейчас, правда, оговорена возможность проверки прогноза по фактической погоде. Но реально это?! Во-первых, у них гора оперативной работы, надо принять сводки по всем портам, какие где фронты, все это быстро обработать, а людей не хватает. Придешь к ним: давайте слетаем, проверим фактическую? Так ведь для этого надо написать рапорт, заверить у командира объединенного, завизировать у главного бухгалтера, взять билет, зарегистрировать, в общем, одного человека нет – все сорвалось. Ну ладно, летим. «Олечка, - спрашиваю, - какая видимость?» - «Километра два-три». «А вот озеро, видишь?» - «Вижу, вижу!». – «Так вот, Олечка, до него 12!» И она не виновата. Это же естественно – нет летного опыта. Так что у нас, да и в других, я знаю, авиаотрядах проверка фактической не ведется. И в результате выявляется неприятный аспект: летчик теряет навык работы в сложных метеоусловиях. Он искусственно изолирован от условий, при которых навык доводится до высокой степени профессионального мастерства! И когда внезапно – ну, ты знаешь нашу погоду – возникает опасная ситуация, когда надо мгновенно принять решение и уверенно его выполнить, пилот может не справиться. Пилот к этой ситуации не приспособлен, поскольку его к ней не допускают в летной практике. Чтобы летали уверенно, необходимо дать возможность летать в разных условиях. Командир экипажа... Это же как звучит – Командир! А реально у него отобрали право на самостоятельное решение. Я считаю, необходимо вернуть ему это право! Что для этого требуется? Четкое уверенное вождение при абсолютной летной дисциплине. Полное доверие командиру экипажа. Мы его проверили и перепроверили, знаем его допуски и летные качества. Так давайте ему, черт возьми, доверять! И, в-третьих, - полная персональная ответственность!..

Знаешь, что мне хочется осуществить? Создать в порядке эксперимента эскадрилью, пусть для начала звено, в котором каждый командир имеет персональное право вылета под свою ответственность. Вроде личного клейма, как на заводе. А дальше, смотри: добился экипаж права на такие полеты, он материально выигрывает – раз! Он морально на высоте – два! И вот молодые пилоты стремятся занять это почетное место. Они начинают совершенствовать свое летное мастерство, чтобы достать этих асов, верно? Они просто обязаны творчески подходить к работе. Дух соревнования заставляет. Чем больше и продуктивнее мы летаем, тем это выгоднее государству!

Значит, необходимо завязать метеослужбу, наземную техническую службу и заправку на наш налет.

Как это в настоящее время называется в промышленности? Именно – бригадный подряд! Знаешь, я в свое время писал в характеристиках: «летает уверенно», «летает уверенно, с наслаждением». Честное слово, так и писал. И я мечтаю о таком звене, в котором пилоты бы не просто летали, а именно с наслаждением. И в свою очередь готов персонально за них отвечать, поскольку уверен в их летных качествах! И доверяю целиком и полностью их чувству ответственности. И вот тогда, черт возьми, для них не будет безразличной вся красота земли, работа на ваших временных площадках, этот простор огромный, эти прекрасные женщины, которые с гордостью будут ждать их на земле! Помнишь, у Экзюпери в «Планете людей»? Что нельзя за все золото мира купить дружбу человека, с которым связан испытаниями?

Помню: «Нельзя купить за деньги это чувство, когда летишь сквозь ночь, в которой горят сто тысяч звезд, и душа ясна, и на краткий срок ты – всемогущ!»

Он вскакивает с земли, тридцатилетний командир летного отряда, и глаза его голубые светятся, как июньское небо, в которое нас не пускает далекая метеослужба.

8

Да! - работа забирает тебя без остатка, ты держишь в уме пройденные километры, сотни разрезов, канав, шурфов, кернов буровых скважин; осенними ночами ты мостишься в выношенном спальнике, сберегая скудное тепло, а спящим глазам продолжает мниться гремящая на перекатах вода и слышно, как бьется о валуны винт. И утром снова километры, канавы и шурфы, костер и закопченные ведра, снова перекаты, срезанные шпонки, срубленные лопасти, и вдруг...

...застаешь себя за сотни, за тысячи километров от гремящей этой реки, не слышишь, что орут тебе в спину, глаза не замечают мелькающих берегов, ознобшее лицо разошлось в улыбке – сейчас ты с другом! Наконец до тебя доходит яростный вопль с кормы, - вот черт, завал перед носом! - а пальцы все еще оглаживают планшетку, где лежит его последнее месячной давности письмо.

Режиссер за звуконепроницаемым стеклом поправил наушники, энергично нам отмахнул и кивнул оператору – «Мотор!». Женя, простите, ныне уже доктор геолого-минералогических наук Евгений Николаевич Коломенский, тронул струны гитары и мягким баритоном запел популярную геологическую песню, постепенно уводя голос за «розовый отблеск огня», так сказать, в нехоженые таежные дебри. Я невольно заслушался. Режиссер возмущенно выставился на меня и беззвучно закричал: «Пошел, пошел!»

«Саня Юдкевич, добрый мой друг, - начал я с каким-то идиотским пафосом, - главный геолог восьмой экспедиции Гидропроекта на Печоре полусутя утверждает, что геология не столько профессия, сколько образ жизни!» Дальше не помню совершенно и даже не представляю сейчас, чем бы это я мог тогда, осчастливить коллег-геологов, потенциальных слушателей радиожурнала, «Изыскатель». Помню лишь, что в конце передачи я крикнул – «До встречи, Саня!», Женечка вновь тронул струны, и над страной поплыла последняя Санина песня, подаренная мне минувшей осенью на Верхней Печоре.

До свиданья, новые друзья,
вас уже томят мечты о доме,

и о тех, которые, грустя,
ждут вас на ночном аэродроме.

И волна тяжелая плеснет,
и сирена прокричит тревогу,
и уйдет последний теплоход,
рассекая лунную дорогу.

Постоим на ветерке ночном
и докурим, молча, сигареты,
и с минуты этой ждать начнем,
ждать начнем мы будущего лета.

Выпито прощальное вино
из эмалированных бокалов -
вы ведь возвратитесь все равно
к тем, кто ждет вас на ночных причалах.

Осенью на Верхней Печоре по ночам тревожно кричат теплоходы, ткнувшиеся кое-как к берегу или бросив якоря там, где настиг их туман. Горят все сигнальные огни, но и в двух метрах они едва различимы. Мы протомились на старом дебаркадере до позднего утра, и, когда я стоял у борта над все еще парящей, безвозвратно убегающей водой, Саня с гитарой поднимался, не оглядываясь, к нашему домику, где полгода мы спали рядышком на деревянных топчанах. И вот один опустел...

В доме звукозаписи на улице Качалова мне вручили стопку писем – откликались слушатели «Изыскателя». Состав их оказался довольно неожиданным. «Дорогая редакция! Мы часто слушаем ваши передачи после трудного рабочего дня. Просим вас прислать текст песни про геологов, исполненной в конце журнала. Геологи-геофизики комплексной геофизической экспедиции, г. Колпашево Томской области». «Дорогая редакция! Пишет вам личный состав части, находящийся далеко от Родины. 28 января в конце передачи была исполнена песня. Хотелось бы, чтобы она была у нас и помогала нам в службе. Если бы вы знали, как много значит в нашей жизни привет от друга...». «Дорогие друзья! Просим прислать слова и ноты песни, прозвучавшей в вашей передаче. Спасибо за афоризм про образ жизни. Геологи-геофизики Ханты-Мансийского геофизического треста». «Уважаемые товарищи! В субботу и 18 час. 55 мин. прозвучала песня, которая меня, как бывшего моряка очень взволновала...» «После вашей передачи мы решили стать геологами, потому что дружба – девиз нашей жизни. Воспитанники Детского дома им. Н.К. Крупской».

- Саня! - спросил я в мае, спрыгнув с теплохода на палубу старого дебаркадера, - ты получил мой привет по всесоюзному радио?

- Да, - ответил он несколько надменно, - только почему это полусху? Я утверждаю это совершенно серьезно!

Справка. Кандидат геолого-минералогических наук, главный геолог с Центральных объектов института Гидропроект. Родом из Кемерово. Окончил Ленинградский горный. Работал на Вилюе, на Печоре, в Салехарде, в Саратове и Городце на Волге, в Индонезии и в Чарджоу, в Латвии и Подмосковье, на Витиме и в Эфиопии. Из

Кемерово выписан. Большую часть жизнь прописку имел временную, квартиры казенные палаточного и барачного типов, мебель – ящики вьючные, лавки, табуреты.

Судьба нас свела так. По заказу Гидропроекта мне поручили провеет геологическую съемку в зоне проектируемого на Печоре гидроузла. Партия у меня была крохотная, деньги почти никакие, даже моторных лодок не дали – крутись сам на месте. На месте как раз располагалась база экспедиции № 8 института Гидропроект. В пустом домике на крутом берегу маялись трое практикантов из МГУ, экспедиционное начальство полностью отсутствовало, и я, не долго думая, оккупировал гидропроектский домик и разбил подле шатровую десятиместную палатку. К вечеру выяснилось, что начальник и главный инженер – мои сокурсники, ребята с бурового факультета из группы РТ-53, и, значит все правильно: их домик – мой, и практиканты их – тоже мои, и, следовательно, - вперед к сияющим вершинам! Мы понеслись вдогонку маю, Печора светлела с каждым днем, да синел на востоке Урал, обласканный белыми ночами.

Надо сказать, что со мною тоже прибыли трое практикантов, зафрахтованные специально в родном МГРИ, но после первых же маршрутов, к моему стыду, стало ясно, что они в отличие от университетцев как-то не шибко стремятся к вершинам. Знаете, из тех мальчиков, которые в московских дворах каждый вечер бряцают на гитарах, используя один и тот же примитивный бой, отчего любая песня становится однообразно-унылой с каким-то приклатненным акцентом.

Это было очень обидно. Я еще не позабыл, как на Крымской учебной практике мы свысока поглядывали на гавриков из МГУ, когда они униженно выпрашивали наши курсовые. Как презрительно поглядывали на машины, уносящие их из степного пекла к ялтинским пляжам. На параллельных маршрутах мы неизменно чуть прибавляли, и они терялись за спинами в клубах известковой пыли, а легкие кеды Анечки Рыжовой, ученицы Михаила Владимировича, прибавляли еще чуть-чуть, и сама собой рвалась наша песня: «Муратов впереди шагает в шляпе белой...». И вечером на волейбольной площадке, когда я отдавал, не глядя, высокий пас, и над сеткою взлетали одновременно Лешка Розанов, Отец и Бомба – Игорек Крылов, пронзая мячами беспомощные руки блокирующих. А гитара Женечки Газильриди! Волшебная его гитара: синкопы Глена Миллера в звездной тишине крымской ночи и полное счастье –«Токката» Баха.

И вот именно такими теперь оказались курсанты из МГУ, а мои гаврики, увы, оказались «более другими». Поэтому в интересах производства я распределил их по гидропроектским буровым на женскую работу – документировать скважины, поскольку экспедиционное начальство задерживалось, и, значит, их буровые заботы стали тоже моими. Само собой получилось так, что к началу июня я вообще перестал разделять свои и гидропроектские заботы, став как бы исполняющим обязанности главного геолога экспедиции, который вместе с моими сокурсниками заседал в институтском стеклянном небоскребе у метро «Сокол». В их отсутствие всевозможные производственные вопросы я разрешал завхозом Гайтотой, из тех степенных пожилых хохлов, справно исполняющих любую работу и с кремневой стойкостью оберегающих любой порученный им пост. Начальников своих Гайтота боготворил.

- Шо я вам скажу, та это, шо вони, несмотря, шо маленьки, таки усе головасты, таки головасты, як твои академики, - естественно, через «э» обратное. - Узять, шо Лев Исидорыч, шо Василий Максимович. Вот он хваткий! Кажеть бурилам, як робить, станок у его аж поеть. А геолог главный, так ще дюже до людей душевный. И шо характерно, не ворують! Ну, не граммулечки не ворують! Гарны хлопчики...

На имя главного геолога я натыкался постоянно, а курсанты меня просто затретиrowали, повторяя на каждом шагу: «А вот Саша..., а Саша бы сейчас...». Постепенно мне стало казаться, что я действительно выступаю в роли исполняющего обязанности человека, который со дня на день ревниво ожидает приезда начальника, одно имя которого – легенда! Мне не терпелось взглянуть наконец на сотоварища моих сокурсников, которых за пять лет я узнал, как облупленных.

Кстати, курсе на третьем мы со Львом Исидоровичем сочинили студенческий спектакль «Тринадцать стульев», в котором Левка сыграл Остапа Бендера, разыскивающего во МГРИ тринадцатый стул с пресловутыми бриллиантами. Великий комбинатор рыскал, как борзая, по аудиториям, коридорам и многочисленным институтским тупичкам, что позволило нам высветить сатирическим лучом имеющиеся отдельные недостатки от плачевного состояния сантехнического оборудования в местах общего пользования до качества лекций. Стула он, конечно же, не нашел, поскольку к нему намертво прирос «прозаседавшийся» член комсомольского комитета, ответственный за культурно-массовую работу. В финале его стремительно увозили в карете скорой помощи к соседям во 2-й медицинский институт, где парни в белых халатах уже монтировали свои искрометные капусташки, из которых выросли знаменитые телепередачи «КВН», «А ну-ка, девушки!» и, полагаю, даже «Что, где, когда?»

Какое было время!

Первые комсомольские рейды по ночным закоулкам Пресни, первые студенческие воскресники в Лужниках и в манеже, первая слава Ии Савиной на сцене студенческого театра на Моховой, уморительные радио заставки между номерами студенческого театра эстрадных миниатюр в Московском энергетическом:

«Внимание! Сегодня Уинстон Черчилль посетил Букенгемский дворец и вручил королеве Великобритании прошение об отставке. Из Пензы передают тоже радостную новость...».

Или – «Сегодня, 1 сентября состоится собрание студентов первого курса на тему – Почему у нас нет дружного коллектива?»

Тесная, битком набитая аудитория в ковбойках, судорожные губы Евтушенко – впервые. Кроткая ясноглазая девушка с золотистой косою вокруг головы – Белла Акмадулина – впервые. Иван Сухов и Герберт Циндлер из ГДР, чудом не убившие друг друга в бою под Прохоровкой, в одной группе гидрогеологического факультета МГРИ, за одним лабораторным столом – впервые. Осиянный лоб, жестко прищуренные глаза, хриплый голос Бориса Слуцкого – «Плыл по океану рыжий остров...» - впервые. Ошеломленная толпа в Выставочном зале на Кузнецком – Илья Глазунов – впервые. Ликующий зрительный зал, гневно артикулирующий Маяковский на огромном заднике сцены – «Баня» в театре у Плучека – впервые. Литературные вечера на факультете журналистики: отчаянные блоковские глаза Юры Апенченко, застенчивая улыбка незабвенного Сережи Дрофенко, пронзительные стихи Толи Горюшкина, яростная корчагинская прядь над высоким лбом – Игорь Дедков – впервые. Все – впервые. Как бы рождающееся заново из кургузых пиджачков, тесных коммуналок, полуголодных студенческих общаг, нищих разоренных деревень – горестных руин победоносной Родины...

Саня, наш годок, носил на голове до 41-го ту же испанку, и военная горбушка его детства так же колола горло мякиной, и бродил он, так же как и мы, «покопышком»,

выскребая из заледеневших борозд на колхозных полях послашенную зазимком картошку, и те же были у него походы «по колоскам» на сжатых нивах, и горстки собранного им зерна сливались с нашими в солдатских и ленинградских пайках. Словом, жили – и перемогались мы в общем равно, а параллельные, ежели их достаточно долго продолжать в пространстве, как известно, пересекаются непременно.

...вернулся из Печоры с полной планшеткой шоколадных конфет – мальчиков моих по детским привычкам все еще тянуло на сладкое. Только-только скрылось солнце за Войской грядой, ночь была тиха и прозрачна, и вызывающе разносились окрест нашего домика неурочные крики, песни и звон гитар. Я понял, что Он наконец-то прибыл. Студенты приняли меня в дверях яростными воплями.

- Ну, - свирепо спросил я, - где этот ваш хваленый Саша? Они раздались в стороны, оставив посредине главного геолога – довольно лохматый черный парень в тренировочном костюме, сбит плотно, но пластичен, даже спортсменист, пожалуй, даже профессионал. Главный геолог указательным пальцем поправил на переносице очки – как часто я буду вспоминать этот жест! – и произнес протяжно, как бы чуть смущаясь:

- Вот он – я.

Плотно, как влитые, вошли ладонь в ладонь, крепко, но без вызова. Я чуть поднажал – его пальцы помыслили немного и слегка дрогнули в ответ, мол, это еще зачем? Мы рассмеялись дружно и протиснулись вдоль лавки в красный угол, где уже висел новый транспарант: «У НАС НЕ СООБРАЖАЮТ!».

Мои гаврики, остервенело бряцая на двух кифарах, с надрывом тянули:

«Гонит черные тучи, завывает пурга,
на базальтовых кручах замерзает тайга,
затерялись кочевья у неназванных рек,
на сто тысяч деревьев я – один человек.

На высоких широтах плачу я и пою...»

Саня взирал на них с состраданием. Много позже выяснилось, что эту песню сочинил он на Вилюе, так сказать, на заре туманной юности, когда на пятидесятиградусном зное студенческая романтика обламывала заледенелые крылья о заструги бесконечной ночи. С той поры, видимо, он много чего повидал и к словам стал относиться строго, Я этого еще не знал и, отобрав у гавриков гитару, изложил вслух победоносно ходившую тогда по Москве песню «Люди идут по свету»:

«..но в чутких просторных залах,
где шум суеты затих,
страдают в бродячих душах
бетховенские сонаты,
и светлые песни Грига
переполняют их.

- пел я с большим и искренним, по-моему, чувством, -

...счастлив, кому знакомо

щемящее чувство дороги,
ветер рвет горизонты
и раздувает рассвет!»

Саня мягко отобрал у меня инструмент, минуту другую примеряя к струнам новую для себя мелодию, затем направил на меня очки и провел первый урок ликбеза:

Люди пропели фугу,
от фуги осталась фи́га.
«Пожалуйста, извините», - с усмешкой они говорят.
Но каждый бродяга лично знает Эдварда Грига,
и Людвиг ван Бетховен – нам самый первый брат.

Я сомлел от стыда и восторга. Но не угомонился. Следующей весной я привез ему новую песню Визбора «На плато Росвумчор»:

«...курит главный механик московский «Дукат»,
привезенный сюда сквозь ужасный циклон
в двух карманах московского рюкзака.

- пел я с мужественным визборовским напором, -

нас идет, восемнадцать здоровых мужчин,
забинтованных снегом, потертых судьбой,
восемнадцать мужчин, восемнадцать кручин,
восемнадцать надежд на рассвет золотой.

Саня мягко отобрал у меня инструмент, минуту-другую помудрствовал и изрек:

Нас сидит, восемнадцать здоровых мужчин,
наши брюки порядком истерты судьбой,
восемнадцать мужчин, восемнадцать причин,
среди них уважительной нет ни одной.
Сел наш главный бухгалтер с размаха на пол
и чего-то прочел, в однотомнике По,
он чего-то прочел, прокричал "Never more"
и унес его черт на плато Росвумчор.

Я утерся, но, честно признаюсь, все еще не угомонился.

Ибо к следующей встрече я припас очередное, не помню, уж чье, сочинение о том, как на путях жизни мы теряем и находим «легкость серны», дедовские традиции, верных друзей, а также наши волосы, как льняные, так и русые. Саня мягко отобрал у меня инструмент, минуту-другую внимательно меня рассматривал и затем с укоризною спел:

Во саду ли, в огороде,
за овином, за сараем
мы теряем и находим,

мы находим и теряем.
Мы нашли, к примеру, сливу,
потеряли мы корову.
Мы от первого счастливы
и несчастны от второго.

Да! К словам он был строг, но справедлив.

...раннее воскресное утро после позднего ночного застолья главный геолог ознаменовал энергичными ударами по сковородке, и, когда мы зашевелились под марлевыми пологами, зачитал свой первый приказ:

Подымайтесь, вашу мать,
утро-то какое!
Будем меры принимать
против перепоя.

Никакого особенного перепоя в коллективе не наблюдалось, однако, возможно, для того, чтобы отбить охоту к ночным игрищам, за дружным завтраком он предложил нам весьма насыщенную программу, включавшую мини-футбол, сеансы одновременной игры в шахматы, преферанс и нарды, бег в болотных сапогах на скорость, интеллектуальную разминку «От Сумарокова до Смирнова», а также выборы редколлегии для оперативного выпуска специального бюллетеня с наиболее яркими перлами из полевых геологических книжек. Там оказались, например, такого рода наблюдения: «В крутом обрыве можно отчетливо видеть о том, что данное геологическое тело прекрасно обнажается прямо у р. Печора». Каково ню?

За ужином главный геолог предложил нам, усталым, но довольным, составить график дежурств по кухне, поскольку ни в моей партии, ни в его экспедиции штатных поваров, увы, не числилось. Каждой паре дежурных вменялось, в обязанность вставать до света, дабы «кушать подано!» предлагалось массам к семи ноль-ноль неукоснительно. При этом каждая кухонная двойка обязывалась придумать свой собственной позывной сигнал побудки, лучший из которых коллектив должен был оценить прямым и открытым голосованием. По утрам я немедленно приобрел в Войском сельмаге детскую деревянную дудку, жуткий клич которой сам не мог слышать без мучительного содрогания. Недалеко от меня ушли и курсанты, изгилаясь над спящими так, будто каждый из нас являлся их смертельным врагом. Главным геологом побудка осуществлялась так. Тебя мягко и дружески тормошила ласковая рука, ты разнимал сонные веки и видел перед собою аккуратный листок с призывом: «Дорогой друг! Мне больно будить тебя, но завтрак шибко стынет. Спеши!». Или – «Прошу пардону, граф. Миль, значит, пардон. Как там у вас сегодня с великими делами?» И так – каждому из нас персонально, ни разу не повторившись.

Возникший в коллективе микроклимат всемерно содействовал... Рабочие дни, растянутые благословенными белыми ночами, странно уплотнялись. Ревели, звенели, гудели и квакали сигналы утренних побудок. Курсанты бросались в маршруты, как в штыковую атаку. Мы рыскали по Войской гряде, куда должно было примкнуть левое плечо будущей плотины, поочередно втискиваясь в карстовые щели и полости, картируя круто надвинутые друг на друга пласты известняков. Опасные зоны зондировали

геофизики. Кучно выстреливал скважинами главный геолог. И с каждым днем все яснее, четче, все элегантнее вырисовывался на миллиметровке створ проектируемой Войской ГЭС, не первой в его жизни и далеко не последней.

Все шло хорошо, и труд был сладок, только, что греха таить, жаль было Печору, редкую, удивительного целомудрия реку, напоенную прозрачными родниками Урало-Тиманского стыка, древнюю отчину красной семги, отважно летящей в кипящей воде по стрежню к брачным ямам Шугора, Подчерья и Илыча. Чистая река доверчивого края...

...вконец изголодавшие выплыли наконец на большую печорскую воду и пристали у первой же деревушки. Продавщица в сером самотканном сарафане, не старая еще женщина, участливо выложила на прилавок хлеб, крупу, консервные банки, чай, сахар. Денег у нас не было, я совал ей в залог ружье, палатку, паспорт, наконец.

- Да ну тебя, - конфузилась продавщица, - пришлешь, небось! Почты нет, ли чо? Лонись у нас эдак-то тож экспедиции стояла, да нешто меня омманул кто?

Через две недели, едва получив на базе деньги, мы кинулись всем отрядом на почту отсылать перевод Матрене Лосевой. Среди печорских коми Лосевы на слуху, как у нас Ивановы.

...уму было понятно все, что втолковывал нам начальник геологического отдела Гидропроекта Владимир Евгеньевич Сатин, приехавший посмотреть Санины материалы: обсыхает Каспий, Волга истощена, горит в страшных засухах Саратовское Поволжье, Дон задыхается от жажды. А сладкая печорская вода уходит тем временем безо всякой пользы, наращивая ледовый панцирь Северного Ледовитого. Следовательно, создаем каскад водохранилищ и дальше каналом – в Каму затем естественным ходом в Волгу, которая как известно, впадает в...? Правильно, в Каспийское море!

Владимир Евгеньевич вставлял сигарету в тонкий китайский мундштук, курсанты разгорались от видений глобальной природной перестройки, да и сам я... Может быть, это я сейчас так думаю, что мне тогда уже было жаль Печору? Очень может быть, ведь так хочется в молодости подвести плечо под нечто такое, грандиозное! Лишь Саня помалкивал, поправляя указательным пальцем на переносице очки. Материалы его шеф досконально изучил и вполне одобрил, как, впрочем, и царивший в домике шальной дух вольницы, наши жуткие «тихие игры», бряцание на гитарах и сатанинские голоса утренних побудок. Владимир Евгеньевич легко и, я бы сказал, органично вписался в коллектив, охотно принимая участие в игре «гоп-доп», когда шесть ладоней лупят что есть силы по столешнице и следует угадать, под которой из них припечатан пятак. Оттого и прощанье вышло теплым и озорным, со спичками, здравицами и шаржами на высокое начальство. Под занавес Саня нас утихомирил и спел «Величальную»:

Товарищ Сатин, вы - большой ученый,
и в изысканьях знаете вы толк.
А я простой советский подчиненный,
и мой товарищ – серый брянский волк.
Меня, как волка, тоже кормят ноги.
Но волку что? Ведь он – на четырех!
Ему плевать на то, что нет дороги,
и что Гайтота не дает сапог.

Зачем я здесь, не ясно прокурору,
Чистосердечно признаюсь ему:
я должен повернуть на юг Печору,
хотя мне это вовсе ни к чему,

ну и т.п., из чего следует, что экологические последствия глобальных природных перестроек волновали автора задолго до нашего нынешнего похмелья на пирах великих строек...

...Гидропроект – солидная фирма. Вход строго по пропускам. Скоростные лифты, изящные сотрудницы с деловыми рулонами ватмана на фоне сияющих стекол. Курсанты из МГУ жались на лестничной клетке, благоговейно поглядывая на бородатых изыскателей, которые в табачном дыму оживленно обсуждали последние спортивные новости. Наконец Владимир Евгеньевич к ним вышел и, изящно поводя сигаретой в тонком китайском мундштуке, лично вручил каждому производственные характеристики. Рухнув на скоростном лифте с вершины небоскреба в холл, размером с небольшое футбольное поле, курсанты приникли к зеркальному стеклу и, торопясь, развернули свои аттестационные листы:

«Филькин. Николай. В текущем полевом сезоне, если так можно выразиться, работал. И достаточно проявил. Жрать здоров. К водке слаб. Упорен. В игре потеет. К тому же – рыжий. Некоторую пользу может принести на месте левого полусреднего».

Ошеломленные курсанты стояли в полной прострации. Последние печорские приветы главного геолога как-то трудно соединялись в их сознании с профессионально отпечатанными текстами, настоящими печатями и высокими подписями. Затем они опаматовались, и громовой их хохот одолел-таки авторитет алюминия, стекла и бетона.

Надо ли пояснять, что официальные характеристики, отосланные по почте, в это время уже лежали в ректорате.

Справка. Филькин Николай Александрович, кандидат геолого-минералогических наук. Заведующий кафедрой инженерной геологии и механики грунтов Всесоюзного заочного инженерно-строительного института.

Как выражаются нынешние студенты – «Не хило!».

Меня первая Санина весточка настигла в феврале. В камералке на своем столе после двухдневных трудов на плодоовощной базе я обнаружил срочную телеграмму. Ввиду срочности, телеграмма естественно была распечатана и прочитана всем составом экспедиции: «Имея сумрачность души через бесчисленные драмы посообщать я решил тобой посредством телеграммы»...

Та давняя «молния» легла краеугольным камнем в его эпистолярное наследие, этот, к сожалению, угасающий жанр душевного общения. Надобно, правда, признаться, что чаще всего он был лапидарен. И если краткость действительно, сестра таланта, Саня гениален. Например, к Новому году он прислал мне как-то из Нарьян-Мара открытку, на которой была изображена грустная такая елочка, украшенная зачехленной гитарой. Из друзей дорогих Саню обошел лишь Юрий Сергеевич Апенченко, приславший абсолютно пустой конверт. Правда, с таким вот штемпелем: СССР, Северный полюс-21.

Санينو письмо с несколько менее экзотическим штемпелем города Коломбо начиналось словами «Поездом из Усть-Кулома в Джакарту».

« Представь мое изумление, - писал он далее, - когда первый, кого я увидел, сойдя с трапа, был Лев Исидорович. Только зачем-то в золотых позументах, аксельбантах, нашивках и галунах. Меня уверили, что эта – полицейский. Вообще, должен сказать, что аэропорт города Коломбо очень похож на аэропорт города Печора. Если у нас вырвать все сосны и навтыкать пальмы, и раздеть печорцев до нательного белья – это будет аэропорт города Коломбо»...

Или из Джакарты: «Вдоль Джакарты протекает канал, а у канала в одиночку и живописными группами расположились индонезийцы и господа китайские куп-цы, прижимающие к толстым грудям свои черные шапочки, когда ты проходишь мимо, бритые их головы блестят, напоминая блеск фонарей в фарватере большой реки».

Благодаря таким вот, весьма нерегулярным сообщениям, я всегда довольно четко представлял Санины перемещения, как в пространстве, так и во времени. Из кратких, реже пространных эпистол я также узнавал, что у него внезапно проявились рабоче-аристократические наклонности, и теперь в новой временной избе на каждом новом кочевье он самолично строит камин, отличающиеся красотой кладки и высокими дымоходными качествами. Кроме того он приобрел ведерный самовар, и отныне общие производственные собрания проводятся непременно за чаем подле уютно гудящего камин. Поскольку это – отменно заваренные чаи, а не какая-то там местных разливов водка, на собраниях с од-ной стороны исключается всякая групповщина, а с другой – царит дух взаимопони-мания и добрососедства. Все это, по его мнению, значительно расширяет воз-можности демократического централизма и многократно усиливает творческую инициативу масс, как бы возвращая коллектив во времена маевки и рабочих сходов.

Мне иногда казалось, что Саня генерирует некое поле высоких общественных принципов человеческого общения. Попадающие в него люди незаметно для себя как бы претерпевали некоторые мутационные изменения: оставаться в его присутствии рвачом или хамом, нести похабщину или срамно отзываться о женщине, наконец, просто скверно работать было просто невозможно. Я часто замечал: если в случайном разговоре всплывало Санино имя, на лицах знавший его людей появлялась какая-то отстраненная улыбка, будто человек в эту минуту вдруг вспомнил что-то из далекого милого детства.

Скитаясь по отдаленным и глухим местам державы, Саня никогда не обременял друзей какими-либо, вполне по-человечески понятными, хозяйственными или меркантильными просьбами, что я лично объясняю его крайне болезненной реакцией на махровый принцип «ты мне - я тебе». Лишь однажды он прислал мне в Монголию письмо с просьбой купить его дочери очки, приложив подборку гневных очерков из Литературной газеты, посвященных очковому дефициту. Просьбу свою Саня мотивировал так:

«...но, говорят, оправы
лежат в твоей стране.
Очки горой лежат,
да это и не странно,
ведь зорче, чем орланы,
аратка и арат.
Не за себя, поверь,
себя надеждой льщу я,
но только за слепую,

родную нашу дочь».

В Гоби-Алтайском аймаке очки почему-то горою не лежали, Санино письмо я переадресовал Виталию Моеву в Прагу, так что в результате объединенным усилием стран-членов СЭВ проблема была разрешена. К тому времени мои друзьям дорогие уже пели Санины песни, пестовали его байки, и на их лицах также возникали отстраненные улыбки при упоминании его имени.

Пока он трудился на Оби и Печоре, мы все же регулярно виделись, либо в поле, либо во время его стремительных и кратких наездов. Даже Индонезия разлучила нас не более чем на два полевых сезона. Но когда Саня получил новое назначение и занялся проблемой обеспечения чистой волжской водой нашей родной столицы, когда, повторяю, он наконец-то очутился под самым боком, в районе Рузы, интервалы между нашими встречами как-то необъяснимо стали растягиваться до неприличия. Полагаю, что тут сказалась застарелая столичная привычка, сродни сознанию, что «Вахтангов» или «Третьяковка» - здесь вот, рядышком, и ты, следовательно, в любой момент можешь их посетить, то есть как бы даже и посетил, хотя на самом деле не разу не выбрался в Центр твоего детства и отрочества из запредельного Орехова-Борисова.

Итак, я пребывал в подобном столичном самосознании, и Санино письмо накрыло меня, как минометный залп:

Я землепашец. Лев Толстой.
Сапожник, Лапотник. Крестьянин.
В деревне мирной и простой
пашу на ниве изысканий.

Мне фай родимый всем потрафил:
деревья, ягоды, грибы.
Житье не хуже, чем у графа,
и даже лучше, может быть.

Но вам, надменным урбанистам,
не мил простой крестьянский быт.
Поэтому я вами быстро
и окончательно забыт.

Иссяк друзей могучий гейзер,
на мне забвения печать:
не ездит даже Гольденвейзер
на фортепьянах побренчать.

Но колокольчик тройки друга
меня преследует везде,
и горько мне ходить за плугом
по одинокой борозде.

Так что же! Повинуясь зову,
я, презирая автобус,

уйду на станцию Тучково.
Пешком. И больше не вернусь.

Через два часа мы с Виталием уже подъезжали к Рузе: все же великая движущая сила – стыд! Для визита мы выбрали вьюжную февральскую ночь, дорогу переметала яростная поземка, и, окунувшись в нее, Вит каким-то чудом вырвал из белой тьмы попутный «газик». Сдается, что именно тогда, его осенил афоризм «Дайте мне точку опоры, и вы у меня повертитесь!», вошедший в анналы 16-й страницы «Литературки» под ассоциативной с этой ночью подписью – Вит Воев. Еще через час с лишним «газик» умчался, оставив нас на раскатанной переметенной дороге среди дымящихся сугробов.

В чистом поле в одном из барачков путеводно теплилось Санино оконце...

...так всю жизнь. Ты в Москве – Учитель в Мурманске. Ты в Ханты-Мансийске – Саня в Эфиопии. Ты в тундре на мысе Сале-мал, друг на семинаре у Будкера в Академгородке. Ты в Цогт-сомоне у южных монгольских пределов, он в Праге, Берлине, Рангуне. Листаешь в Воркуте журнал – Бронислав Холопов проводит «круглый стол» в Нуреке. Раскрываешь «Литгазету» - Моев пропагандирует Щекинский метод. Врубаешь транзистор – Лев Лещенко поет песню Толи Горюшкина «Синие дожди». Тебе сбрасывают с АН-2 хлеб и двухнедельный комплект «Правды» - «Специальный корреспондент Юрий Апенченко передает с космодрома Байконур»...

Я улетел в Нижневартовск, Юра в Петропавловск-на-Камчатке и дальше за горизонт, куда идут с дозаправкой в воздухе. Через месяц я телеграфировал в редакцию: «Друг дорогой скучаю без тем более чем дальше в лес». Его ответ мне продиктовали по связи: «Друг дорогой вернулся из чем выше вверх тем ниже вниз».

Выйдя из маршрута, я прочел в «Правде» его дальневосточную статью о необъятности нашей Родины и о том, как прочно при этом связывают нас всех незримые ее нити, даже за дальними ее пределами, когда, сорвавшись с палубы чужого авианосца, к тебе хищно пристраиваются «фантомы». «И хоть друг дорогой далеко, - писал он, - ты знаешь, что в любую минуту можешь увидаться с ним, потратив лишь какое-то время на самолет, катер или собачью упряжку».

В тот сезон Обь захлестнул небывалый паводок: по воде плыли сорванные плоты, избы, лодки, россыпью – недобранные за зиму поленницы дров. Используя большую воду, я ушел на барже вверх по глухой реке, оставив в Нижневартовском аэропорту лишь одного техника-диспетчера выбивать по оговоренным дням вертолет. Вертолет пришел за мной через неделю с полной заправкой и дополнительным баком на борту – предстоял долгий аэровизуальный облет территории. Мы расчертили со вторым пилотом маршрут и начали барражировать по линиям проектных профилей с юга на север от Оби до склона Сибирских увалов. Экипаж – молодые веселые ребята из Усть-Каменогорска – дело знал, курс выдерживался строго с нужной скоростью и на требуемой для наблюдений высоте. Летунам на «махалках», знаете, не зря платят приличные деньги: на исходе третьего часа ты начинаешь плохо соображать, еще хуже слышать, и от постоянной вибрации в тебе все дрожит мелким бесом. Наскучив однообразной и легкой работой, ребята принялись меня подначивать, что, мол, ты там выглядываешь, и чего-де тут вообще можно увидеть – наша загадочная Западная Сибирь представлялась им сплошным однообразным болотом. Я отшучивался, не переставая проставлять на карте условные значки, фиксируя геологические границы, места будущих посадок буровых и съемочных отрядов, где вскоре летунам станет не до

смеха, поскольку каждая посадка на режиме висения потребует от них действительного мастерства и мужества. А пока парня отдыхали и веселились.

Далеко за спиной остались Самотлор, запитый водой Нижневартовск, впереди синел древний еловый увал Аганского материка, а снизу, оторвавшись от скудной прошлогодней клюквы и задирая на бегу морду, с ненавистью оглядывался на нас огромный матерый медведь. Командир азартно вскрикнул и кинул машину вниз, подравнивая скорость под непостижимые гигантские махи обезумевшего зверя, и, конечно же, легко его настигая. Борт завис, буквально втопив медведя в болото своим свистящим ревом. И вдруг он вскинулся на дыбки и стремительно прынул вверх, метаясь достать колесо страшной своей сокрушительной лапой. Вертолет взвился, как ужаленный. Второй пилот смотрел на побледневшего командира, на изумленном лице его еще дрожала, как приклеенная, бездумная детская улыбка. Командир гнал борт к югу, не слыша, как его настойчиво зовет Нижневартовск. Опамятовшись, он прижал к горлу ларингофоны, дал координаты, курс, время посадки и поднял на меня глаза:

- Слушай, там тебя какой-то корреспондент добивается...

Лопасты еще вращались, когда я ворвался в штурманскую. Летуны мне сказали, что действительно был корреспондент, не дождался и уехал, а диспетчер ловит меня на «десятке» - базовых площадках нефтяников. Мы подсели к ним, не выключая лопастей, мой диспетчер всунул в дверь, передал записку и прокричал в ухо, что корреспондент отплыл на «Ракете» в Покур. Я развернул аккуратно сложенный вдвое листок: «Юрий Сергеевич Апенченко». И все. Ринулись в Покур, благо было по курсу. «Ракета» давно ушла вниз, на пристани пусто, речники ничего не знали, никого не видели.

Мы летели над безлюдным, залитым всклянь сором, к далекому устью глухой и безлюдной речки, куда не летали рейсовые самолеты, не ходили катера, и уж, конечно, не гонялись по этому времени года собачьи упряжки. Показалась наконец буровая, ткнувшаяся в берег баржа, палатки, дым костра. Мы подсели, я спрыгнул на землю, торопливо взмыл вертолет, уже перелетавший свою дневную норму. Разомкнулись стоящие стенкою буровики и съемщики – на пеньке сидел специальный корреспондент «Правды».

- Ну, ты и забираешься, дружок, - строго сказал он. - Что за дела?!

О чем говорят и чего поделывают друзья дорогие не видевшиеся три месяца, когда один из них сходил в не простой, скажем так, полет над Тихим океаном и, слава богу, благополучно вернулся на державную землю?

Поделывали мы вот что. В скважине намертво прихватило сто с лишком метров буровых труб, которых у нас было в обрез. К моему прилету буровики чуть не сожгли лебедку и поставили, от греха подальше, шестидесятитонный домкрат. Это такая железная чушка, в специальные дырки которой вставляют стальные ломы, наращивают их патрубками (увеличивается длина рычага), и восемь человек начинают раскручивать это сооружение против часовой стрелки. Ноги изо всех сил упираются в землю, спины выгнуты луками, чудовищная сила разворачивает вас вспять, но едва заметно, буквально по миллиметру буровая колонна лезет вверх. И вот так час за часом, час за часом...

Когда мы с Юрой оторвались от лома, было уже как-то не до разговоров. На другой день я отвез его на шлюпке в Покур, и он уплыл дальше на восток в Стрежевое, замыкая пятисоткилометровый «крючок», о чем он чуть позже напишет большую статью, в которой покажет, какими издержками чреват ослепляющий нас пока нефтяной

бум, и, к слову, мимоходом врежет и мне за «деловые игры» начальника геологической партии.

Второй раз он посетил меня в Приаралье. Крюк здесь, если считать от Космодрома по прямой, был значительно меньше, и физическая его сила на этот раз, к счастью, не понадобилась.

О том, каково Приаралье зимою, жестко рассказал Чингиз Айтматов в «Буранном полустанке». Летом оно тоже, признаться, прожигает тебя до костей, и нормальному человеку как-то сподручнее никуда не дергаться, а пересидеть в номере с кондиционером или, на худой конец, с холодильником пару деньков, выпавших тебе из-за отложенного запуска ракеты. Но колокольчик тройки друга...

Вслед за Юрой, совсем уж неожиданно, нагрянул приехавший в месячный отпуск из Алжира Отец. Мы не виделись два года, и эти два года он безвылазно просидел в Сахаре.

Когда я вернулся в Москву, каждый второй в камералке останавливал меня одним и тем же вопросом: «Это верно, что Кулагин провел у тебя отпуск?». «Да, да, черт возьми! - отвечал я, начиная злиться. - Вы что, не слышали, что он подхватил жуткую африканскую болезнь? Теперь до конца жизни он обречен жить в пустынях!»...

Так всю жизнь. Ты в Кампыр-Равате – дружок на СП-21. Ты на Полярный Урал – Бронник Холопов вверх по Вахшу. Ты в Кызыл-Орде, Отец в Бишаре. Ты в Монголии – Саня на Витиме...

Я провожал его на Витим. И это было грустно. Они только-только обрели кров – двухкомнатную квартиру в Дедовске, сорок минут до Гидропроекта. Купили новую мебель. Выписали из Кемерово дочку, определили в школу. Галя отписала своим на Кубань, что наконец-то и она стала хозяйкой, глаза ее по-девичьи озарились. Только начали жить...

...в просторном зале Аэровокзала она стояла, как в лесу. По лицу тихо скатывались слезы. Татьяна, вновь становящаяся бесхозной, разрывалась между мамой и папой, который напряженно шутил, что место, куда они едут изыскивать плотину называется Многообещающая Коса и, судя по такому названию, их там ожидает... Тут он прижух, потому как все мы, включая и юную Татьяну, вполне представляли, что их там на первых порах ожидает. Мне не нравилось Галино состояние. Мне не нравился необычный, натужный Санин юмор. Мне не нравилось, что Татьяна опять будет приезжать к ним только на время школьных каникул. Я прекрасно знал, что не дожусь от Сани ни слова, пока он не доведет вверенную ему работу до высоких кондиций делового яркого праздника, а на это потребно время, собранная в горсть воля, постоянный, огромный труд души, о чем не догадываются даже близко знающие его люди.

Мне было беспокойно, и я договорился с Татьяной, что в случае молчания ее родителей, обращусь во время зимних каникул непосредственно к ней за необходимой информацией и заодно выскажу все, что думаю о их поведении. Не получив за полгода ни одной весточки, я так и сделал. Татьяна отозвалась мгновенно: «Дядя Игорь! В народе есть поговорка, не исключено, что даже пословица «На воре шапка горит». Вы ведь, насколько я помню, не хромой, могли бы сами написать. У нас здесь от минус сорока до минус гораздо больше. Папа все пропадает на работе, дядя-завхоз все что-то ворует, мама плачет, камин по ночам все гудит. А вчера один уголовник зарезал другого ножиком в сердце. Да, папа просит сказать, что, может быть, когда-нибудь скоро приедет в Москву, потому что он в суматохе забыл самовар. Таня».

К письму была приложена газетная вырезка из «Правды» - «Энергия» - БАМу».

«Здесь будет сооружена Мокская ГЭС!» - плакат с такой надписью появился на берегу таежной сибирской реки. Его установили изыскатели Ангарской экспедиции П. Сизых, А. Юдкевич и А. Самолыга, которые первыми высадились на Многообещающей косе в верховьях Витима. Сейчас по ледяной дороге сюда спешат машины с оборудованием и грузами из Усть-Муи, которая превратилась в перевалочную базу изыскателей.

Нелегко добраться до этого места: через Читу и Богдарин – на Усть-Мую, дальше дороги нет. Пока нет, но именно здесь – на стыке Иркутской, Читинской областей и Бурятской АССР решено соорудить Мокскую ГЭС, которая даст дешевую энергию БАМу г. Иркутск».

Прочитав, что Саня обеспокоен отсутствием самовара, я успокоился: дело, видимо, приближалось к рабочим маевкам. Вскоре я уехал в Монголию и закрутился сам. Ко дню моего рождения с Многообещающей косы пришло поздравительное письмо. В конверте лежала фотография – Саня на вздыбленном «Прогрессе» несется по стремительному Витиму вдоль отвесной скалы, правого, надо понимать, примыкания проектируемой плотины. На обороте было написано: «От братского бурятского народа в моем лице – братскому монгольскому народу в твоём лице. Напиши мне что-нибудь по-монгольски».

Я бросился к пишущей машинке и застучал, как дятел. В залихватских стихах я просил простить меня за молчание, не презирать шибко и руководствоваться и далее древней латинской поговоркой, возможно, даже пословицей *Per aspera ad astza*, что примерно соответствует нашему «Сквозь кусты и – в дамки».

«...чем дальше я, тем мне дороже ты», - писал я, не слишком удаляясь от истины,

«Чем дальше ты, тем больше я тоскую,
и здесь, на пограничной полосе,
ловлю твой зыбкий лик в пустынях Акатуя,
на Многообещающей косе.

Твой маленький портрет я вставил в раму
И, прижимая карточку к губам,
шепчу ночами: «Друг! Побольше БАМу!
Давай обставим ихних Алабам!», ну и т.п.

На этот раз Саня откликнулся шустро:

«Мой друг, любезный мой Овидий,
мой дорогой монгольский брат!
Какие могут быть обиды?
Наоборот, я очень рад,

Я рад тому, что мир наш тесен,
тому, что связь на высоте,
тому, что ты, как прежде, весел,
и ироничен вместе с тем.

И что в краю довольно дальнем

целенаправленно весь год
растешь ты интеллектуально,
а вовсе не наоборот.

И то сказать, в своей пустыне,
среди кочующих племен,
ты начал шпарить по латыни,
Как Марк и Туллий Цицерон.

А я здесь стал с камнями сходен.
Не сетую и не скорблю,
но эту жизнь amo et odi –
и ненавижу и люблю.

Для снобов, чей изысканный слух могут резать неправильные ударения
бессмертной латыни, предлагаю вариант:

Моя звезда сияет тускло,
Пусть нет просвета впереди,
я эту жизнь, сказать по-русски,
amo и вместе с тем с odi.

Друзья, друзья мои дорогие, живите вечно!
Да, работа забирает нас без остатка, но, слава богу, есть, есть и это счастливое –
вдруг...

Через шесть лет из Эфиопии придет в Ханты-Мансийский национальный округ
красочная заграничная открытка, где на обороте Саня, как всегда кратко, подытожит 25-
летний наш путь:

- Наверное, действительно, мы немало должны были пройти и немало сделать,
чтобы Аддис-Абеба и Ханты-Мансийск стали городами-побратимами.

9

Сезонный характер работ и, видимо, образ нашей жизни привлекает в поле
странных людей: вчерашние школьники и вчерашние мужья, бывшие заключенные и
бывшие цирковые артисты, будущие киносценаристы и непризнанные гении летят с
тобой в вертолете, копают канавы и бьют шурфы.

...И едва мы выступали в маршрут, Божанчик запевал свою инквизиторскую оду.
Первые два часа я посмеивался, на третьем закипал, на четвертом взрывался. Но
школьник был неумолим.

- Представляешь, утром. Ты встаешь, а бабушка уже выставляет: кофе «Арабика»,
молошник со сливками, свежие утренние калачи! Из «Елисейского»! И фирменные
греночки: зеленый тертый сыр смешивается со сливочным маслом, намазывается на
ломтики французской булки, и – в духовку. Получаются таки пикантные греночки. Молчу,
ладно, молчу... Или обед. Как она стряпает холодны свекольник! Представляешь,
совершенно красный, в меру такой кисленький, масса всякой зелени, ну, и конечно,
мелко нарубленный свежий огурчик и яичко. Сверху – ложку сметаны и сахар по вкусу,

а? Все, все, больше не буду!.. Хотя, честно сказать, если у нее на второе идет бараний бок с грешнеей кашей! А кулебяка в три слоя! Слой, значит, лучка, слой мясного фарша, слой грибов. Ну чего ты? Чего я такого сказал? Подумаешь кулебяка... А вот такой, например, праздничный салат: яблоки, мандарины, лимон, грецкие орехи, все это смешивается и сверху – варенье трех сортов. Вот это, я тебе скажу!

Я его люто ненави́дел, мальчика с улицы Москвина. Я набрасывался вечером на макароны с тушенкой, а перед глазами дымились золотые блюда Божановских пиршеств, румяная бабушка хлопотала у костра в клетчатом переднике.

Ныне на прием к профессору Божановскому Алексею Романовичу надобно записываться за полгода, а то и за год. Он вылетает на особо сложные операции в Минск, Таллин и Ашхабад, но я представляю, как этот доктор медицинских наук над операционным полем вдохновенно расписывает из-под марлевой маски прелесть русских суточных щей или бакинской долмы и, сделав классический надрез, в экстазе взмахивает персональным скальпелем.

...Каждый вечер слушали у костра Уголька. Повествования его были затейливы и необычайны, городская московская жизнь окутывалась в них какими-то парижскими тайнами.

- Подрядились мы с Прокопычем ничейную бабушку хоронить... – начинал он, и все замирали в предвкушении кладбищенских ужасов.

Уголька с другими рабочими я вез из Москвы и отметил еще в Тюмени, на пересадке в аэропорту «Плеханово». У него. Уголька, упал и раскрылся спортивный чемоданчик. Так вот, в этом чемоданчике лежала только зубная щетка. Без футляра.

- Ну, местечко ей отвели у самого, как вы понимаете, у забора. Помню еще, бузина была. Закрасились мы с Прокопычем «Рубином», покурили, копаем. Метра полтора прошурфовали – мама Лиза! – плита мраморная. Прокопыч дундит, что старый фундамент. Но я сразу рассек, что это – саркофаг! Но, гадство, тяжелая крышка, не поднять. Хорошо, кольцо чугунное. А у меня там дружок один на мусорке шоферил. Не сказать, чтобы близкий друг, но вместе поддавали. Я его, значит, за усы. Давай, вроде того, в долю. Поехали. Крутились, крутились, два памятника своротили, пока добрались. Зацепили плиту тросом, дернули. Глядим, - подвал. Ну чего, говорю, лезем? Спрыгнули, стоим. И тут, представляете, фурор: трос, гад, лопнул, и крышка – на нас... Кино! Я за спички и – вперед, в разведку. Гляжу, дверь. Ну, навалились, выбирать-то надо. Двигаем, значит. Протиснулись – мама Лиза! – здоровый подвал и весь в ящиках. Коньяк, мадера, портвейн марочный... Чего спички? Там свет проведен был, только тусклый. Вот так вот, ничейных бабушек-то – хоронить. Чего дальше? Дальше уж в вытрезвиловке очухались, не знаю, через сколько времени. Ну, я капитану Савостину все путем объяснил, что мы на том складе коньки бы откинули с переистощения организма, если бы не пили... Что ты! Ну, поподметали двенадцать суток, Николай Митрофанович меня вызывает, мол, давай-ка ты, Угольков, как разведчик недр, дуй-ка ты из матушки-столицы к ничейной бабушке. Все равно, говорит, Галина – это кобра моя – тебя уж на выписку подала. Зашел домой, собрал вещички, все культурно: до свидания, говорю, Галина Ивановна, уезжаю в Сибирь, чтобы, значит, не порочить ваш передовой образ ударницы производства.

Из вещичек у Уголька, вы помните, была зубная щетка. Этот жрец гигиены к середине сезона провентилировал легкие, насытил кровь кислородом и даже нарастил кой-какого мяса, пугая ребят прямо-таки волчьим аппетитом. Объяснял так, что в связи с семейными неурядицами за последние полгода ни разу не ел горячего. Когда у нас

появилась вакансия, мы с Отцом, посоветовавшись, перевели Уголька в буровики, так сказать, на заработки. В октябре Уголек впервые увидел живые деньги, за которые регулярно расписывался, начиная с мая. Но прежде чем торжественно их вручить, мы свели Уголька в Сургутский универмаг, где последовательно одели его: в гэдээровское нижнее белье, чешский костюм полушерстяной с двумя шлицами, пальто драповое с каракулевым воротником, ботинки зимние на цигейке и увенчали заячьей шапкой. Затем, чуть поколебавшись, обручили его с часами фирмы «Слава» и снабдили бумажником на четыре отделения за 3 руб. 42 коп. Остаток заработанных денег придал бумажнику необходимую для сибирского буровика солидность.

Он навестил нас в Москве в канун Нового года, загадочный и взволнованный. Монолог Уголька мы прослушали в кафе на улице Горького.

- Ну, я с аэровокзала прямо на Центральный рынок, беру охапку цветов, бутылку «Шампанского», конфет коробку, в тачку и - на Автозаводскую. Поднимаюсь, звоню. Тетя Паша открывает: Вам кого? Здравсте, говорю, тетя Паша, как здоровьице? А она, Станислав Иванович, верите, не узнает... Ну, потом – охи-ахи, в общем, открываю квартиру, сейчас – цветы в вазу, бутылку с конфетами на стол, воротник в коридор на вешалку, жду. Через полчаса Галка с работы заруливает. А как раз пятница, я в четверг от вас вылетел. Я, так спокойно, здрасте, Галина Ивановна, ну, вроде того, навестить зашел. Она молчит. Но, вижу, растерялась. Все же на стол собрала. Я «Шампанское» вскрыл, сидим, ужинаем. Я ей про тайгу, про вас, ну, про медведей, конечно, заливаю, все по-хорошему. Слушает, смотрю, но настороженно. Телик врубили, чайку попили с конфетами. Я – на часы, вроде того, время-то идет. Галка говорит, мол, я тебе на диване постелю. Спасибо, говорю, а то я только с самолета. Ну, разлеглись: я – на диване, она – на нашей. Лежим, молчим. Час проходит, я все молчу, держусь. Закурить, думаю, что ли? И только подумал, ну, прямо в этот момент Галка, слышу, говорит: «Вить, иди уж, чего так лежать, все равно не спим». Ну, потом, уж светало, говорит: «Вить, ты как, на завод пойдешь, или как?» - «Ну, пойду, - говорю, - в инструменталовку, а чего?» - «Да меня, Вить, в бригады выдвинули, пока ты ездил». Ну, я ей тут слово дал. Обнадежил, в общем, как разведчик недр: к обеду еле встали. Качаемся оба, как в медовый месяц. Сейчас работаю, путем все. Но чувствую все же, чуть-чуть опасается. Знаете, у меня к вам жуткая просьба: приходите ко мне на день рождения, как раз десятого будет. Ну, чтоб Галка удостоверилась, как я у вас пахал. А то я ей про вас все уже прожужжал. «Свистишь!» - говорит. - Так не бывает».

...Лежали с Петровичем у древней вертолетной площадки за старым Нижневартковском, дожидаясь борта. Парило. Я сквозь прикрытые веки смотрел, как худенькая женщина в нерусском до пят платье несет на коромысле воду, плавными маленькими шажками передвигая ноги. Петрович лениво приподнялся:

- Апа! - она вздрогнула и остановилась - Су холодная?

Женщина несколько раз быстро покивала. Петрович подошел, отпил из ведра, роняя капли на пыльную землю, выровнял ладонями ведро и, не выпуская его из рук, поднял на женщину глаза. Смуглое ее лицо опухло мгновенным жаром.

- Рахмат, апа!

Петрович - не фамилия, а отчество. Но в течение пяти сезонов все звали его только так. Зимой он работал у Сургутских топографов, готовя четырехметровые просеки под сейсмические профили. Что это за работа? Два таких Петровича затемно входят в выстуженный болотный лесок и топорами на длинных топорищах начинают

отмахивать в обе стороны с захватом по два метра. И так – до последнего света. Когда они, затемно добравшись до лагеря, переодеваются в балке, их энцефалитки остаются стоять на полу такими рыцарскими кирасами. Весною Петрович возвращался в Сургут, брал отпуск и заслуженные отгулы, получал в сберкассе заработанные «тыщи», и в мае к нашему приезду был уже полностью свободен. В том числе и от соленых «тыщ», поскольку в особенно грустные минутки имел склонность разжигать печку в общаге не иначе как десятками. На вид ему, в зависимости от ракурса и эффектов освещения, можно было дать от сорока до шестидесяти: дубленое львиное лицо, выбеленные кустистые брови, рыжая грива, крутыми кольцами. Неторопливый, кряжистый, промытые глаза с насмешливо-печальным прищуром, неизменно болотные сапоги, чисто выполосканная энцефалитка, ее носил с небрежной щеголеватостью. Что-то останавливало в нем с первого взгляда. Со второго – все валили за ним, пока он, обложенный со всех сторон, не заводил старинную жиганскую песню:

Ах, развяжите мои крылья,
дайте вволю полетать,
я заброшенную долю,
полечу ее искать.

Вперед, на родину родную
я направлю свой полет,
расспрошу про мать-старушку,
где и как она живет?

Может, с голоду иль с горя
моя, ой, мама померла,
может быть, ее могилка
вся травкою поросла.

Вся травкою-муравую,
придорожным васильком,
я на маминой могилке
заливаюсь голоском.

Пишу сейчас, а самого дрожь пробивает. Не знаю, что это было... Ну, безусловно, врожденная музыкальность, слух абсолютный и голос – высокий баритон с хрипотцою. Ах, не о том говорю... Это было истинно народное пение. Такое, думаю, могло однажды потрясти Тургенева. Не знаю. Но когда Петрович выводил, прикрыв очи: «Вся-я-тра-вою мура-во-го-го-го-ю, ах-и при-и-дорожным васильком...», сердце болело и хотелось залиться с ним вместе над одинокой могилкой.

Впрочем, почтительное восхищение Петрович заслужил не вокальным искусством: он научил нас «собирать» топоры. В отрядах сушились на ветру заготовки – плашки от комля особо гладкоствольной березы. Из них затем вытесывали длинные, на манер канадских, топорища для рубки просек и легонькие по руке – для обычной работы. Топорища следовало насаживать непременно с нижнего конца и после особым образом расклинивать, угадывая, в какую сторону поведет жало, затем уже выскоблить ножом, обласкать в бездымном березовом костерке и заполировать ладонью. И тогда

топор как бы оживал, превращаясь в твоего надежного друга. Разболтанная московская пацанва, битые бичи, все, включая наших техников, набивались в напарники к Петровичу. Прорубленная им метровая визирка являла пример совершенного мастерства: тихо уложенные обочь деревья, разрубленные для прохода сушины, мощные стволы, срезанные, как бритвой, у комля, - и даже тонкий прутик в подросте не тронут напрасно. Завистливое восхищение вызывал и каждый лагерь Петровича. Представьте болото в редких сосенках, под ногами вода, дважды зря пройденная тропка превращается в жидкую колею. На этой зыбкой основе Петрович настиляет аккуратный настил, на четырех колышках с насаженными на них банками из-под тушенки устанавливает жестяную печурку, по бокам укладывает спальники, все это накрывает двухместной палаткой, в оконце выводит печную трубу, составленную из пустых консервных банок с вырезанными донышками, рюкзаки положены в изголовье – жилье готово. Поодаль – костерок, на перекладине над ним два проволочных крюка разной длины, под малый и средний жар, вода в трехлитровой жестянке из-под сухого молока вскипает за три минуты. Вокруг костра и от костра к палатке проложены мостки в четыре сосенки, все чисто, торф не расквашен сапогами, у входа в палатку курится дымок. По звуку вертолета все это хозяйство можно собрать за десять минут, минута на посадку, и на пустом болоте остаются фирменный П-образный настильчик, мостки, очаг. Вокруг – ни бумажки: лишь сфагнум, кукушкин лен, тронутая первым заморозком клюква, звенящая сибирская тишина.

В конце сезона, загоя выполнив всю работу, Петрович разбивал у речки или живописного озера лагерь, требовал прислать ящик вина, желательно портвейна, и давал «отдохнуть». Знобкая предзимняя ночь, веселое пламя, под рукою – горкой нарубленное смолье, в молочной банке – душистый чай, в кружках – холодноватый портвейн. В двух шагах качается в слабых сполохах непроглядная звездная ночь, а у огня тепло, уютно и спокойно до самозабвенья. Бормочет невидимая вода, да счастливо посапывает не стойкий на вино напарник.

- Да, парень, - задумчиво говорит Петрович, - все было: и семья, и работа добрая в Казани, и дом, все было... Дочки уж подросли, женихаются, поди. Супруга назад зовет. Вроде, бери ноги в руки и айда. Да куда, парень, айда? Снесешь на почту перевод тыщ на пять, глаза зальешь с ребятами и обратно же – по топорам. Я женился-то, молодой был, глупый совсем. Девка попалась смиренная, всех забот – сготовить, постирать так, да – в койку... И вдруг, парень, приключилась со мной такая, ага, прелюдия... Была она певица. Чернявенькая, не скажу, что особенно раскрасавица, но все, конечно, при ней. Ну, а как запоет, веришь – нет, себя забывал: в глазах щиплет, сердчишко бухает... Да не просто так пела, все с выход-кой! В общем, это... Она, говорит, по проволоке ходила, ага... Ну, считай всякий вечер ей в ресторан, цветы дорогие, потом конфеты, духи, там разные... В общем, не знаю, как, но все же добился я до нее... Ага... Ну, тут я тебе, парень, даже не расскажу, чего промеж нами было – туман. Я ведь, веришь – нет, и не мечтал до нее, какая такая любовь бывает, ага... Ну, пошло-покатилось! Только иной раз и охолонешь, когда скажет: «Пенек ты, Андрюшенька, неотесанный». Ну и заберет, конечно, чего там. Из шкуры вылезешь, только бы ручки развела. Вот, парень, как меня сломала-то любовь. Год, однако, с ней продержался. У меня как раз дядька помер и дом мне отписал. Вот я на певицу-то свою весь дом и извел – горячо жили! Ну, а с нею, лапушкой, на трамвае-то не поездишь. В общем, очнулся я уж в Лабитнангах. Так пятерик и отходил под вышками. Но что я, парень, тебе скажу... За нею, конечно, давно уж не тоскую, ага... А вот не жалею я ни о чем! Она-то что, Наталья Антихристовна, играла

только со мною. Кто я ей, подумай ты? Ну, молодой, азартный, мало что ль таких. Свистни – пол-Казани на коленках приползет. Может, если и жалела меня минутку, когда я ей ночью пел. Верись – нет, приподыметься надо мною, глазищи свои распахнет, грудки светятся – сил нет вытерпеть. А после падет, парень, ко мне на грудь и ну – плакать. «Андрюша, - заливается, - зараза я, зараза!» Ну тут, ага, так полыхнет! Скажи, выйми сердце, так бы разом и вырвал! Так, парень, и сгорел за год. Вся моя жизнь в аккурат в него и поместилась... Освободился когда, все ж как-никак пять лет одни мужики, да и силенок еще было – не расхлестать, а вот, верись – нет, уговоришь какую, и одна выходит скука. Как, парень, вода заместо вина... Ну, давай, за все хорошее...

Знобко перед рассветом, мостится во сне поближе к огню молодой напарник, далеко от таежного бережка увел взгляд Петрович, да горчит в ночи притомленный костер.

...и на закате пустыня распахивается, как библейская земля. Оттого так уместен Котик: крупный шаг, в отлетающей руке кривой кол, имитирующий посох, за драными кедами – клубы пыли, мелкие и послушные, как жертвенные овны. Время от времени он выкрикивает нечто нечленораздельное о Вечной Итаке, Гордом Рима, Джойсе, Жене Евтушенко, и эти вопли, как ни странно, вполне гармонируют с затихающей степью.

Котика мне сосватал друг-журналист, которого в свою очередь об этом просила сотрудница литературного отдела газеты, пестующая гениев, отвергнутых редакциями журналов и газет. Непризнанный был принят рабочим II разряда. С той поры Котик не пропустил ни одного полевого сезона, в меру сил способствуя геологическим изысканиям на Приполярном Урале, в бассейне Оби, в Приаралье. Собственно, в этом бы не было странного (многих затягивает иллюзия свободы нашего ненормированного труда), если бы не одно обстоятельство. Котэ, говорю я с кавказским акцентом, родом из Гагры, где у него собственный дом и сад в непосредственной близости от роскошного базара. Однако бунтующий дух и природа его литературного дарования погнали его от пышных субтропиков в приобские трясины, карликовые пампасы тундры, барханы Муюнкумов, и там после вычета подоходного налога и трат на питание, он имел возможность откладывать ежемесячно на зиму рублей по семьдесят-восемьдесят – недельную гагринскую норму, я полагаю. Единственную поблажку выторговал себе Котик – ветхую списанную палатку, где в ночные часы над заветной тетрадкой он ощущал себя тоскующим лебедем и озером, несущим на себе лебединую тоску, то обезумевшей от ночных выстрелов сайгачихой, то спелой гроздьё «изабеллы» в материнской ладони, то самой ладонью в усталых венах. При всем этом Котик был по-детски непосредствен, на редкость неприхотлив. Разодранные на коленях портки он украшал непременно яркими заплатами, пришивая их сверху через край, прожженную энцефалитку штопал цветными нитками и походил на опереточного разбойника.

В партии к Котику относились поначалу с изумлением, затем - снисходительно, и наконец – с любовью. А он у вечерних костров записывал в неизменную тетрадку лагерный треп. Просто рыдал от восторга, стенографируя монологи барнаульского истопника Федюни, который, ненароком выиграв по лотерейному билету «Жигули», непостижимым для себя образом за неделю спустил их, ухитрившись ни разу не покинуть номера в столичной гостинице «Россия». Но и, конечно, все с детской радостью включались в литературные диспуты Котика с Федюней. Дело в том, что Федюня обличал, дедушку Крылова за эзоповский язык: «Ета, че жа ета такое он себе позволят-

та? То он тебе Мартышкойю, то там Ишаком обзывает, ета как? Мы жа, как-никак, все жа-таки люди!»

- Теодор! - торжественно клялся Котик. - Когда я всемирно прославлюсь, я тебе за такой сюжет поставлю стакан вина, клянусь! Или нет, - говорит он, вспомнив свою постоянную бедность, - стакан пива!

Федюня, чье неполное среднее оборвалось именно на дедушке Крылове, за всемирную славу законно требовал бутылку. К нему тут же примыкали другие соискатели славы, чьи байки украсили котикову тетрадь. Этими простодушными диалогами ни к селу, ни к городу, были проложены куски плотной и необычной, на мой взгляд, прозы, где, например, Федюня мог ощутить себя хариусом, вылетающим из полярной воды в июньское утро навстречу укусу искусственной мушки.

- Обман! - вопили его ободранные внезапным кислородом жабры. - Один везде обман!

Предваряя грядущую славу, полевая партия присудила Котику высокое звание Лучшего Друга Нобелевской премии.

А годы шли. Кочевали по редакциям кустарно перепечатанные котиковы рукописи, множилось рецензии, гагринская милиция косо поглядывала на странного земляка, презревшего конъюнктуру местного рынка ради нищенских заработков и грядущей славы. Наконец в Сухуми появилась книжечка рассказов Котика, в которых послевоенный полуголодный пацан впитывал вкус, цветы запах абхазских торжиц, плачи и песни греческих свадеб, исцарапанные щеки армянских похорон, долготерпение русских вдов, предсмертную игру скумбрий в яркой зелени кинзы на базарных лотках и пыльную тоску засыхающей кормилицы-кукурузы. С благоговением припадал он на третьесортной бумаге к истертым плитам своей многоязычной Родины, и море по-матерински принимало его тело в прохладное свое лоно.

Он работал, как каторжник. Приаральские смерчи взметались за окнами над виноградной лозой; падали на бегу, ломая тонкие ноги, стельные сайгайчихи, срубленные катаной картечью, и их глаза изливались предсмертной тоскою в ладони ночных такыров под безжалостным светом браконьерских фар. Старая мать глядела из дверного проема с болью и состраданием.

- Я бы нашла тебе скромную чистую девушку, - немо молила она непутевого сына, - хотя бы дочку тетки Марии, или чем хуже гречанка Фика, гречанки хорошие жены, она бы ходила на базар, и ты, сыночек, работал бы, как все люди, и возвра-щался бы домой по вечерам, а я бы нянькалась с твоим первенцем, а ты бы после ужина подрезал бы виноград и перестелил наконец крышу на веранде, а то уж два года как протекает, я говорила сколько раз твоему дяде, но ты же видишь, ему бы только налиться «Изабеллой», сыночек.

Сыночек в потертом плащике появился ранней весной в Москве с потертым портфелем, набитым новыми, кустарно отпечатанными рукописями, и еще там были четвертинка бородинского хлеба, томик Волошина, плавленный сырок «Дружба», «Сто лет одиночества» Маркеса и пакетик засохшей кураги.

- Учитель, салют! - кричал Котик, пугая тишину Серебряного Бора. - Я привез новый роман, батоно!

Я развязывал тесемки. Рукопись в папке вспухала, как лава, истомившаяся в тесном жерле. Во тьме кызыл-кумской ночи сиял звездный лук, и прянувшая с Космодрома ракета отразилась зеленым пламенем в глазах вскочивших овец, тройной гром всколыхнул сны тысячелетней Согды, и полынная ночь опять сомкнулась над

судьбой похожего на меня котикова героя. Он жалел меня, сумасшедший провидец, видя мою покладистость, которую, он полагал, люди принимают за доброту. Он жалел ковчег, засыпающий под брезентовым парусом, где каждый из нас – как личинка, едва начавшая прогрызать кокон жизни. Осторожная рука его задержала полог над поющими барханами, смежила буровикам обожженные веки, простерлась над техником Оксаной, обнявшей во сне, в предчувствии скорого материнства, осиротевшего сайгаченка. И далеко на востоке сияющий столп света пролился из космической мглы на лунное лоно Медео.

- Котик, - спросил я, - как ты все это назвал?

- Высоко? - крикнул, ликуя, Лучший Друг Нобелевской премии. - Высоко, Учитель?

Я назвал: «Встали и стоим прямо?»»

10

А ведь это трудно – стоять прямо. Помимо всего прочего, еще и потому, что надобно постоянно проверять себя, не заостенел ли ты в прямоте своих убеждений. Еще вчера мировая геологическая наука, посмеиваясь, изредка вспоминала чудака Вегенера, а нынче дрейф континентов стал темой газет и журналов. Еще сверхглубокая скважина на Кольском только подступает к недрам планеты, а уже поколеблены многие незыблемые аксиомы геологии и геофизики. Ежедневно, ежечасно расширяется и углубляется поиск: новые методики и новые совершенные приборы рушат привычные теории и умножают сомнения. Сомнения, чреватые Истиной. Истиной, которая завтра подвергнется сомнению. На грубом оселке оттачиваются наши знания.

Курсе, кажется, на третьем, я написал Космогоническую (?) поэму, в которой не без лихости были зарифмованы различные геологические события в истории Земли, с переменным успехом читал, ее на поэтических вечерах. Я воспевал неумолимую аннексию Великого ледника, перед которым «рушились мамонты всеми колоннами» и «покорно склонялись упругие стебли» от Кандалакши до днепровских круч. Слушатели иронично скучали. Мог ли я тогда помыслить, что всю жизнь буду заниматься преимущественно этим отрезком земной истории, и что борьба с ледниковой историей принесет мне довольно скандальную известность. Дело в том, что я имел неосторожность поведать о наших с Учителем сомнениях на страницах одного весьма научно-популярного журнала. В известной мере, более популярного, чем научного. Однако эта, чего уж теперь греха таить, неосторожная публикация преследовала далеко идущие цели. Как вы помните, наши сомнения были рождены и выпестованы на северных окраинах Большеземельской тундры Печорской низменности, то есть в местах, довольно отдаленных от московских академических центров. Постепенно в столичных научных кругах сложилось мнение, что, мол, у вас там, может быть, все так и есть, а вот здесь у нас, на Русской равнине и т.п. Любые наши научные публикации неизменно затерялись бы в быстрых волнах информативного моря периодики, тогда как массовый и весьма популярный журнал непременно должен был достичь адресата – рядовых геологов-съемщиков Европейской части Союза. Так оно и произошло: москвичи меня отыскивали элементарно через знакомых геологов, коллеги из Хибин и Питера, должно быть, через знакомых геологов. До сих пор недоумеваю, каким образом нашел меня один профессор из Воронежа.

Словом, семя было брошено.

Однако в следующем номере того же журнала появилась язвительная статья-опровержение, в которой разгневанный Доктор Наук, очень уже старый и очень хороший геолог, обрушил на меня академические громы и молнии, как на законченного неуча и любителя дешевых сенсаций. Статья его так и называлась – «Новые Геростраты». Оказывается, сам того не желая, я поджег Прекрасный Храм Науки! Что тут началось! На мою защиту грудью встали неведомые мне биологи Камчатки, проектировщики из Краснодара, зоологи из Киева, инженеры, старшие и особенно младшие научные сотрудники, студенты и вездесущие пенсионеры. Редакция аккуратно из номера в номер публиковала эти темпера-ментные отклики, в которых речь шла вообще-то вовсе не обо мне и даже не о моих геологических откровениях, но о праве любого исследователя на сомнение, на свободу мнений, пусть даже и ошибочных. Все эти неизвестные мне люди, постепенно как бы сплывались в единый цельный образ моего современника. Образ, вызывающий у меня чувство гордости, нежности и восхищения. Больше всего я был благодарен им именно за это.

Года так через два журнальная полемика неожиданно завершилась публичным диспутом в огромной аудитории на Ленинских горах. В коридоре перед дверью аудитории на клеенных листах ватмана была изображена жидкая ватажка юнцов, толкавших вспять отвесную ледяную стену, на гребне которой, свесив обутые в греческие сандалии ножки, сидели обитатели научного Олимпа в черных академических ермолках.

Председательствующий моложавый доцент заявил взволнованной аудитории, что поскольку в открытую печать просочились безответственные заявления не вполне компетентных в геологии людей, то одному из них, а именно мне, следует предстать перед лицом широкой геологической общественности. Я с пол-оборота завелся, но тут внизу качнулась красивая седеющая голова Николая Ивановича Николаева: профессор мягко, но решительно оттеснил моложавого доцента, как бы давая понять, что взятый им тон не вполне уместен в стенах Университета, приглашающе мне улыбнулся, и я пошел, как когда-то в родных стенах МГРИ шел, замирая от собственной смелости, к его экзаменационному столу.

Передо мной в ряд сидели крылатобровый Евгений Вергильевич Шанцер, известные мне лишь по учебникам университетские профессора, милейший Владимир Васильевич Меннер, хмурый представитель Сибирского отделения Академии Наук и чуть поодаль, особняком – Доктор Наук, заклеивший меня Геростратом. А за их спинами на полированных скамьях впритык друг к другу теснились геологи вперемешку со студентами. Я пополз, потрясенный, глазами вверх по амфитеатру и внезапно буквально наткнулся на лукавую, милую улыбку Юрочки Зыкова из Магадана, которого не видел лет шесть, он подмигнул мне, давай, мол, дружочек! И я с открытой душой поведал ему, какими мы были правомерными, как нас одолевали и почему одолели наконец сомнения, как нес я по Невскому заветную коробку с ребристыми раковинами, и что не во мне и даже не в Учителе здесь дело: просто накопились новые факты и появились новые методы исследований, и что именно в геологической практике создалась ситуация, когда идея как бы носится в воздухе. Поэтому практически одновременно она утвердилась в геолого-съемочных коллективах различных управления и трестов Москвы, Петрозаводска, Воркуты, Тюмени и Ленинграда. Ибо, она, эта идея, наиболее удовлетворительно объясняла сумму новых фактов, которые, независимо от наших субъективных желаний и пристрастий, не укладывались в привычные рамки ледниковой теории.

...меня представили Георгию Устиновичу Линдбергу на всесоюзном симпозиуме по проблемам геологии Северного ледовитого океана и его побережий. Как красиво, как изысканно красиво провел свой научный поиск старейший советский ихтиолог! Он систематизировал обитателей рек Европы и большей части Азии и пришел к поразительному выводу: на развитие пресноводных рыб такая гигантская катастрофа, как великие материковые оледенения равнин, никак не сказалось. За основу исследования Георгий Устинович взял строго пресноводных рыб, которые не могли проникнуть из реки в реку даже через сильно опресненные бассейны типа Азова. То есть рыб эндемичных, строго присущих бассейну той или иной реки. На огромном фактическом материале ученый показал, что рыбы южных и северных равнинных рек чрезвычайно бедны в видовом отношении и, судя по всему, развились здесь сравнительно недавно. Это не могло быть обусловлено оледенением, поскольку ледники никогда не достигали низовий, скажем, Волги, Днепра и Дона и, следовательно, не могли помешать свободному развитию пресноводной фауны. Тогда Георгий Устинович принялся изучать сами реки и увидел, что ихтиофауна бедна и молода именно в равнинных реках, будь это предполагаемая ледниковая область вроде севера Русской Равнины или Испания, где ледников не было вовсе. Богата и разнообразна она только в тех реках, верховья которых более чем на 200 метров превышают современный уровень моря. Больше того, в реках такого типа даже непосредственно у центров предполагаемых оледенений, в Англии или Северной Европе, обитают весьма древние эндемичные виды, присущие только этим рекам. Как же они смогли сохраниться, если покровы ледников многократно уничтожали все живое? И тогда ученый сделал поразительно смелый вывод: все это обусловлено резкими колебаниями уровня моря в недавнем геологическом прошлом. Только там, где рыбы могли отступить в верховья рек, переждать, пока спадет высокая морская вода, видовой состав их действительно богат и разнообразен.

Этот вывод был сделан задолго до нашего публичного диспута. Немедленно последовали оргвыводы, Георгия Устиновича, что называется, подвергли научному остракизму, я это знал и, пожимая ему руки, горячо высказывал свое восхищение его провидческой книгой. Пофыркивая в выцветшие моржовые усы, он застенчиво взглядывал на меня ясными детскими глазками и кротко улыбался. Он скончался, успев, к счастью, издать, значительно расширив и дополнив, главный труд жизни.

...закончил свое выступление цитатой из Ван Бемелена:

«Всякое исследование природы напоминает интимный разговор исследователя с природой, в котором последняя неизменно оказывается более благоразумной». На этом под вызывающие аплодисменты наиболее экспансивной части аудитории я закрутился.

Дискуссия пошла по накатанной дороге. Учителя корректно и достойно напоминали юным слушателям о тернистом пути познания, приводили золотые примеры из Истории изучения Четвертичного периода, рассказывали о фундаментальных исследованиях и незыблемых фактах, которые здесь несколько легковерно отвергаются. Лишь однажды спокойное течение нашего диспута было нарушено: обругавший меня Геростратом Доктор Наук взошел на кафедру и скучным голосом разъяснил собравшимся, что предлагаемые здесь, с позволения сказать, новые идеи есть на самом деле результат дурного образования (наши учителя, снисходительно улыбаясь, пожали плечами) вкупе с нерадивостью и, следовательно, говорить здесь, собственно, не с кем и не о чем, поскольку лично он не считает возможным и

необходимым напоминать собранию прописные истины, известные каждому ученику школьного курса географии.

Опасно вспыльчивый Учитель в соответствии с регламентом турнира немедля потребовал ответного слова. Однако справедливая жажда честного боя замет-но умерялась довольно острым приступом радикулита, в связи с чем Учитель влачился вниз по проходу, как усталый Геракл, опирающийся на свою смертонос-ную палицу. Это была самодельная, непомерной толщины шишковатая дубина, наскоро покрашенная морилкой. Утвердившись с ее помощью на арене, Учитель впери-л в совершенно равнодушного оппонента горящий взгляд и неожиданно завопил: «Александр Иванович! Еще десять лет назад на Верхней Каме мы от корки до корки изучили ваш старый отчет по Предуралью. Мы знали его наизусть!» Доктор Наук приподнял на секунду умудренную лысую голову и саркастически усмехнулся: не в коня, мол, корм.

- И вот, товарищи, что дословно писал тогда Александр Иванович на 285 странице о идеях своего предшественника:

«Уральские геологи! Не верьте сомнительным построениям Гавриленко, умозаключения которого уведут вас с правильного пути поисков полезных ископаемых». Так почему же, Александр Иванович, - Учитель вознес над голову свою устрашающую дубину, - вы отказываете нам в праве на собственную точку зрения? Или право на заблуждение имеют лишь академики, а право на критику является только вашей привилегией?

Александр Иванович медленно поднялся, безо всякого интереса оглядел новоявленного Геракла и неторопливо покинул зал. Ради справедливости должен заметить, что в этой демонстрации не было ничего оскорбительного. Я грешным делом решил, что Александр Иванович просто отправился в буфет, выпить положенный по расписанию вечерний стакан молока или кефира. Профессор Николаев приблизился к изумленно застывшему Учителю и не без усилия принудил его опустить все же долу шишковатое орудие спора. При этом лицо Учителя мучительно перекаосилось, ибо заработанный им на севере радикулит был одновременно пояснично-спинным и шейно-плечевым. Поэтому теоретическая часть его выступления проходила при столь очевидно дефиците жестикуляции, а сам он выглядел столь монументально, что стал напоминать уже не усталого Геракла, а статую Командора. Студенты наградили Учителя заслуженными аплодисментами.

Студенческие знаки одобрения с легкостью погасил Евгений Вергильевич Шанцер. Завершая дискуссию, он отметил ее своевременность и полезность. Своевременна она по той очевидной причине, что любую болезнь, как известно, легче лечить на ранней стадии ее развития. Столь же очевидна полезность нашего собрания и с другой стороны – оно несомненно будет способствовать дальнейшему углубленному изучению ледниковых отложений со стороны завтрашних выпускников МГУ. Что же касается до изложенных здесь новаций, их можно было бы только приветствовать, ежели бы не было очевидно, что собранные авторами несомненно интереснейшие фактические данные подверглись, мягко говоря, несколько произвольной интерпретации. Приговор, милостивые государи, окончательный и обжалованию не подлежит.

Снисходя к молодости, Николай Иванович Николаев по доброте душевной предоставил мне последнее слово. Отвечая на записки, я все время косился на дверь, прислонясь к которой и скрестив руки, жутко элегантный и столь же ехидный стоял мой

сокурсник Лешка Розанов – нова звезда, стремительно восходящая на академическом небосклоне.

- Меня спрашивают, не мешает ли моим выводам существование Антарктиды? Нет, уважаемый Алексей Юрьевич, - ехидство выпирало из меня, как паста из тюбика, - не мешает, а, напротив, весьма вдохновляет. Поскольку, как теперь установлено, антарктический ледяной щит непрерывно существует по меньшей мере двадцать миллионов лет, но до сих пор нет ни одного факта, что в нашем секторе Арктики Гренландский и иные покровные ледники за последний миллион лет исчезали, хотя бы однажды. Иными словами, высокоуважаемый Алексей Юрьевич, ледники и в прошлом находились там, где они располагаются ныне – на отведенных им местах.

- У нас есть лишь один судья, - повернулся я к аудитории, - судья высший! - раздался гомерический хохот; студентам показалось, что я сказал «Всевышний» - Это время!! И если окажитесь правы вы, то слава вам. Но если окажемся правы мы, то слава... все равно вам, Потому что именно вы были нашими учителями.

Академик Меннер, милейший Владимир Васильевич, раскинул руки («Ну, батенька!») и лукаво погрозил мне пальцем. А у меня на антресолях до сих пор хранится скатанный в трубочку студенческий ватман, на котором довольно похоже изображен гуашью вскинувший руки нахальный грешник и осеняющий его с небесной тучки Всевышний в произвольной интерпретации Жана Эффеля.

Бог-то, как говорится, Бог!.. Много лет спустя, - уже остепененный, я бы даже сказал, маститый Учитель взял меня твердо за руку, привел в родной институт и поставил пред светлы очи известного литолога профессора Тихомирова. Через час Сергей Валерьевич по-отечески прижал меня к груди и уверенно заключил: «Будем дерзать!». Дерзать мне вообще-то не особенно хотелось, дело в том, что научные разногласия все продолжались, в орбиту их были втянуты геологи на обширном пространстве от Кольского до Киева и Новосибирска, и наши оппоненты, занимающие в отечественной геологии командные высоты, предприняли решительное наступление на «еретиков» по всему научно-производственному фронту. Моя скромная защита должна была сыграть роль лакмусовой бумажки, проверяющей правомерность наших позиций. С другой стороны, притязая на научную степень, я определенно вызывал огонь на себя. Так или иначе, я все же сдал положенные экзамены, заранее испытывая скуку от необходимости переработать в диссертационный «кирпич» свои отчеты и статьи. Эта вполне объяснимая апатия провоцировалась и нехваткой времени, поскольку руководимый мною коллектив ежегодно квартировал довольно большие площади, осваивая по несколько сот тысяч рублей в денежном выражении. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественно, до пресловутого «кирпича» руки как-то все не доходили, пока в один прекрасный день не позвонил Сергей Валерьевич и не сообщил мне бодрым голосом, что предварительная защита на кафедре состоится через десять дней. Я признался, что еще не написал ни строчки.

- А и не надо! - радостно заявил мне шеф. - Вы просто нарисуйте все то, что мне так прекрасно рассказывали.

Я вспомнил Михаила Владимировича Муратова (геолог – это разрез) и, отпросившись у начальства, целую неделю, не отрываясь, рисовал на миллиметровке геологические разрезы, различные таблицы, схемы и графики. Количество их к моему изумлению росло столь быстро, что моя московская квартирка очень быстро стала напоминать какое-то рекламное бюро. На пятый день один из графиков метров в пять длину заставил меня несколько пересмотреть свои взгляды на диссертацию:

оказалось, что я за письменным, так сказать, столом нашел непреложное доказательство существования одного очень важного геологического факта, в реальности которого мы ранее никак не могли убедить оппонентов. Поэтому после благополучной предварительной защиты я взял первый за три года отпуск и за месяц с небольшим слепил-таки «кирпич». Он вызывал у меня, не скрою, смешанное чувство радости и сострадания: я представлял, как пройдутся по нему друзья-соперники.

Защита состоялась в сравнительно небольшой аудитории, и мои диссертационные кольчуги заняли целиком три стены. О бедные жены соискателей, претворяющие их научные претензии в прекрасно оформленную демонстрационную графику! Друзья справедливо утверждают, что мою диссертацию защищала жена, ибо лишь один геологический разрез длиной восемь метров пересекал всю Западную Сибирь от Карского моря до Алтая.

...отыскал в десятом ряду бледного от переживаний Учителя с часами в руке и стал рассказывать ему существо наших же научных претензий. При этом лицо Учителя выражало целую гамму чувств от огорчения и отвращения до презрительного гнева, сменившихся в завершение скептическим недоумением; ученик благополучно уложился в регламент. В задних рядах маячил, пугая соседей кавказскими жестами Лучший Друг Нобелевской Премии, на которого я не без тревоги поглядывал во время вопросов-ответов. Наконец наступила минута молчания. Ученый секретарь Александра Петровна скорбно обвела взглядом битком набитую аудиторию.

- Товарищи Члены Ученого Совета, в адрес кафедры поступило семнадцать положительных отзывов, которые я зачитывать не буду, - она взглянула на меня с материнской жалостью. - Кроме того, поступило три отрицательных отзыва, которые я вынуждена огласить полностью.

Александра Петровна ознакомила присутствующих с разгромнейшим (четыре страницы через полтора интервала) отзывом Евгения Вергильевича Шанцера, относящегося лично ко мне с симпатией, но и т.д. Члены Ученого Совета несколько оживились.

Во втором отзыве, подписанном членом-корреспондентом и двумя докторами Сибирского филиала АН СССР, утверждалось, что наглый соискатель приносит вред не только отечественной, но и мировой науке, в связи с чем его беспочвенные претензии должны быть пресечены раз и навсегда. Члены Совета окончательно проснулись, с интересом разглядывая злоумышленника, который наигранно улыбался.

Третий отзыв. Всемирно известный академик на личном фирменном бланке в решительных выражениях заверял Ученый Совет, что моя, с позволения сказать, диссертационная работа не заслуживает названия даже посредственного производственного отчета. Ловя на себя изумленные, даже слегка почтительные взгляды членов Ученого Совета, я понял, что искомая степень у меня в кармане: не каждый день академики снисходят до безвестных соискателей кандидатских диссертаций, да еще в столь решительных выражениях! Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. В последующей дискуссии я, собственно, не участвовал, а с нарастающим беспокойством размышлял о быстротечности времени и о давно накрытых столах в интимном зале ресторана «Прага», за которые мы с друзьями должны были поспеть, независимо от итогов голосования. На исходе третьего часа я стремительно возвратился к реальности, со сладким ужасом наблюдая, как встает с места Михаил Владимирович, ныне уже член-корреспондент Муратов. Знакомый

лекционной походкой он приблизился к краешку моего западносибирского разреза, знакомо повернулся к аудитории и тихим голосом сообщил, что... Я был так потрясен, что не смог даже обрадоваться этой награде из рук Муратова. Друзья утверждали, что в эту золотую минуту я напоминал испуганного идиота, которого мощнейший инсулиновый удар вернул внезапно из прекрасного небытия к непонятной действительности.

Обнимающий меня после голосования шеф рекомендовал не слишком радоваться. Как в воду глядел! Мой скромный том (*entre nous*, в нарушение действующих правил) направили черному оппоненту, затем мне пришлось специально ехать из Монголии на Экспертную комиссию ВАКа, и шеф уже готовил меня ко встрече с Президиумом ВАКа – сталинскими, ленинскими, нобелевским лауреатами. Рисуя эту картину, я напоминал себе того гасконца, говорившего друзьям перед завтрашним сражением: «Я заранее дрожу от страха перед опасностью, в которую ввергнет меня моя отвага!». К счастью, до Олимпа дело не дошло.

Итак, я стал кандидатом геолого-минералогических наук. В соответствии с действующими правилами и положениями получил заслуженный приварок к своей производственной зарплате. И это вновь вернуло меня к давнему вопросу, обращенному уже к самому себе: за что, собственно, я получаю этот приварок? Двадцать лет я вместе с коллегами пластался в тайге, в тундре, в кызыл-кумских песках. И слепить «кирпич», думаю, вполне был в состоянии лет десять назад, пусть и не так впечатляюще. Повысился ли мой научный и производственный потенциал в результате состоявшегося действия настолько, что вызывается необходимость в его денежном поощрении? Нет, отвечаю я, самым решительным образом – нет! В таком случае выходит, что поощряется не сам потенциал, но лишь форма его подачи. И теперь временами я испытываю неясное чувство стыда, что ли, перед друзьями по работе, знакомыми и незнакомыми геологами, ибо среди них не так мало мыслящих и глубоких исследователей. Это одна сторона. Есть и другая: сколько я видел ординарнейших диссертаций, которые действительно не отвечали качеству нашего обычного производственного отчета! Когда в рассуждении, что бы такое отразить в отзыве, ты испытываешь буквально муки, поскольку в рецензируемой работе попросту отсутствует предмет защиты. Но этот вожделенный приварок приманивает предприимчивых соискателей, как мух на мед. Неотвратимо приманивает, хотя часто из всех возможных достоинств в работе наличествуют лишь широкие плечи невзыскательного к ученику шефа. В этом есть нечто ненормальное. Я бы сказал даже постыдное. И в том случае, когда шустрый и пробивной малый гоношится вокруг тысячекратно обкатанной проблемки, и тем более тогда, когда творческая группа треста или объединения монтирует докторскую своему высокому начальству.

Собственно, я не против диссертаций либо иных форм самовыражения: работающему на земле год за годом, думающему геологу есть что сказать. Его руки собирают фактический материал, он и осмысливает факты, по существу ничем не отличаясь при этом от научного работника. Пусть он исповедуется перед наукой, получает степень – его законное право. Но платить полной мерой деньги давайте все же за дело. Только за дело!

К счастью, профессия наша или, скажем, судьба такова, что все обиды, страсти и служебные неурядицы, так сказать, компенсируются. Под кровлей ели или высокой кроной сосны все мельчает и забывается. И едва взорвутся в Москве апрельские почки или небо над Ханты-Мансийском распахнут первые лебеди, нас начинает томить предчувствие встречи с полем. Мы выскакиваем на солнечную волю из тесных камералок, вечерами колдуем над гильзами, лесками и блеснами, хотя летняя работа так и не позволит тебе досыта отвести душу на поющем косачином току или на оловянной рыбьей зорьке. Учитель, насколько мне известно, ни разу не вскинул к щеке приклад, а Отец так и не изыскал времени пройтись по бережку со спиннингом. Смешно сказать, я мечтаю провести спокойный месяц отпуска с самодельной удочкой на Уральской речке.

Что же это так нас томит? Полагаю, предчувствие теснейшего общения с природой. Столь полного, что мы его и не осознаем. Как зверь, птица и рыба не осознают, что они в лесу, в небе, в воде. Это наша и их среда обитания.

Что мыслит о себе медведь, когтящий на перекате идущую на нерест рыбу? Бобер, обгрызающий осину для строительства запруды? Лось, сокрушающий в ярости подлесок во время гона?

Как много мы не различаем в себе, не постигая побудительного зова инстинктов, пробивающихся сквозь тонко отлаженный механизм коры полушарий головного мозга. И люди, ностальгически вздыхающие по изживающему себя сельскому укладу, ненароком упускают из виду, что за спиной скотоводческой и земледельческой деятельности человека осталось более трех миллионов лет грубо оббитых галек, кремневых рубил, скребков, костяных рыболовных крючков, темной, бессознательной почти работы по селекции дикого колоса, приручению волка, оленя, лошади. И ритуальных плясок на жертвенных капищах. И выбитых до полного исчезновения мамонтов. И обескровленной почвы.

Покойный академик Иван Григорьевич Пидоплечко показывал нам на Украине восстановленную им палеолитическую стоянку: кости двух тысяч особей только мамонтов, представьте себе, одних только мамонтов! Грозных вожаков, усталых маток, годовалых детенышей...

...народную сказку, отобранную Львом Николаевичем Толстым для детского чтения, я бы нынче прочитал так: Дед – великий преобразователь природы бил, бил, не разбил. Баба – венец творения – била, била, не разбила. Мышка, заметьте, бежала, хвостиком, всего-то, махнула, яичко упало и разбилось. Курочкино заключение о сравнительной ценности золота и простого яичка, думаю, не требует в наш век экологических потрясений особых толкований, не так ли?

Кстати, эмблемой одной из превосходных финских выставок в Москве было обыкновенное куриное яйцо. На рекламных буклетах, впрочем, оно идеально вписывалось в прославленный купол собора Святого Петра в Риме.

Рассказывают, что на съемках фильма «Фараон» были заняты войска Среднеазиатского военного округа. На рассвете войско в набедренных повязках, со щитами и копьями разместилось в каракумских песках. Тем временем Ежи Кавалерович в режиссерском балке затеял с соратниками какой-то принципиальный спор, в процессе которого незаметно вошло и набрало силу испепеляющее туркменское солнце.

- Матка боска! - опомнился Кавалерович. - Там же тысячи людей сидят в адском пекле!

Как-то вспомнил, что во время перехода через Нубийскую пустыню воины Рамзеса перемогали дневные часы, укрывшись щитами. Помреж с мегафоном пульей бросился наружу и тут же вернулся: «Они уже давно сидят под щитами».

Они уже сидели, укрывшись египетскими щитами, солдаты – вчерашние школьники и рабочие атомного века. Они стали равны темным воинам Рамзеса перед лицом солнца.

Высокая экологическая пластичность человека – бесспорно. Но ведь, согласитесь, перед лицом Солнца!

Мы отлично знаем целительное действие ионизированного воздуха высоко-горья или соснового бора. Мы поняли, сколь губительны для нас выхлопы автомобилей, однообразие операций на конвейере и шапки смога над современными мегаполисами. Но мы пока не знаем, какие биохимические превращения происходят в клетках человеческого мозга в те мгновения, когда, скажем, распахиваются на полнеба, крылья заката, или, вылетев из воды, сгибается в кольцо семга, и солнечные лучи вспыхивают, ударившись о ее чешую. Мы даже не представляем себе, что с нами происходит при виде самозабвенно токующего глухаря или багряной осины, мгновенно и вдруг облетевшей под резким ударом северного ветра.

И, с ужасом догадываюсь, мы совершенно еще не знаем, что происходит с вроде бы нормальным человеком, прожившим свой век в огромном городе и проводящим свой ежегодный отпуск на тесном черноморском пляже: земля – только в иллюминатор суперлайнера, лес – из окна поезда. Мы даже не задумываемся, что с ним может что-то происходить!

Все человеческое от жажды любить до способности к абстрактному мышлению вложено в нас природой: черное солнце Григория Мелехова, падающее Ньютоново яблоко...

На Северном Кавказе в душном буковом лесу гору прорезал узкий и тесный лог, заросший травами и кустарником. Я остановился, уловив над собою какое-то неясное движение. Вот что это было. Во влажной и жаркой полуденной тишине вниз по склону едва заметно сползал мощный пласт наскальной глины. И над раскрывающейся раной отрыва чуть слышно, я бы сказал безмолвно разрывались тесно переплетенные стебли, ветви и прильнувшие друг к другу кусты. Оторваться от этого зрелища было невозможно, но наблюдать почти невыносимо.

Величественный серпантин, проложенный для рудовозов из долины кипящей Баксана к заоблачному руднику поражает совершенной красотой. Точно таким бы оказался сфотографированный след ползущей вверх по склону змеи.

Возвращаясь из маршрута, я остановился у милой алтайской реченьки Белой. Спутал Пегаша, поел, попил сладкой водички и сидел, помню, совершенно ни о чем не думая. Близ берега по стрежневой гладкой струе медленно плыл крупный зеленый

кузнечик, сучивший воздух ножками. Внезапно раздался звучный удар, мелькнул алый плавник, и кузнечика не стало.

Черт возьми, как это просто! Взять из хвоста у Пегаша волос, оплести, привязать кузнечика... Нет сперва найти сухую ветку или тетеревиновую кость, привязать, нет, не привязать, а насадить. И все!

Смешно? Но ведь я сейчас рассудил, как тот первобытный, самый первый еще рыбак. Рассудил почти бессознательно, ни о чем таком не думая. Но ведь отсюда-то, решил я далее, всего шажок и до крохотной искусственной мушки, на которую до сей поры рыбачат на Алтае. Как это, оказывается, просто.

Я выполз тихонько из спальника, Дамка тотчас же взметнулась на настил, лезла целоваться, мешая мне одеться. Я укорял ее шопотом, чтобы не разбудить Отца. Только-только развиднелось, похрустывал под ногами схваченный заморозком мох. Дамка челноком проскальзывала впереди. Затем я потерял ее из вида. Осторожно вышел на край заиндевшего болота, оглядел его, сделал шаг из елей, и сразу же из клюквенных кочек снялся огромный черный петух. «Да где же Дамка?» - успел я только подумать, а она уже, звеня, стлалась под ним, и оба они – черный петух в светлеющем воздухе и черная узкая лайка – неслись к тому краю болота, как связанные. Я осторожно двинулся следом, пока она не усадила петуха на высокую ель, и пошел, уже почти не скрадывая. Дамка, умница, взлаивала под елью, разворачивая глухаря ко мне хвостом, и он послушно поворачивался за нею, и вид у него был восхитительно глупый, как у царственной особы, которую на приеме шокирует поведение премьер-министра.

Когда я подошел после выстрела, она уже лежала, прихватив зубами черно-зеленую парчевую шею, уперев растопыренные лапы в мертвые крылья, косясь на меня бедовыми глазами. Мы перемигнулись, и тут же я увидел низко идущего стороной глухаря.

- Дамка!

- Ну? - крикнула она.

- Да глухарь же!

- Где?

Я показал, она выбросилась вверх, вертя на лету узкой азартной мордой, и унеслась прочь к далекому островку чернеющего на болоте леса. Я так долго шел на ее призывный лай, что когда вступил в лес, ей, видимо, надоело бесцельно облаивать добычу. Она вывернулась мне навстречу из кустов весело и беспечно.

- Ты что же это? - шепотом спросил я.

- А что такое? - притворно изумилась она.

- Как что? А глухарь?

- А, подумаешь, сейчас нарисуем!

Она бесшумно исчезла, и снова слышался ее звон. Я осторожно выглянул: на тонкой вершине старой лиственки блестел в косых лучах черным опереньем глухарь, а напротив в голубом уже небе прозрачно светилась обсыпанная краснобровыми косачами береза.

Два дня мы плыли на веслах, заплутавшись в необъятном половодье Оби. Наконец напали на избушку, чудом утвердившуюся на крохотном островке среди воды и затопленного ракутника. Я спросил у хозяина, что он тут в одиночестве делает и что это за места.

- А вот большая вода падет, коровенок буду пасти. А местность наша называется Каремпост.

- Что это за Каремпост? - бормотал я про себя, разглядывая карту.

- Да ты чо хоть? - как бы даже обиделся хозяин. - Каремпоста не знаешь! Октябрьского района будем.

Я понял, что уплыли мы далеко за пределы планшета и решил теперь догребаться до Октябрьского.

- Нельзя, слышь, плыть-то, - сказал хозяин. - Однако шибко большая гроза нонче случится. Давай-ка с ребятами своими в хате ночуй.

И верно, к вечеру недвижно повис воздух, далеко на востоке над высоким берегом густела тяжелая синева. Быстро стемнело. Хозяйский кобелек, повизгивая, стал масться к нашим ногам и вдруг, судорожно зевнув, взвыл. Упали редкие тяжелые капли. И тотчас же черноту над высоким обским берегом буквально разодрал ветвящийся горизонтальный разряд такой непостижимой длины и такой сокрушительной мощи, что под ним должно было, казалось, испепелиться все живое. В треске и грохоте ветвились одна за одной эти жуткие молнии, и таежный пожар, разрастаясь вопил в обезумевшие небеса.

Множество я видел, гроз и множество молний. Но не довелось мне видеть грозы, страшнее и значительнее той обской. Она была как бы и не явлением природы, а неким знаком или предостережением, заставляющим меня понять свое место в природе.

Поздней осенью мы сплавлялись с Кэпом на резиновой двухместной лодке по реке Большая Вольма. Была она вовсе не большой, а уютной и домашней, с быстрой в самую меру полой водой. Берега ее поросли старым лесом, высились могучие ели и отцветающие лиственницы – нежно желтело их оперенье. Мы плыли бесшумно, не распугивая без нужды хохлатых уток, тонко посвистывающих на берегах рябцов, глухарей, запасающихся впрок на берегах отмытым речным гравием. Черный ворон парил на тяжелых крыльях, огибая вместе с нами излучки реки. Конечно, мы держали в голове контрольный срок выхода на Печору к последнему теплоходу, но словно бы выбились из времени и отдалились душою от всех прошлых и будущих забот. Кэп, продувной московский осводец, променявший на полгода свою полупьяную жизнь на холодноватую горечь севера, исправно рулил кормовичком, наслаждаясь покоем, тишиной и странной свободой. Следя за картой, я в полуха ловил его отрывочные умозаключения.

- Кстати, о птичках. То бишь, я о кине, значит. Я все недоумеваю, какие-то сейчас интересные артисты пошли. Не разбери-поймешь, воще. Вот до того – до того! - Любовь Орлова была? Это же действительно звезда была! Нет, честно: и на гармозе она шпилила и чечетку колотила...

- Да, финишируем мы очень даже отлично. Без всяких там гандикапов.

- Вот когда здесь так, значит, плывешь, начинаешь, воще, чувствовать свою связь с природой, точно? Нет, честно. Ощущаешь какую-то, ну, как выразиться, неразрывность, точно?

Все точно, Кэп. Взламывая киркой породу, добираясь до руды, до земных недр, вдохновенным прозрением высветляя прошлое, мы взламываем также гранитные оболочки наших душ, добираясь до истины и высветляя будущее. То самое, в котором каждый удар кирки обретет смысл. Смысл и то, что остается, к счастью, выше смысла.

Годы проходят, а ты все помнишь. Закроешь глаза – ледяная гряда Приполярного Урала, галечниковые косы вдоль стеклянной воды Войкара, полная, совершенная тишина. Тогда, во втором часу ночи, из тоненьких листвянок вышел на перекат бык, багряный от пламенеющего на восходе солнца. Он застыл посредине воды на перекате, как бы раздвинув берега. Кап легко вскинул свою «Белочку», и «турбинка» пошла над рекой, туго ввинчиваясь в слегка остуженным над водой воздух. Пуля срикошетила у лосиных ног, он заплясал, не понимая, откуда звук, затем вырвал себя из воды, взлетел в закипевших брызгах на берег. Листвяники вздрогнули и сомкнулись за ним.

Когда тишина смилостивилась над нами, затененную обрывчиком, гладью летящую воду бесшумно вспорол сине-оранжевый гребень хариуса в ладонь высотой. Стало слышно пенье комаров, грохот реки на сливе за перекатом. Похоть, охватившая нас во время стрельбы, истаяла сама собой. Хариусы начали выбрасываться на мушку, река пошла зеркалами. На ближнем озере виолончельно вскрикнули лебеди.

В серебряном лепете
приречных ив
выплывают лебеди
из заводей своих.

Песня их, как в завязи
нектар цветка.
Умираю от зависти:
так сладка!

Тундра это любит –
учить людей,
чтоб немели люди
от ее лебедей.

Слушаю, слушаю,
не устаю...
Называют службою
жизнь свою.

Ханты-Мансийск. 1981-82 гг.